

«ЗА ВКЛАД В ФАНТАСТИКУ» — под таким девизом Большой приз «Странник» за 1994 год присужден заведующему отделом фантастики журнала «Уральский следопыт» Виталию Ивановичу БУГРОВУ (посмертно). Приз вручен Н.Г.Бугровой на состоявшемся в Санкт-Петербурге очередном «Интерпрессконе»-95.

Профессиональную литературную премию в области фантастики «Бронзовая улитка», учрежденную Б.Н.Стругацким, получили:

Андрей Лазарчук (Красноярск) — за роман «Солдаты Вавилона» (журнал «День и ночь», Красноярск, 1994, № 1-3);

Александр Щеголев (Санкт-Петербург) — за повесть «Ночь навсегда» (журнал «Нева», СПб, 1994, № 4);

Борис Штерн (Киев) — за рассказ «Кашей Бессмертный — поэт бесов» (в книге «Сказки Змея Горыныча», Киев, 1994);

Вячеслав Рыбаков (Санкт-Петербург) — за очерк «Кружась в поисках смысла» (б-ка журнала «Двести», СПб, 1994).

Премии «Интерпресскона»:

Святослав Логинов (Санкт-Петербург) — за роман «Многорукий бог далайна» (изд-во «ФЛОКС», Нижний Новгород, 1994);

Сергей Казменко (Санкт-Петербург) — за повесть «Знак Дракона» («ЛитерА», «Интерпрессервис», СПб, 1993);

Сергей Лукьяненко (Алма-Ата) — за рассказ «Фугу в мундире» (журнал «Миры», Алма-Ата, 1993, № 2);

Вадим Казаков (Саратов) — за очерк «Полет над гнездом кукушки» (журнал «Двести», СПб, 1994, № Б).

Литературные премии «Странник»:

Михаил Успенский (Красноярск) — за роман «Там, где нас нет» (журнал «День и ночь», Красноярск, 1994, № 4/5);

он же — за повесть «Дорогой товарищ король» (журнал «Фантакрим-МЕГА», Минск, 1994, № 2);

Борис Штерн — за тот же рассказ, награжденный «Улиткой» Б.Н.Стругацкого;

Виктор Пелевин (Москва) — за очерк «Зомбификация» (журнал «День и ночь», Красноярск, 1994, № 4/5).

Специальные призы «Странник»:

издательство — «Мир» (Москва),

редактор — Роман Солнцев (Красноярск, журнал «День и ночь»),

художник — Яна Ашмарина (Санкт-Петербург),

переводчик — Сергей Хренов (Санкт-Петербург).

Звездой № 1 фэндома из 200 самых известных фэнов избран Борис Завгородний (Волгоград).

«Уральский следопыт» от души поздравляет всех лауреатов!

УРАЛЬСКИЙ следопыт ISSN 0134 - 241X

7 • 95

«ОЙ, КУДА МЫ ЗАЛЕТЕЛИ!» — СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК ДЛЯ ДЕТЕЙ: ВЕСЕЛЫЕ РАССКАЗКИ, СКАЗКИ, ПОЛЕЗНЫЕ СОВЕТЫ
ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ О ВОЛШЕБНОМ ПУТЕШЕСТВИИ
ИНОПЛАНЕТЯНЕ НА УРАЛЕ: НЕОЖИДАННЫЕ ВСТРЕЧИ
УФА ЗОВЕТ В ИНДЕЙСКИЙ ЛАГЕРЬ
ИСТОРИЯ ОРДЕНА СЯТОГО ГЕОРГИЯ

ISSN-0134-241X Индекс 73413, «Уральский следопыт», 1995, № 7, стр. 1-80

Читайте очерк Игоря НЕПЕИНА
«ЗА СЛУЖБУ И ХРАБРОСТЬ»
на 2-й стр. журнала

Знаки ордена Св. Георгия: звезда,
лента и крест I ст., крест IV ст.

Знак отличия Военного ордена
(Солдатский георгиевский крест)
Георгиевский бант из крестов
I, II, III и IV ст.

Колчак А. В. (1874-1920)

Румянцев-Задунайский П. А.
(1725-1796)

Деникин А. И. (1872-1974)

Редакция:

Виктор КЛОЧКОВ
(главный редактор),
Юний ГОРБУНОВ,
Герман ИВАНОВ
(заместитель главного редактора),
Сергей КАЗАНЦЕВ,
Анна КОСТРИКОВА
(художественный редактор),
Юрий ШИНКАРЕНКО,
Максим ШИШКИН,
Леонид ШУНЯЕВ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Виктор АСТАФЬЕВ,
Владислав КРАПИВИН,
Станислав МЕШАВКИН,
Николай НИКОНОВ,
Олег ПОСКРЕБЫШЕВ,
Геннадий ПРАШКЕВИЧ,
Борис СТРУГАЦКИЙ

Компьютерная верстка:
Анна КОСТРИКОВА

Адрес редакции:

620142, ЕКАТЕРИНБУРГ,
ул. ДЕКАБРИСТОВ, 67

Телефоны отделов:

224-501 (ФАНТАСТИКИ,
КРАЕВЕДЕНИЯ, СЕКРЕТАРИАТ),
220-481 (ПРОЗЫ И ПОЭЗИИ,
ПУБЛИЦИСТИКИ, НАУКИ И ТЕХНИКИ,
МОЛОДЕЖНЫХ ПРОБЛЕМ)

Рукописи принимаются перепечатанными
на машинке через 2 интервала, 60 знаков
в строке, 28-30 строк на странице.
Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

По вопросам подписки и доставки
обращаться в районные отделения
"Россвязьинформа".

Бракованные экземпляры отправлять
в ИПП "Уральский рабочий"

Рег. № 441 от 13.12.90
Подписано к печати 14.07.95
Формат бумаги 84x108/16
Бумага газетная
Печать офсетная
Усл.печ.л. 8,4
Уч.-изд.л. 9,8
Усл.кр.-отт. 11,76
Тираж 19 300

Заказ № 292

Все претензии по ошибкам в тексте предъявлять
редакции журнала "Уральский следопыт"
Отпечатано с готовых оригинал-макетов
на ИПП "Уральский рабочий"
620218, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13

На 1—4 стр. обложки слайды
Николая ПЕРЕВЫШИНА

© "УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ", 1995 г.

УРАЛЬСКИЙ следопыт

7.....95

В НОМЕРЕ:

УЧРЕДИТЕЛИ -

СОЮЗ
ПИСАТЕЛЕЙ РФ,

ТРУДОВОЙ
КОЛЛЕКТИВ
ЖУРНАЛА

«За службу и храбрость» Игорь НЕПЕИН	2
Княгиня Анна Благодать Юний ГОРБУНОВ	5
Краеведческая копилка	9
Поэзия Владимир СИБИРЕВ	10
Журнал в журнале «Аэлита»	
Ключ в траве. Сказка Ольга ВОРОНИНА	11
«Ой, куда мы залетели»	25
Рассказы Олег КУРГУЗОВ	26
Сказки из Сугробихи Юрий ШИНКАРЕНКО	32
Сказка про Ивана умного Юрий СУХОВ	41
Золотое сердце Клементинки Сергей ГЕОРГИЕВ	45
Легенды Крыма и прочих славных мест Юрий ВИЙРА	49
Кукольный дом. Сильнее «Дикой Розы» Ольга КОЛПАКОВА	54
Ключ в траве. Окончание Ольга ВОРОНИНА	57
Заочный КЛФ	71
Пришельцы на Урале: есть контакт? Максим ШИШКИН	72
«Музыки грохот, свеч блистанье...» Юрий СЫТНИКОВ, Леонид ЗЛОКАЗОВ	75
Лагерь «Говорящая Вода» Динара ХУСАИНОВА	78

ЖУРНАЛ ОСНОВАН
В 1935 ГОДУ.

ВОЗОБНОВЛЕН
В 1958 ГОДУ.

Игорь НЕПЕИН

«ЗА СЛУЖБУ И ХРАБРОСТЬ»

(ОРДЕН СВ. ГЕОРГИЯ)

26 ноября 1769 года императрица Екатерина II учредила орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Он предназначался исключительно для награждения военных, совершивших тот или иной подвиг.

Георгий Победоносец был символом воинской славы, еще во времена Киевской Руси этот святой покровительствовал великим князьям и русскому воинству.

Орден Св. Георгия стал первым многостепенным (четыре степени) в истории наград Отечества. Он предназначался не только высшим военачальникам, но и почетным офицерам. И вскоре стал самой популярной и почетной наградой среди военных всех родов войск, пользовался заслуженной славой во всей Европе. Лишь немногие иностранные полководцы и монархи удостоились первой степени этого боевого ордена.

Первым из таковых в 1813 году его получил бывший маршал Франции Бернадот, ставший к тому времени наследным принцем Швеции, позднее королем Швеции и Норвегии. Затем последовали два фельдмаршала: прусский Г.Л. Блюхер и австрийский К.Ф. Шварценберг — за победу над Наполеоном в «битве народов» под Лейпцигом; английский фельдмаршал герцог А. Веллингтон — за победу над Наполеоном под Ватерлоо; французский герцог Людовик Ангулемский — за подавление революции в Испании; австрийский фельдмаршал Иосиф Радецкий — за успешные действия против революции в своей стране; прусский король Вильгельм I — в честь столетия со дня учреждения ордена; прусский же фельдмаршал Альбрехт Фридрих Австрийский — за победы во время франко-прусской войны.

Знаки ордена состояли из ленты, звезды и крестов различной величины в зависимости от степени. Двухцветная лента ордена — три черных и две оранжевых полосы — носилась через правое плечо поверх мундира. Золотая ромбовидная звезда имела в центре вензель Св. Георгия, а вокруг на черном фоне значился девиз: «За службу и храбрость». Носилась звезда на левой стороне груди.

Кресты тоже изготовлялись из золота и покрывались белой эмалью. В центре креста, на розовом фоне, имелось изображение Св. Георгия на коне, поражающего копьём змея. Кресты I, II, III степеней носились на шее, четвертой — в петлице, на груди.

Награждение орденом Св. Георгия любой степени

давало право на потомственное дворянское достоинство Российской империи.

После смерти Екатерины II император Павел I отменил награждение этим орденом, однако при императоре Александре I оно возобновилось.

Империя умела не только награждать, поощряя своих героев, но и хранить в памяти потомков их имена. Кто не знает знаменитую на весь мир Военную галерею Зимнего дворца, где размещены 329 портретов генералов, участников войны 1812 года и заграничного похода русской армии. Не менее знаменит и Георгиевский зал Большого Кремлевского дворца. Там, начиная с 11 апреля 1849 года, на стенах и колоннах помещали беломраморные доски, на которых золотыми буквами выбиты имена георгиевских кавалеров, а также названия пехотных частей и соединений, морских кораблей, отмеченных георгиевскими наградами — знаменами, флагами, штандартами, трубами.

Только кавалеры Св. Георгия I степени получали все знаки ордена: ленту, звезду и крест. За всю историю существования ордена их насчитывается всего 25 человек; андреевских — более тысячи.

О редкости и значимости награды говорят следующие факты. За всю войну 1812 года только один человек удостоился этой награды империи — главнокомандующий русской армией, светлейший князь, генерал-фельдмаршал М.И. Голенищев-Кутузов (Смоленский). Никто из участников русско-японской и первой мировой войн таким «Георгием» отмечен не был.

А первым кавалером ордена Св. Георгия I степени стал Петр Александрович Румянцев, граф Задунайский, генерал-фельдмаршал. Удостоен этой награды за победы при Рябой Могиле, Ларге и Кагуле во время русско-турецкой войны 1768-1774. В том же 1770 году «Георгием» награждены: Алексей Григорьевич Орлов, граф Чесменский, генерал-аншеф, главнокомандующий русским флотом в Средиземном море во время войны с турками — за разгром турецкого флота в Чесменской бухте; Петр Иванович Панин, граф, генерал-аншеф — за взятие штурмом 15 сентября 1770 года крепости Бендеры.

В 1771 году: Василий Михайлович Долгоруков-Крымский, князь, генерал-аншеф. Во время войны с турками командовал 2-й армией, действовавшей против Крымского хана. Разбил войска противника и занял Крым. В

1788 году ордена удостоен Григорий Александрович Потемкин, князь Таврический, генерал-фельдмаршал — за взятие крепости Очаков.

В 1789-м — Александр Васильевич Суворов, граф Рымникский, князь Италийский, генералиссимус русской армии. За победу под Рымником Екатерина II осыпала его бриллиантами и наградами. Полководец получил графское Российской империи достоинство с приставкой Рымникский, бриллиантовые знаки к ордену Андрея Первозванного, шпагу, осыпанную бриллиантами, с надписью «Победителю визиря», бриллиантовый эполет, драгоценный перстень. Посылая награды Суворову, Екатерина II писала Потемкину: «Хотя целая телега с бриллиантами уже наложена, однако кавалерии Егорья большого креста посылаю по твоей просьбе, он того достоин».

Известна и реакция полководца на редкостную награду в письме к дочери Наташе: «... от великодушной матушки рескрипт на полулисте, будто Александру Македонскому, знаки Св. Андрея, тысяч в пятьдесят, да выше всего, голубушка, первой класс Св. Георгия. Вот каков твой папенька за доброе сердце! Чуть, право, от радости не умер».

В 1790 году «Георгия» получил единственный из русских адмиралов Василий Яковлевич Чичагов. В русско-шведскую войну он командовал Балтийским флотом и нанес шведам несколько поражений при Эланде, Ревеле, Выборге.

Последние награждения орденом Св. Георгия I степени связаны с русским императорским домом. Награду получили великие князья Михаил Николаевич, Николай Николаевич (старший), отец верховного главнокомандующего в первую мировую войну Николая Николаевича (младшего).

Кавалеры ордена Св. Георгия II степени получали золотую ромбовидную звезду и белый крест меньших размеров, чем у I степени, который носили на шее на белой узкой георгиевской ленте.

Среди награжденных (а их 121) такие прославленные в истории Отечества военачальники, как Ф.Ф. Ушаков, П.С. Нахимов, герои войны 1812 года и заграничных походов русской армии Н.Н. Раевский, М.С. Воронцов, М.И. Платов. Эти имена на слуху. Но хотелось бы назвать и забытых кавалеров «Георгия» II степени.

Мало что говорит современному читателю имя Александра Ивановича Бяратинского. Известно только, что князь учился вместе с Лермонтовым в школе кавалерийских юнкеров и гвардейских подпрапорщиков и с будущим поэтом не сошелся. Между тем войска генерал-фельдмаршала Бяратинского 24 августа 1859 года взяли штурмом аул Гуниб, укрепленный Шамилем, а сам Шамиль попал в плен. Именно это событие положило конец кровопролитнейшим кавказским войнам. А.И. Бяратинский стал тогда национальным героем России. В собрании Объединенного Исторического музея (Москва) хранится его шашка, усыпанная бриллиантами с надписью «В память покорения Кавказа».

Кроме того, князь был страстным библиофилом, собирал редкие книги и рукописи, которые впоследствии оказались в фондах Российской государственной библиотеки.

В дневнике Николая II за 1915 год есть такая запись: «... Дал Николаше Георгия 2-й степени». Сын Николая Николаевича (старшего), внук Николая I, генерал-адъютант и генерал от кавалерии Николай Николаевич (младший) окончил Николаевское инженерное училище, Академию Генерального штаба. Во время русско-турецкой войны состоял для особых поручений при своем отце, главнокомандующем, затем командовал лейб-гвардии Гусарским полком. В 1905-1915 — командующий войсками гвардии и Петербургского военного округа. Во время германской войны — Верховный главнокомандующий русской армией. Смещен по настоянию императрицы Александры Федоровны, которая боялась усиления его влияния... Эмигрировал из Крыма в марте 1919 года. Среди эмигрантов считался одним из главных претендентов на российский престол.

Одним из виновников отречения Николая II от престола был генерал Н.В. Рузский, тоже георгиевский кавалер. Он участвовал в русско-турецкой войне, а в русско-японской руководил полевым штабом II Манчжурской армии. В первую мировую командовал III армией, затем был главнокомандующим Северо-Западным и Северным фронтами. В октябре 1918 года зарублен шашкой чекистом Артабековым в Крыму.

Только с большим знаком «минус» привыкли мы воспринимать Николая Николаевича Юденича, генерала от инфантерии. Генерал был участником русско-японской войны, потом начальником штаба Казанского, а затем Кавказского военных округов. В начале I мировой возглавлял штаб Кавказской армии. В 1916-м провел успешные Эрзерумскую и Трапезундскую операции. Н.Н. Юденич — один из руководителей контрреволюции на Северо-Западе России, лидер «Белого дела». В 1919 году руководил весенне-летним наступлением белогвардейских частей на Петроград. В мае создал антисоветское «Политическое совещание», а в октябре-ноябре с остатками армии отступил в Эстонию. Умер Юденич в Канаде, похоронен в Ницце.

Кавалеров «Георгия» III степени — 653. Они получали золотой, покрытый белой эмалью крест, который носили на шее.

Самым первым георгиевским кавалером в русской армии, получившим сразу III степень, стал подполковник I-го гренадерского полка Федор Фабрициан, награжденный 8 декабря 1769 года.

Многие кавалеры Св. Георгия III степени, получившие орден во время первой мировой войны, потом возглавляли «Белое дело». В их числе командующий Добровольческой армией Лавр Георгиевич Корнилов. В марте 1917 года он вместе с Гучковым ночью объявил об аресте императрицы Александры Федоровны и ее детям. Родом он был из сибирских казаков. Образование получил

в Омском кадетском корпусе, Михайловском артиллерийском училище и Академии генерального штаба, которую закончил с золотой медалью. Участвовал в разведывательных действиях в Восточной Персии. В журналах поместил ряд статей о Персии и Индии, а в 1901 году опубликовал книгу «Кашгария и Восточный Туркестан». «Георгия» IV степени получил во время русско-японской войны.

В германскую генерал Корнилов командовал 48-й дивизией и стяжал ей имя «Стальная». Во время общего отхода нашего боевого фронта с отрядом храбрецов отступил последним, прикрывая отход. Тяжелое ранение привело к пленению генерала. Но, оправившись от ран, Корнилов бежал из вражеского плена...

В дни Временного правительства генерал был последовательно главнокомандующим войсками Петроградского военного округа, командующим 8-й армией, главнокомандующим Юго-Западным фронтом и, наконец, Верховным Главнокомандующим. Затем отрешение и арест, освобождение из Быховской тюрьмы и побег на Дон, командование Добровольческой армией и смерть на поле брани 31 марта 1918 года.

Преемником Корнилова на посту командующего Добровольческой армией стал генерал-лейтенант Антон Иванович Деникин. В их жизни много общего. Оба пробивались без связей и знакомств, оба окончили Академию Генерального штаба, участвовали в русско-японской войне. Деникин начал ее капитаном, а закончил полковником. Потом почти десять лет ждал производства в генералы.

Под командованием Деникина «Железная бригада», развернутая в 1915 году в дивизию, приобрела широкую известность и славу как одна из самых доблестных дивизий русской армии.

Репутация, приобретенная Деникиным в боях, высшие награды, полученные им: Георгиевское оружие, два Георгиевских креста — четвертой и третьей степеней — вознесли его на вершину военной иерархии.

8 декабря 1918 года Деникин принял на себя командование всеми сухопутными и морскими силами, действующими на юге России. После разгрома белого движения эвакуировался в Крым. Там передал верховное командование генералу П.Н. Врангелю и отбыл за границу, жил во Франции. А.И. Деникин — автор книг: «Очерки русской смуты», тт. I-5, «Офицеры. Очерки», Париж, 1929, «Путь русского офицера», М., 1991.

Уже не секрет, что прообразом Романа Хлудова в пьесе М.А. Булгакова «Бег» стал генерал-лейтенант Яков Александрович Слащев, получивший к своей фамилии почетную приставку «Крымский». Подвиги Слащева во время I мировой войны отмечены орденами Св. Анны III ст. с мечами и бантом IV степени с надписью «За храб-

рость»; Георгиевским оружием; орденами Св. Владимира IV ст. с мечами и бантом; Св. Георгия IV ст. и другими. Я.А. Слащев оставил после себя книги: «Белый Крым 1920 г.», «Требую суда общества и гласности. (Оборона и сдача Крыма.)», Константинополь, 1921, «Мысли по вопросам общей тактики», М.-Л., 1929.

Орден Св. Георгия всех степеней и золотое Георгиевское оружие с надписью «За храбрость» служило наградой лишь офицерам и генералам. Для награждения солдат, унтер-офицеров и матросов в 1807 году учрежден Знак отличия Военного ордена. Первоначально это был серебряный георгиевский крест, имевший одну степень. Первым Знаком отличия Военного ордена получил унтер-офицер Кавалергардского полка Е.И. Митрохин, отличившийся в бою с французами под Фридрихсландом 2 июня 1807 года. В том же году за спасение офицера им награждена «кавалерист-девица» Н.А. Дурова. Этот орден в период русско-французских войн получили более 40 тысяч человек, в том числе 6783 — за Отечественную войну 1812 года. В период Крымской войны орденом было награждено 24 150 человек.

В 1856 году были установлены четыре степени Знака отличия Военного ордена: I и II — с золотыми крестами, III и IV — с серебряными.

В 1913 году Знак отличия Военного ордена был переименован в Георгиевский крест. Нумерацию начали снова по каждой степени. Такими крестами в русско-турецкую войну были награждены 46 тысяч человек, в русско-японскую — 87 тысяч.

Кресты всех четырех степеней составляли Георгиевский бант.

Заметим, что солдаты и матросы, награжденные Георгиевским крестом, не рассматривались как кавалеры ордена Св. Георгия; они лишь числились при ордене. Их имена напрасно искать в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца.

Однако награждение крестом давало ряд преимуществ и льгот: повышение жалованья, «изъятие от телесных наказаний», исключение из податного сословия.

На снимках (на 2-й стр. обложки):

1. Знаки ордена Св. Георгия: звезда, лента и крест I ст., крест IV ст.
2. Знак отличия Военного ордена (Солдатский Георгиевский крест). Георгиевский бант из крестов I, II, III, IV ст.
3. П.А. Румянцев-Задунайский. Неизв. художник, 1770-е гг., Гос. ист. музей (Москва).
4. А.В. Колчак.
5. А.И. Деникин.

Юний ГОРБУНОВ

КНЯГИНЯ АННА БЛАГОДАТЬ

Рисунок Марии БАЖЕНОВОЙ

Вот закончится жизнь,
И тогда уж начнется...

Кажется, Сергей Юрский

Дело было на железнодорожной станции в городке Кашине в первый год Великой Отечественной войны. Ночной охранник шел по путям в усталой задумчивости, как вдруг впереди, в неясном свете желтых ламп увидел фигуру женщины в монашеском одеянии. Чистое, обрамленное темным, лицо. Правая рука слегка поднята в благословляющем жесте. Именно лик и рука излучали свет.

Опешив и остановившись в отдалении, охранник спросил — таки, кто она и что делает здесь.

— Я преподобная Анна Кашинская, — ответствовала женщина. — Я охраняю свой город и свой народ.

Таково предание времен совсем недавних.

А мы, если помнит читатель, оставили княгиню Анну в Твери, ликующей факелами и колокольным звоном, ночью 22 декабря 1317 года, когда она, раскрыв объятия, пошла навстречу плененной Кончаке. Но, удрученная происшедшим, княгиня московская объятий не приняла...

Анна проснулась затемно и сразу поняла, что наступил ее последний день, — сегодня она умрет. Необычная легкость, прямо невесомость царила в теле.

Стояли в келье тишь и темень. Только неясным голубоватым пятном мерцал-свегился на стене образ. Она узнала святую Иулианию — значит, нынче 2 октября.

Встала. Минуту было ей легко и бездумно ждать. И вдруг осенило: а ведь он, гость-искуситель, не преминет явиться, без него ей не уйти. И этим легким беспокойством жизнь как бы снова затеплилась в ней.

Анна не знала, кто это был, ее частый ночной собеседник. Ни имени не ведала, не зрела лица. Иной раз он виделся старцем, медлительным, трудно носящим грузное тело. Таким, каким из детства помнился ей ростовский святитель Игнатий.

А то являлся бесцеремонным, как будто молодым, мельтешил по келье неуловимо. Ну прямо бес, прости Господи.

А в инако время угадывала в нем Анна едва ли не ордынца Петра. Того самого, тоже из детства, Батыева племянника, бежавшего из Орды в Ростов под зовущую сень христианства. Обретя в душе Христа, царевич ордынский воздвиг себе обитель близ Ростова на озере Неро и днями молился там.

Когда было Анне двенадцать или тринадцать лет, довелось ей быть в той обители с отцом, князем ростов-

ским Дмитрием Борисовичем. Помнит Анна, что стояла, а Петр сидел на каких-то мешках, положив руки ей на плечи. Легкие, костистые руки. Что это было? Почему оказались они в келарне одни? О чем говорил ей старик, сухой и горячеглазый? Все исчезло из памяти, только помнит Анна, что руки его все тяжелели и шли, шли — по волосам ее, по плечам, по чреслам... Возвращались, шли опять. Потом за дверью раздался голоса, и Петр подтолкнул ее к выходу...

Анна ждала. Уже день клонился к вечеру, послушница свечу затеплила и вышла. Анна все ждала. И задремала будто. И сразу

почувствовала, что он уже здесь — пламя свечи колебнулось, и тень слабая появилась на стене.

«Гость» заговорил как всегда, с какой-то фразы из прошлой их встречи. Этакая противная причуда.

— Почто не настояла, мать-княгиня? — Анна «узнала» ордынца. — Ведь голос тебе был! Почто послушалась?

Она силилась вспомнить, о чем это он. И молчала.

— А по то послушалась, что горда. По то, что правые, мол. И что рати сильнее. И что багатуров ордынских не тронули под Бортеновым. И что округа за Тверь стоит. И новгородцы вон... Горда-а, мать-княгиня.

— Да пойми ты, — вспомнила, наконец, Анна их последний спор. — Ему, Михаилу-то, редко такое выпада-

ло, чтобы по делам, по чести и по закону, а не по милости хана великим князем побыть.

Она чуяла, что «гость» усмехнулся на ее слова, а не знала, что еще сказать.

Нет, не в силах она была тогда перебороть себя и сразу, не обопнувшись, послать Михаила в Орду. Не оставшего еще от боя, не успевшего испить из кубка победы той... А надо было. Ох как надо! С повинной послать и со всем задолжавшимся выходом. Все отдать свои драгоценности на подарки женам ордынским. Наперед Кавгадья, наперед Юрия, наперед молвы и смуты! Кликнуть бы дружину самой, на коней посадить. Не пошел, так вытолкать бы, как постылого...

— То и говорю, что горда, — тянул свое «гость».

И Анна согласилась, замолчала. Вспомнила столы, наскоро накрытые в холодных новорубленных сенях княжеского двора. Горы пирогов капустных, шанег, брусники на меду — дни-то постные были. Михаила увидела, уже без доспехов, простоволосого, домашнего. Сыновей, Константина и Александра, нарочито ищущих заделье. А старший, Дмитрий, тот к отцу тянулся, кольчугу словно бы времени нет еще снять... Вася, восьмилеток, последыш, тоже просится за стол. И какой-то боярин раскинул руки, словил его, усадил на колени...

— Живые все... — то ли всхлинула, то ли подумала Анна, — а я бы, значит, торопить? А я бы выгалкивать?

— Так может, на жизнь торопить? Не на смерть?

Не послала Анна, безоглядно отдалась своему счастью. Поймала и ревниво зажала то безумное счастье в кулачке, последнее в такой еще долгой жизни. Ведь никак 89 ей теперь, а было тогда 38.

Похмелье скоро началось. Умерла Кончака, загоношились новгородцы, Кавгадья и Юрий спешно помчались в Орду. И Михаила затребовал хан Узбек. На суд затребовал, на погибель...

— А какой это, Анна, был год, когда Дмитрия твоего не стало? — послышался ей как бы голос Игнатия, ее духовника ростовского.

— Так пять лет минуло с Михайловой смерти, выходит, 1323-й.

— Это не в пору ли новгородского похода на Устюг?

Но Анна этого вопроса не слышала, ибо «гость» назвал уже имя Дмитрия. Вот уж какую смерть не простит она себе. Вот уж в какой грешна — сына старшего, великого князя тверского Дмитрия Грозные Очи.

Став, вскоре после гибели отца, на Руси великим князем, Дмитрий не только не успокоился, а как бы собрался весь, сосредоточился на одной только мести за отца. Виновика видел одного — Юрия, князя московского. Искал случая, чтобы рать его встретить. И повезло однажды, да брат Александр тогда сплеховал — упустил Юрия. И вот случай свел их прямо в Сарае-Берке, ханской столице. Раз свел, значит, случай слепым не бывает. Не надеясь, что будет второй, Дмитрий выхватил меч и убил Юрия. А за этим последовала и его казнь.

— Горя-ач, — сказал «гость», поняв, о чем думает Анна. — Не даром твои тверичи прозвали его Грозные Очи.

— Да не грозный он был, — сразу ухватилась Анна.

— Добрый. Скоро хотел до отца дорасти, за волосы себя тянул. Вот и строжился.

— Знаю.

— Куличи любил мои, медовые. Помнишь?

— Как не помнить, Анна.

— Пальцы после них за столом облизывал все по одному.

— А если кто смеялся, — в тон Анне продолжил «гость», — схватит, бывало, что ни попадя — и в него. Слезы на глазах.

Анна светло молчала.

— А как тело отцово привез Александр из Москвы, вижу — другой стал. Безоглядный какой-то. Боярина встретит, гридня ли своего — только и разговор: «Не дам жить Москве, Юрию не спущу». Мне бы его пристрожить...

— Да разве ты не говорила, Анна! Знаю: кричала даже, ногами топала. Думать, мол, забудь про Юрия Даниловича.

— То-то вот — кричала, топала...

Анна сухими глазами смотрела в темноту. Она боялась тогда, потому и кричала, и топала. Но сама себе не сознаваясь, она хотела мести!

Боялась за Дмитрия и хотела! В этом-то вся и беда. И то в ней толпилось, и другое...

— Разве кричать на него надо было? — тихо сказала. — Он крика не слышал, говорил: «Ладно, мать»... Надо было так его любить... так любить...

— Ты ли не любила, Анна?

Она опять молчала на это. А потом сказала как-то нехотя:

— Ты не понимаешь. И не надо тебе — это мой грех, материнский.

— Не кори себя. Муж ведь он тебе был, Михаил-то.

— Что ты, что ты, — замахала на него. — Не говори так. — И сникла. — Двоим в той светелке никак не поместиться. Тесна. Или любить или...

Долго тихо было в келье. Чуть шевелилась тень на стене. Половинилась свеча.

— А не помянуть ли нам Шевкала, мать-княгиня? — Это опять ордынец.

— Поминать так всех — и тверичей, и Шевкала.

— И великого князя тверского Александра Михайловича, что позорно бежал от расплаты в Литву, — ехидно продолжил «гость».

— Позор тот на мне, — тихо сказала Анна.

— Или сама посадила его на коня?

Она промолчала на это.

А случилось тогда на Руси вот что.

Хан Узбек хоть и дал после казни Дмитрия ярлык на великое княжение брату его 26-летнему Александру Михайловичу, но решил-таки тверичей постращать. Чтобы знали свой шесток. Отправил в Тверь то ли послом, то ли воеводой своего двоюродного брата — Шевкала. И тот порезвился всласть. Летопись говорит, что и Анна с сыновьями — Константином и Василием, и сам великий князь с семьей, уступив «гостям» детинец, ютились где-то в городе. Меры в грабежах и пакостях Шевкалом не знал, забыл, что и без того раздражены тверичи казнями их великих князей. И вспыхнула смута. Вся

Тверь, вооружась, кто чем мог, поднялась на «поганых». Их меньше было, они уступали и с «послом» своим заговорились в княжеском дворце, чтобы переждать смуту. И тогда Александр, тоже возбужденный народным гневом, дал знак зажечь хоромы. К утру от дворца остался пепел, и не было ни одного пришельца в городе.

Стихия тотчас улеглась. Тверь притихла, ожидая кары.

Александр пришел к матери и рухнул перед ней, испрашивая совета. Рядом пала невестка, и трехлетний внук Федор остановился, не смея подойти, не понимая происходящего.

Анна стояла, уронив руки. Такого от сына она не ждала. Она вспомнила, как вот так же бросился к ней маленький Александр, спасаясь от приبلудного пса, которого сам же и раздражил. «Мальчик, — думала теперь, глядя на беспомощный затылок сына и едва сдерживаясь, чтобы не нагнуться и не погладить. — Какой же ты великий князь — ты мальчишка. Разве великий князь пошел бы теперь к матери? Разве не сам он должен тут решить: остаться ему в городе или уйти из него? Разве стал бы твой отец спрашивать меня об этом?»

И она взяла тот грех на себя. Сразу, не думая, как берут его только женщины. Нагнулась, подняла обоих и велела поскорее собираться.

Хитрый хан не пошел на прямой террор, а призвал Ивана московского, который давным-давно домогался великого княжения, и посулил ему ярлык, а впридачу к ярлыку, говорят, что едва ли не 50 тысяч кметей своих с пятью темниками. Разберись, мол, великий князь, что там у тебя на тверской вотчине за смута. Да приведи мне главного смутьяна Александра-князя. Я подожду.

Такого погрома и ужаса не знали еще ни Тверь, ни Кашин, ни Торжок.

Сколько-то спустя, вернулась княгиня из Ладоги с сыновьями Константином и Василием в разоренную и сожженную Тверь. «И седоша в Твери в велицей нищете и убожестве, — повествует летопись, — понеже вся земля тверская пуста и все бывшие леса и пустыни непроходимые, крамолы ради и лукавства и насилия татарского и почаша помалу собирать люди и утешать от великия скорби и печали и во святых церквах и монастырях паки начинашеса пение и служба божественная».

Тверь поднялась из пепла трудами князя Константина и ее, княгини, молитвами.

Анна видела, что совсем оплывает свеча в тяжелом медном подсвечнике. Не кликнуть ли послушницу? Но смутная тень опять шевельнулась на стене.

— А уж десять лет спустя, мать-княгиня, не ты сына своего садила на коня и отправляла в Сарай? Не ты? Уж не молила ли опять пойти в бега?

— Не молила, — спокойно ответила Анна. — Но боялась. Но не верила хану.

Да, минуло десять лет, и Александр вернулся в Тверь. Казалось, все забыто, тверичи бодры, хан ничем уже не грозит, а что опять зовет к себе, так со всеми же князьями. Александр отправил в Сарай сначала сына Федора, а потом и сам отправился.

Простились уже. Но вдруг страшный ветер поднял-

ся тогда на Волге и не отпускал лодию от берега, как ни тужились гребцы. Помнит Анна, как захолонуло у нее сердце, как дико закричала, как снова бросили сходни, как вбежала и прижала сына к груди. Понял ли он, непутевый, что совсем по-другому и навсегда прощалась с ним она?

Глубокой осенью 1339 года приплыли обратно в Тверь растерзанные останки ее сына и внука. Дождался Узбек.

Тогда в соборной церкви упала она на могилу всех четверых и спрашивала иступленно: «Разве не хватило земли в Твери, Кашине и Ростове, что сложили вы свои головы у злых татар?»

Тогда и постриглась Анна в Софийском тверском монастыре с именем Евфросинии. Княжил теперь в Твери Константин, а Василию отдан был в вотчину Кашин. Но княжил Константин не долго: будучи по делам в Орде, сорокалетним неожиданно скончался. И все там, все там, на татарщине...

— Не гнечи бога, мать-княгиня, — напомнил о себе «гость». — Хоть бы в судный день не гнечи. Или нет твоей в том вины? Аль не знала-не ведала, как суетился Константин, прибирая к рукам бояр и доходы братовы? Аль не плакалась тебе на него вдова Анастасия?

— Молчу я, молчу, — ответила Анна. — Жалела Константина. Что меч близко не держал. Что с Тверью, разореной и поруганной как сиделка, нянчился. У него, у Константина, своей-то жизни, почитай, и не было...

— Так-то молчишь. Горохом рассыпалась.

Анна отрешенно смотрела в темноту.

— Тверь, Тверь... — дразнился «гость». — Что тебе Тверь? Оставила ты ее. И могилы оставила. А, мать-княгиня?

Что могла сказать на это Анна? Как хотел Василий, так и делала. Она теперь тонкой невидимой ниточкой тянулась за ним, за кровинкой своей последней. Она уже легкая была и послушная в свои восемьдесят пять. Как та ростовская девочка-невестушка, кою сговорили за тверского князя Михаила, а в приданое дали вот этот самый Кашин-городок, ростовскую вотчину. Так уж отец, Дмитрий Борисович, распорядился.

И вот через столько лет она, черница Евфросиния, опять в милом сердцу Кашине, где когда-то родилась и ступила на землю вовсе безгрешным ребенком. И выстроен для нее сыном Василием вот этот деревянный смоляной Успенский монастырь, вот эта келья с одним волковым оконцем, во двор смотрящим. И когда возлагали схиму на черницу Евфросинию, она, сама того не ожидая, сказала: «Анна». Пусть опять буду Анна.

И, помнится, улыбнулась чему-то такому земному, такому греховному...

— А пожару и улыбнулась, девка. — Анна увидела мелкое колебание тени на стене. Это он, третий, насмешник ее и вертопрах, нестрашный ее искуситель. — Пожар тверской вспомнила, когда занялся невесть от чего двор княжий. А ночь была. Дворня спала как заговоренная. А Михаил, помнишь? вбежал в одном исподнем, растолкал, схватил тебя горячую, сонную...

— Молчи, охальник, — остановила Анна. — Горели ведь...

— Да уж горели, девка...

Оказывается, та ночь, та бедовая ночь все-то времечко жила с ней, не остывая, раз привиделась даже в судный день. Как нес ее Михаил из дыма и треска пожарного, как выбежал с ней в ночь запыленную, как не позволил ни на ноги встать, ни взять никому, а понес в чью-то пустую дворовую спальню и ну целовать ее лицо, руки, перси. Ее страх, ее жажду... И кололись сначала усы, и перстень царапал кожу. А потом провалилось куда-то все и возникало только вспышками — то задышкой, то жаром, то болью желанною...

И тихо стало потом.

А на дворе трещало, кричали, и лошадь ржала...

— Ты сегодня уйдешь, мать-княгиня, — снова услышала Анна ордынца. — Но я не оставлю тебя, Анна Благада-а-ть...

Голос, показалось ей, звучал уже не здесь, а за стенами кельи, монастыря. Он прямо тек уже по просторам, над неоглядью лесов.

Анна подняла руку и зачем-то потянулась к свече, совсем уже сгоревшей. Но не донесла руку, уронила. Пламя чуть треснуло, чуть колыхнулось и опало в лужице воска.

И ничьей больше жизни не теплилось в ночи.

А теперь мы можем вполне довериться житию преподобной благоверной княгини Анны Кашинской. Тем более, что такой драматичной посмертной судьбы, кажется, не было больше ни у одной святой, в земле российской просиявшей.

Почти на два с половиной столетия имя княгини Анны было забыто. Она напомнила кашинцам о себе в 1611-м, когда осадили город поляки и литовцы, а взять никак не могли. Тут-то жители и увидели чье-то явное заступление. А чье, не знали. Ее имя сказал кашинцам большой пономарь монастырского Успенского собора Герасим. И был исцелен.

С той поры начались чудеса от гроба княгини Анны. Дошла сия молва до царя Алексея Михайловича и патриарха Никона, и на Соборе 1649 года Анну Кашинскую причислили к лику святых. Из ветхого Успенского собора мощи ее перенесли в Воскресенский. Небо благоволило ей. Составили, как полагается, службу преподобной. Сама царица с царевнами вышила покров с изображением благоверной княгини и воздуха для богослужения. А царь повелел заложить храм в ее честь.

Но не дремал и искунитель.

Случилось небывалое в истории русского православия. Патриарх Иоаким усомнился в святости княгини и, не мудрствуя, утвердил указ о запрещении почитания этой святой. Гроб ее в храме опечатали архиерейскими печатями да и саму ее церковь переименовали в храм Всех Святых.

Но чудеса преподобной Анны продолжались. В XVI-II веке спасла она Кашин от чумы, дважды в XIX — от холеры. В 1812 году ее молитвами избавлен был город от французского разорения. Кашинцы продолжали чтить свою крамольную святую. Как запретное чтение, распространяли ее житие, тайно писали ее иконы и чтили их как чудотворные. Вели учет чудесным исцелениям... А в 1853-м прямо ходатайствовали перед св. Синодом о возвращении ей официальной святости. Синод на то не пошел. Отказал кашинцам и император Александр II. Но кашинцы гнули свое. Семь ходатайств в Синод и на высочайшее имя! Более сорока чудес, от гроба преподобной Анны исходящих, описаны в тех «челобитных». Еще долго длились гонения. Только закон о старообрядцах, заявивший им свободу веры и гражданские права, снял и с нее путы.

В июле 1908 года колокола объявили в Кашине все-народный молебен. В городе закрылись все лавки и учреждения, и кашинцы двинулись в Воскресенский собор, чтобы открыто преклонить колени перед заступницей своей. После молебна стали подписывать прошение. А осенью депутация горожан двинулась в Царское Село...

Той же осенью Синод восстановил почитание благоверной княгини Анны Кашинской. А в июне следующего, 1909-го, назначены были торжества по случаю канонизации княгини Анны. Около ста тысяч богомольцев заполнили город, где обитало тогда не больше восьми тысяч жителей. Шли крестные ходы с тяжелыми хоругвями и иконами. Почтила прибытием Анну Кашинскую и великая княгиня Елизавета Федоровна. Ночью пришла с горничной в собор и молилась у гробницы Анны, потом беседовала с богомольцами.

Тысячи голосов пропели тропарь «Днесь восхваляем тя, преподобная мати, великая княгиня Анно...» Два столетия кашинцы произносили его только шепотом.

В 1910 году на Выборгской стороне в Петербурге освятили первый в России храм во имя преподобной Анны Кашинской.

В годы первой мировой и в пору революции гробница Анны стояла неприкосновенной. После Октября церкви в Кашине одна за другой закрывались, и святые мощи путешествовали из одной в другую. И вот один остался в городе действующий храм — в честь святых апостолов Петра и Павла. В нем и пребывали мощи Анны Кашинской до сего дня.

Эти сведения о посмертной судьбе великой княгини взяты мной из книги А. Трофимова «Святые жены Руси» (М., 1993). Его же словами и закончу рассказ: «Хула посылается через людей, но преподобная Анна сохраняет горячую любовь к ним, своей молитвой и терпением помогая их исправлению и разрушению наветов лукавых духов».

Юрий ГЕРАСИМЧУК

ОДНОЙ ЦАРСКОЙ ЖАЛОВАННОЙ ГРАМОТОЙ

До поры, до времени, а точнее, до 1956 года стояли по разные стороны реки Чусовой два поселка: Верхне-Чусовские городки и Нижне-Чусовские городки. Оба старинные и загадочные. Рождением своим относятся к середине XVI века и тесно связаны с именами широко известных в России людей: Строгановых, Ермака, Всеволожских.

Когда взялись строить Камскую ГЭС, оба поселка перенесли в район станции Урал-Нефть. Старый отрезок их истории на этом завершился, начался новый отсчет времени.

В новом поселке В-городки возник краеведческий клуб во главе со старожилами тех мест. И столкнулись они с одной загадкой: когда возникли Верхне-Чусовские городки?

Год основания Нижних известен точно — 1568-й — и никем не оспаривается. А вот возникновение Верхних оспаривают сразу три даты: 1568-й, 1610-й и 1616-й годы. Попробуем вмешаться в этот спор.

Известно, что с 1558 по 1570 год Строгановы получили от царя грамоты на земли по реке Каме и ее притокам — Чусовой и Яйве. За эти двенадцать лет они zaloжили здесь четыре городка: Камгорта, Кергедан (Орел), Чусовской городок — Верхний, Чусовской городок — Нижний и два острожка — Сылвенский и Яйвенский. Была и еще одна грамота — от 25 марта 1568 года, но о ней скажем позже.

Считая, что Верхне-Чусовской городок как раз и zaloжен в 1568 году, рассмотрим, однако, две другие версии.

В своей книге «Дом Строгановых в XVI-XVII вв.» (М., 1962) А. А. Введенский пишет: «... устраивается много деревень и починков, а в 1610-м году устраивается Верхне-Чусовской городок». Эта же дата упоминается и у С. В. Бахрушина (Научные труды, т. III, М., 1955), а также в книге «История Урала» (т. I, Пермь, 1967).

Однако ни Введенский, ни Бахрушин, ни тем более их сторонники эту свою точку зрения никак не аргументируют. Называют — и все! Оставляя за каждым право на собственную версию, мы в данном случае вряд ли можем считать ее основательной.

Другая дата — год 1616-й в трудах исследователей истории Урала и рода Строгановых не встречается нигде. Пермские историки-краеведы, использующие ее, начиная с В. Н. Шишонко, скорее всего позаимствовали дату у А. А. Дмитриева. А тот ввел ее в научный оборот, доверившись «Летописцу» Ф. А. Волегова, обнаруженному в с. Кудымкар. Но здесьстораживаются два обстоятельства.

Во-первых, Волегов составлял свой «Летописец» задним числом, будучи управляющим имением графини Софьи Владимировны Строгановой в 1826-1836 годах — т. е. два с половиной века спустя после интересующего нас события. Не имел он и подлинных строгановских архивов, относящихся ко времени освоения земель по реке Чусовой и походу Ермака, — они сгорели в Верхне-Чусовском городке при пожаре 1748 года.

Во-вторых, Волегов вовсе не указывает на 1616-й год как на дату основания городка, а пишет, что «... в 1616-м году в Верхне-Чусовском городке были открыты соляные промыслы». Это, согласитесь, далеко не одно и то же. В другом месте Ф. А. Волегов указывает: «В тех же годах гг. Строгановы открыли солеварение на р. Чусовой и на Яйве, обезопасив сначала сии заведения так же крепостями под именем городков и острожков». Если городки и острожки основывались прежде, чем обустроивались соляные промыслы, то разрыв в сорок восемь лет между закладкой городка и открытием промыслов вполне возможен и объясним. Бурение соляных скважин в имениях Строгановых велось, порою, десятки лет.

Но рассмотрим и другие документы. Н. Г. Устрялов в работе «Именитые люди Строгановы» (СПб., 1842) пишет так: «Максиму Яковлевичу Строганову достался городок Усолка, или Верхне-Чусовской городок». А этот Яков Строганов умер в 1579-м, значит к моменту его смерти городок уже существовал, коль скоро его, как вотчину, наследовал сын. О том же, кстати сказать, говорит в своей переписной книге М. Кайсаров.

Наконец, еще один неоспоримый аргумент. В жалованной грамоте Г. Д. Строганову от 25 июля 1692 года, грамоте, подтверждающей все прежние пожалования царей Строгановым, прямо говорится, что Чусовской городок — вотчина М. Я. Строганова — пожалован ему царем Федором Ивановичем (годы царствования: 1584 — 1598). Но не существующее ведь не жалуют!

Год 1568-й как дату основания Верхне-Чусовского городка называют составители авторитетных справочных изданий: И. Ф. Штукенберг, П. Семенова и другие.

Ну и наконец самый важный документ — грамота от 25 марта 1568 года. Опубликована она в издании «Дополнения к Актам историческим» за подписью дьяка Володиминова. В ней говорится следующее: «... у соленого промыслу, где они ныне росол нашли, крепости поделати и городок поставити ... и около бы городка у соленого промыслу варницы и дворы ставить по обе стороны Чусовые реки...» То есть одной и той же грамотой разрешено возвести обе крепости (городка). Так это понимали и раньше. В «Строгановской летописи», входящей в «Летопись Сибирскую», есть запись: «1568 г. О поставлении Чусовских городков. В лето 7076 (1568 г.) марта в 25 день государь и великий князь Иван Васильевич всея Руси пожаловал Якова Онникиева сына Строганова жалованной грамотой... по Чусовой вверх восемьдесят верст на правой и левой стороне поставити городки для крепости и обереганья Сибирских и Нагайских людей и иных орд... и людей ему назвать в те городки волно».

Определенно можно утверждать, что грамот отдельно на каждый из упомянутых городков не было.

С.-Петербург

Беспозвоночные

В чем каяться мне?
 В том, что в дни ненастий,
 Как воин, чья Присягу и Закон,
 Терпя обиды, не менял пристрастий
 И не бежал спастись за кордон?
 В чем каяться мне?
 В том, что верил свято
 В знамена над своею головой?
 Магнитку строил,
 Уралмаш когда-то
 И, наконец, с войны пришел живой?
 Что, голодая сам, кормил полсвета?
 Сжигал себя, творя металл и стих?
 В чем каяться?
 И кто спросил про это
 У миллионов сверстников моих?
 Пусть кается, блудливо глаз
 не пряча,
 Тот наш беспозвоночный комсостав,
 Что руки грел над пеплом «культы»
 чаще,
 Чем кто-либо,
 сам этот «культ» создав.

Лесоповал

1.
 Издали поселок как поселок,
 Даже голоса детей слышны
 — Но взгляни, — сказал мой друг
 геолог, —
 Крыши, как штыки, заострены.

2.
 Ягодой во множестве великом
 Угощали ивдельцы меня.
 Сам я греб ладонями бруснику
 С одного обутленного пня.
 Вдруг рука споткнулась на патроне.
 Вздогнув сердцем, пальцы я
 разжал,
 Словно бы увидел капли крови
 Тех, кто из-под выстрелов бежал.

3.
 Стоя по колена в топкой гнили,
 Одурев от визга бензопил,
 Многие здесь одного просили:
 Боже, не лишай последних сил.
 А года ползли, как черепахи,
 Обрастая плесенью болот.
 Намертво клейменные рубахи
 Терпеливо впитывали пот.

Владимир СИБИРЕВ

«ТЕРНЯ ОБИДЫ,
 НЕ МЕНЯЯ
 ПРИСЯГУ АСЯМИ...»

Исход

1.
 Рябой от камуфляжных пятен,
 Июль, ветрам подставив лик,
 Стоит слезлив и неопрятен,
 Как опустившийся старик.
 Из тех, которых у ночлежек —
 Вагон и несколько тележек.
 ...Ступай. Мне нечего подать.
 ...Повсюду тишь и благодать.

2.
 В больных глазах тоска сухой
 польни.
 И губы что-то старчески жуют.
 Ты был когда-то кораблем пустыни,
 А на табличке сказано: верблюду.
 Хотел бы знать я, кто из нас
 моложе?
 И не горюю, что здесь нашел прикол.
 Тем более, не парусник ты все же.
 Мне тоже
 Жаль,
 что я не ледокол.

3.
 Я дружбы женщин не приемлю.
 Я их воспринимаю. Но,
 Как лут росу, как лемех землю.
 И третьего мне не дано.
 Могу принять, как исключенье,
 Перед прыжком в тартарары
 Лишь матери благословенье
 И милосердие сестры.

4.
 Вставало солнце из тумана,
 В оконном плавилось стекле,
 Как дно разбитого стакана
 На кровью залитом столе.
 И в перекрестье тусклых теней
 Был полон сумрак голубой
 Преемственности поколений
 С несостоявшейся судьбой.

5.
 Шурша подолом мокрой юбки,
 Еще по-летнему дика,
 Присела Осень на приступки
 Перед сторожкой лесника.
 Смыкая влажных дней ресницы,
 Клонилась гостя на ночлег.
 Ей с октября все чаще снится
 Постылый выморочный снег.
 И скоро, бормоча проклятья,
 Тепло с ветрами раздаря,
 Она устало бросит платье
 К ногам седого декабря.

6.
 Все в прошлом — женщины и книги
 И ни на что надежды нет.
 Осталось лишь влачить вериги
 Болезней и бесплодных лет.
 Конечно, это все не ново
 И не считается бедой.
 ... Жаль, что не жил, как Казанова,
 И не был Синей Бородой.

Аттракцион

Дрессировщик зверям улыбается.
 Те взамен выдают номера.
 И арена тебе представляется
 Средоточьем любви и добра.
 Будто хлыст излучает сияние,
 А клыки не опаснее glands.
 И программа известна заранее,
 Но программа еще не гарант.
 Блеск ее и размах — на любителя.
 Мне же тяжело от зрелищ и слов.
 Я не верю Звезде укротителя
 И джентльменскому имиджу львов.

Диверсия

Писем груда. И лишь от тебя
 ни полстрочки.
 Зря мне праздники красное дарят
 число.
 Сгоряча, как сплеча — ни секунды
 отсрочки.
 Я-то знаю: взрываться твоё
 ремесло.
 Шепоток чей-то прячется
 в шелесте веток,
 И злорадство
 Кому-то милее купюр.
 Ртуть гремучая в виде сердечных
 таблеток
 И бикфордов,
 завязанный галстуком,
 шнур.

Любовь ВОРОНИНА

КЛЮЧ В ТРАВЕ

Повесть-сказка

Рисунки Анны АНДРОСОВОЙ

ГЛАВА 1

Эта история случилась в одном небольшом, уютном городке. Однажды ранним утром, таким ранним, что за окном все было серым, Маша проснулась и удивилась, потому что она была соня. Она снова зажмурила глаза, но бесполезно: ей не спалось, ну решительно не засыпалось. Любимая комната показалась маленькой и душной, а за окном пели птицы. Наскоро одевшись, с яблоком и потрепанными «Вешними водами» в руках она выскользнула из дома. Улицы были пусты, даже собак и тех не было, и Маша долго и бесцельно бродила по спящему городку, любуясь курчавой его зеленью и ситцевыми газонами. Потом она вышла к пустырю, знакомому с детства до последнего тощенького кустика лебеды, и вдруг побежала, чему-то радуясь. Потом ей стало грустно и жалко себя, и она пошла медленно — и наткнулась на ключ. Он лежал в траве, серебряный, странной формы. Ключ сиял. Маша подняла его, рассмотрела и положила в карман. «Дура, дура!» — закричала ворона, сидевшая неподалеку на сломанном деревянном ящике. «Грубьянка», — подумала Маша и пошла домой.

Конечно, Маша рассказала обо всем дома. У них вообще была привычка рассказывать о необыкновенных приключениях. Папа пил кофе и читал «Медицинский вестник», поэтому слушал вполуха, уловил только слово «серебряный» и после работы купил Маше колечко. Брат посоветовал меньше читать Брэдбери и заняться, наконец, делом. Это был их давний спор, но даже зная, что он прав, Маша все равно не хотела по утрам бегать. Практичная мама попросила показать ключ. Маша показала, но, увы, вместо таинственного ключа на ее ладони лежал ключ от входной двери. Мама расстроилась — у нее не было чувства юмора и она не любила вранья. Но тут все изо всех сил побежали на работу, а Маша осталась мыть посуду. Она мыла посуду, удивлялась и пересчитывала ключи: один у папы, один у мамы, один у брата, ее ключ висит на веревочке в прихожей; все равно тот ключ, что в кармане, лишний.

А потом мир вдруг стал иным. Теперь-то Маша знала, что думает о них мебель, как мудр соседский пес Гектор; теперь она сострадала герани на окне, безнадежно, безответно влюбленной в кота Барсика, и даже стала учить старофранцузский, чтобы понимать, что поют по ночам фиалки. Даже батон, пока она тащила его из булочной домой, сдобным голосом нашептывал ей удивительные истории. Белье листы бумаги волновали и притягивали ее, и однажды Маша решилась. Она открыла тетрадь и написала: «Черновик. Сказка про нашу квартиру».

«В нашей квартире живет домовой. Его зовут Тихон Иванович. Он маленький, не больше моего валенка. С ног до головы он покрыт золотистой шерсткой. У него красивые большие треугольные уши и длинный нос. Одет наш домовой в джинсы, кроссовки и маечку с надписью «Олимпиада-80». Тихон Иванович образованный домовой, он даже спит в книжном шкафу. телеви-

130

зор он смотрит, а радио почти не слушает. Современную музыку не любит, Аллу Борисовну величает «держалкой», а на Новый Год соорудил нам школу: испортил магнитофон. Зато когда мы поем хором «Хаз-Булат удалой, бедна сакля твоя» и «Гори, гори, моя звезда», он млеет от счастья и подпевает изо всех сил. Тихон Иванович недавно выпил целую бутылку сливок и все это свалил на Барсика, и теперь его очень боится, потому что кот — животное дикое и пообещал домовому, что от его мести содрогнется вся квартира. Тихон Иванович а время стал тише воды, ниже травы».

— Ложь, и клевета, и подлая напраслина! — истошно завопил тоненький голосок. Маша обернулась и увидела, что на спинке кровати, старательно болтая коротенькими ножками, сидит взбешенный домовый с красивыми треугольными ушами, в кроссовках, джинсах, маечке с надписью «Олимпиада-80»; на носу у него пенсне. — Напридумывали, извольте знать, музыки — ни складу, ни ладу! А сливки вообще кислые были!

Тут за закрытой дверью раздраженно мявкнул Барсик; Тихон Иванович сказал: «Ой!» и птицей перелетел прямо в руки к Маше. Маша сделала вид, что Тихон Иванович просто сменил гнев на милость и решил с ней поздороваться. Она сладким голосом пропела: «Здравствуйте, почтеннейший Тихон Иванович!» — и на сей раз попала в яблочко. Сколько раз потом она ни встречала домовых, все они были самолюбивы и щепетильны, и любили несколько старомодный разговор: «почтеннейший», «уважаемый», «соблаговолите», и шкодночили довольно безобидно. Вершиной карьеры Тихона Ивановича стало похищение любимого ластика Маши: он из него поросенка вырезал. Две недели счастье Тихона Ивановича не было границ, а Маша, чтобы распотешить его душеньку, грозно и шумно сердилась. «А! — говорила она. — Кто это, злодей эдакий, ластик мой утащил? Вот доберусь, доберусь! Ох, покажу, где раки зимуют!» Потому как привыкла Маша к Тихону Ивановичу мгновенно: он был живой и проказливой памятью дома. Домовые, они такие: они много чего знают про людей, они помнят хозяев своих маленькими. Так Маша окончательно стала клушей и домоседкой. Она шила, поливала цветы, стряпала. Ее вдруг совершенно перестало тянуть за стены собственного дома. Да и Тихон Иванович не одобрял светского образа жизни.

ГЛАВА 2

Про ключ она забыла. Дни пролетали в трудах и заботах. Тихон Иванович неумоимо и свирепо учил ее домоводству, а ключ лежал себе и лежал в ящике письменного стола. То, что он был волшебный, было и младенцу понятно. Например, он не терялся, в огне не горел, в воде не тонул. Конечно, Маша специально с ним ничего не делала, просто несколько раз так получалось. У нее кошелек украли, где ключ лежал, так хорошенького вязаного кошелька и немножко рублей как не бывало, а ключ она у себя потом в халате на-

шла. Было еще несколько таких же странных случаев.

Собственно говоря, Тихон Иванович еще в самый первый день сказал ей, что она сказочница, ну и что? Никаких последствий, кроме того, что домовый в педагогическом раже заставлял безответную Машу учить по тетрадке странные стихи наизусть и показал ей семь томов «Волшебной энциклопедии». Но, во-первых, энциклопедия была без картинок, во-вторых, Маша то мыла, то стирала, то пироги пекла, в-третьих, пришлось зубрить что-то совершенно абстрактное:

*Хольга, огневка Хольга,
С черною, горькой кровью,
Волосы твои пахнут
Пламенем и смолоу.
Гоним огонь мы веткой
Ивы зелено-прохладной.
Нам разомкни дорогу,
Пламенно-дымная Хольга!*

Или:

*Рэн-владычица, как солнце, чешуя твоя сияет.
Плащ волос твоих зеленых весь алмазами усеян.
Ты нахмуришься — драконы головы свои опустят.
Рассмеешься — дев подводных
закружатся хороводы.
Отвори свое мне царство,
дай дышать мне под водою!*

Учится все это плохо, потому что непонятно, зачем. Что такое огневка, кто такая Рэн? Но не ссориться же с Тихоном Ивановичем! А в целом жизнь хороша. Маша почти освоила гладь, связала отцу шарф, пишет сказку про свою квартиру, а это нелегко, потому что у каждого стула — и то свся удивительная история. Еще они время от времени все-таки ходят в гости — вдвоем или втроем, потому что Барсик и Тихон Иванович помирились. Это, честно говоря, был первый успех Маши на дипломатическом поприще, и она втихомолку собой гордилась. Так вот, когда они отправлялись в гости, Маша брала большую сумку, Тихон Иванович туда забирался, а Барсик шел рядом или ехал на плече — сидеть в сумке он считал ниже своего достоинства. Собственно говоря, ходили они только в два дома — к Кате и Семе, двум кротким, разговорчивым водяным, жившим в единственном в городе фонтане, и к Капитону Владимировичу, домовому в чрезвычайно стесненных обстоятельствах, временно живущему на чердаке. Прежние его хозяйева после пятнадцати лет мирной жизни скоростижно развелись и разъехались по разным микрорайонам, оставив Капитона Владимировича мучиться бездомностью и угрызениями совести. Маша сочувствовала ему всей душой.

ГЛАВА 3

Они тогда все пили сливки — Барсик, Капитон Владимирович, Тихон Иванович и Маша — по очереди из китайской старинной чашки, единственного в этом мире

(131) достояния Капитона Владимировича. За окном шел дождь, а им было уютно сидеть и слушать его болтовню. Компания листала комплект женского журнала «Незабудки» за 1813 год. Время от времени все прыскали в кулак. И вдруг Маша услышала никогда не слышанные ею наяву до боли знакомые звуки. В ноздри ударила волна запаха: пахло невыносимо горько и дымом. Это был запах беды. «Батюшки-светы! — подумала она про себя. — Мамочка моя родная! Это — набат?!»

Остальные застыли столбиками; уши их то прижимались к черепу, то вставали торчком. Домовые шумно дышали. Три пары глаз не мигая смотрели на Машу, и она почувствовала, что нужно что-то делать немедленно — бежать, спешить. Она все еще продолжала стоять и молчать, и молчание становилось все тягостнее и тягостнее. Наконец Тихон Иванович угрюмо пробормотал: «Ключ!»

Маша достала из кармана свой тяжелый серебряный ключ, вставила в скважину чердачных дверей, повернула — дверь распахнулась, и они вошли в столб света.

По главной улице, на которой не было ни одного человека и ни одной машины, бежали кошки, собаки, домовые, летели воробьи и попугаи, голуби и канарейки. Маша увидела здесь, в общем потоке, куда-то спешащих существ — интеллигентных маленьких водяных, живущих в городском фонтане и в автоматах газированной воды, леших из окрестных лесов, речных русалок, полевичек — тоненьких голеньких девчушек с венками цветов на голове. Потом Маша увидела и человека: он бежал далеко впереди, легко и красиво. Маша его тут же узнала — это был Петр Ильич Трофимов, тренер детской спортивной школы. Существ становилось все больше и больше, некоторых она знала, о некоторых слышала, а некоторых видела впервые. Мимо нее, лихо прищипывая метлы, пролетел целый отряд ведьмочек-чердачниц, и она с перепугу чуть не наступила на белую мышь из школьного зооуголка, изо всех сил перебиравшую лапками.

Достигнув городской площади, залитой ярким, но не солнечным светом, все садились группами в строгом порядке. Там, где на демонстрациях Маша привыкла видеть трибуну, сейчас стояло два трона. Первый был огромный и широкий, резного дерева; на нем сидела женщина в полурусской, полутатарской, полунепонятной какой одежде с бесстрастным прекрасным лицом, узкими и черными, как зрелая черемуха, глазами. Женщина играла семью белыми камешками. При взгляде на нее сладко делалось в животе и силой наливалось тело. «Это дух нашей земли», — горячо зашептал ей Тихон Иванович, не выскочивший из сумки в положенном месте, в том, где сидели городские домовые. Второй трон был обычным стандартным мягким креслом; у Маши самой было таких два около журнального столика. И человека в кресле она тоже несколько раз видела в автобусе. Издали он казался совсем юным, но вблизи ему оказалось лет сорок. Нервное, утонченное лицо, в котором было что-то мальчишес-

кое; сейчас незнакомец смотрел сумрачно и тяжело. Тихон Иванович снова пояснил: «Это дух нашего города». Маша еще раз посмотрела и почувствовала невольное почтение.

Неподалеку от двух кресел был круг, очерченный на асфальте красным мелом. Прямо на асфальте лежали три большие плоские вельветовые подушки. На зеленой, по-турецки скрестив ноги, сидел Петр Ильич Трофимов. На фиолетовой подушке лежал причудливый золотой ключ и сиял. Он был красив, но у Маши при взгляде на него почему-то прямо сердце сжалось. Третья, черная подушка была пуста. Маша смотрела на нее, стояла и раздумывала. Тихон Иванович ее ущипнул, и тогда она села на эту подушку.

Минут пять все молчали, опустив головы и сосредоточенно глядя перед собой. Наконец дух города поднялся на ноги. Теперь все смотрели только на него. Стало так тихо, что если бы с березы упал лист, то звук его падения показался бы грохотом. Дух спокойно произнес: «В городе Серые пятна», — и площадь охнула, как один человек. Никто из милых, потешных существ на площади не вызывал и тени улыбки, они сидели сурово и грозно. Дух продолжал: «Помните, что наш город — место, где живет Та, что вырезает белые цветы. Ей грозит опасность».

И Маша вдруг почувствовала, что ее трясет от бешенства и дикой злобы, от какого-то непереносимого чувства, и она яростно закричала вместе со всеми:

— Смерть Серым пятнам! Смерть!

Вся площадь словно издала единый воинственный крик, и все существа пропали, как не было. Даже Тихон Иванович — и тот исчез. Теперь их было только четверо. Мужчины тихо переговаривались. Дивная женщина продолжала играть белыми камешками. Маша молчала и не знала, куда деть руки. «Ладно, привет, я пошел», — сказал Петр Ильич, обворожительно улыбнулся Маше, преклонил колено перед духом земли и исчез. Оставшиеся продолжали молчать. Маша чувствовала, что ее рассматривают, и стала красной, как помидор, на своей черной вельветовой подушке. Наконец, она собралась с духом и робко, потому что стеснялась взрослых мужчин, спросила:

— Объясните мне, пожалуйста, что такое Серые пятна? Кто такая Та, что вырезает белые цветы? И куда ушел Петр Ильич? — Маша не смотрела духу города в лицо, но все равно поняла, что он улыбается.

— Серые пятна — это нечисть, посланная к нам из-за черных болот. Лимбо ушел по делам. А Та, что вырезает белые цветы, — Великая утешительница. Ты узнаешь, кто она, ты узнаешь, девочка моя, но бог даст, много лет пройдет, прежде чем достигнет тебя это знание.

Маша помотала головой и почувствовала себя глупой, как молодая утка.

— Беги-ка домой, тебя, наверное, родители потеряли.

Маша опустила на колени и прикоснулась губами к полутатарскому платью. После этого она пробормотала «До свиданья» духу города и со всех ног пус-

132 тилась домой. Ох, и попало же ей! — потому что был уже двенадцатый час.

ГЛАВА 4

Как только она улеглась в постель, тут же объявился Тихон Иванович с томом Большой волшебной энциклопедии под мышкой и принялся ее ревниво расспрашивать и попрекать безграмотностью. И тут, наконец, Маша возмутилась: «В конце концов, сколько можно! И у цыпленка есть сердце!»

Тихон Иванович смертельно обиделся, поклялся с Машей больше ни слова не сказать, никогда, и, сунув ей в руки том, в котором уже была закладка, величественно удалился. Маша, между прочим, тоже обиделась, и не стала она ничего читать, и не побежала она мириться первая, а отвернулась лицом к стене, заплакала немножко от сладостных мыслей о том, что она умрет с горя, и все они тогда... а Тихон Иванович особенно... еще пожалеют, что так ее обижали... Поплакала-поплакала и заснула.

Школу она, конечно, проспала, и никто из родственников ее не разбудил — своеобразная форма извинения за вчерашнюю ссору. В ногах мирно посапывали Барсик и Тихон Иванович. Маша потянулась, протерла глаза, окончательно проснулась и открыла книгу.

«Серые пятна — дети, угнанные из сказочных городов и выращенные на Черных болотах. Представляют смертельную угрозу, так как абсолютно бесстрашны, безжалостны и фанатично преданы своим повелителям. До сих пор ни одному сказочнику не удалось найти заветное слово и пробудить в них память детства. После смерти превращаются в дикие горькие цветы.»

Маша только успела про себя сказать «Ой», как зазвонил телефон, требовательно и длинно. «Междгород», — подумала Маша и пулей вылетела в коридор.

Она сразу узнала мягкий и теплый голос духа города: «Здравствуй, Маша. Мне необходимо с тобой поговорить. Я буду через полчаса».

Он повесил трубку. Через минуту Маша и Тихон Иванович металась по квартире, наводя блеск и лоск. Вернее, Маша наводила, а Тихон Иванович путался под ногами, поминутно все ронял и приговаривал: «Какая честь, какая честь!» Один Барсик сидел неподвижно, и Маша готова была поклясться, что видит жалость в кошачьих глазах.

Через тридцать минут Маша, успевшая все рассказать по местам, переодеться в платье с белым воротничком, нацепить мамину брошку и вымыть пол на кухне, с горделивой скромностью хорошей хозяйки угощала духа города вишневым вареньем и кофе по-варшавски. Тихон Иванович и Барсик, торжественные и умытые, сидели рядом. И тут Маша заметила, что гость их невесел, что на сердце у него тяжесть, и что он ни разу не посмотрел в глаза ни ей, ни Тихону Ивановичу и ни к чему толком не притронулся. Наконец он на что-то решился, поднял голову и четко, спокойно произнес:

— Маша, Та, что вырезает белые цветы, в опасности, и тебе предстоит отправиться к Великому океану.

Мысль об опасности, грозящей этой неизвестной женщине, вновь пронзила ее яростью и болью.

— Никуда она, милостивый государь, не пойдет, это дело Лимбо! — Тихон Иваныч шумно отодвинул чашку. Он прыгнул на стол, и теперь стоял прямо против духа города, маленький и бесстрашный. Маша с удивлением увидела, что зубы у него мелкие и острые, как у белки.

— Лимбо убит, значит идти Маше.

— Не пуцу! — злобно заорал Тихон Иваныч. — Плевать я хотел на ваш город! Сударь, я вас вызываю!

Дух мягко отвел его рукой.

— Если мы допустим гибель Великой утешительницы, то в нашем городе начнут рождаться уроды. Домовой, ты не боисься, что у Машеньки будет дочка без пальчиков?

Тихон Иваныч снова рванулся к духу.

— Плевать я на все это хотел! Она, может, сто лет замуж не выйдет! У нее ноги кривые! Убирайтесь!

Дух больше не взглянул на Тихона Иваныча. Он смотрел теперь прямо Маше в глаза.

— Все сказочники рано или поздно идут к Великому океану. Путешествие, правда, опасное. Если решишься, позвони. Мой рабочий телефон записан у вас в прихожей карандашом.

И дух исчез.

— Тихон Иваныч! — сказала потрясенная Маша. — У меня прямые ноги! — Она подошла к зеркалу и высоко подняла юбку.

— Я знаю, — ответил Тихон Иваныч и заплакал. Маша тихо вышла в прихожую, набрала нужный номер телефона и сказала: «Да».

ГЛАВА 5

Дав свое официальное согласие на путешествие неизвестно куда и неизвестно зачем, Маша отправилась искать Тихона Иваныча. Он предавался скорби в кладовке и даже наплакал небольшую лужицу. Невозможный мужественный Барсик сидел рядом и по мере надобности выдавал домовому чистые носовые платки. Тут Маше стало смешно: она знала, что сказки — на то и сказки, чтобы кончатся хорошо. Естественно, что с ней ничего не случится. В мифическую смерть Петра Ильича Трофимова она не верила: надо же было как-то объяснить, что именно она должна идти к этому, как его, — к Великому океану? Тихон Иваныч вообще ужасный ревнивец, знает она этих Тихон-Иванычей! Если Маша носит платья много ниже колен, то это, между прочим, только из скромности, а замуж она и сама не собирается. У Маши было такое чувство, будто взрослые разрешили ей играть вместе с ними в какую-то увлекательную игру. Воображение рисовало ей чудесные дворцы, диковинных зверушек, изящных фарфоровых принцев и принцесс, балы. Маша и сама будет танцевать на балу, платье у нее будет розовое,

вышитое золотом и вишневым, потом Маша сядет верхом на белую лошадь и поскачет по залитой лунным светом аллее к Великому океану. Тут Маша прыснула: она вспомнила, что в деревне у бабушки висит такой коврик над кроватью: дама в малиновой амазонке скачет себе на белой лошади по аллее. Всадница большая, монументальная, как метростроевка тридцатых годов, а лошадь маленькая и, видно, шустрая.

Тут Тихон Иваныч и поймал ее за руку на месте преступления, и Маша, как всегда, узнала массу интересных вещей о себе, о своей глупости, нерасторопности и непростительной необразованности. Они бы поссорились, но деловитый Барсик притащил нужные книги, и все оставшееся время до отъезда Маша добросовестно читала и даже делала выписки (она завела себе новую красивую общую тетрадь), например:

«Митты — это народ, населяющий белые луга Карры: черноглазы, шестикрылы и воинственны. Заветным словом владеет маг Габриус». «Оборотни — те, кто добровольно перешел на сторону Повелителей Черных болот. Способны принять любой облик, двуесмертны. После смерти в своем естестве становятся крысами. Нота бене: там, где скапливается много крыс, начинается чума».

— Интересно, а оборотни могут стать кошками или собаками?

— Фрр! — сказал Барсик, и шерсть у него от негодования стала дыбом. — Никогда! Звери совершеннее людей, особенно кошки!

— А! — сказала покладистая Маша. — Вот почему мы на вас еще в Древнем Египте молились!

Она подсунула под телефон телеграмму от бабушки с просьбой приехать на субботу-воскресенье, плотно пообедала под горестными взглядами Тихона Иваныча и Барсика, побросала вещи в большую пляжную сумку, присела на дорожку, открыла входную дверь серебряным ключом и, зажмурившись, шагнула за порог.

ГЛАВА 6

Когда она открыла глаза, то оказалась на лужайке. Шумел дикий лес. Сто раз видела Маша такой лес, только все было ярче и больше, чем обычно. Маша встала и пошла по тропинке. Она шла-шла и увидела черепашку. Черепашка была перевернута на спину и беспомощно болтала в воздухе лапами. Маша знала, что черепашка не сможет сама перевернуться и погибнет, поэтому поставила ее на все четыре лапы, погладила по панцирю и собралась продолжать путь, как вдруг черепашка поблагодарила Машу прекрасным низким, «степановским», голосом.

— Пожалуйста, пожалуйста, милая черепашка! — ответила Маша. — Меня зовут Маша, а тебя как?

— Тебя зовут Магда, запомни хорошенько — Магда. А меня зовут Великая Нана.

Маша сразу знала, что это правда, но все равно несканно удивилась. *«Великая Нана, член Совета Деятели, чьим дыханием держатся звезды на небе, чьей*

волею движется солнце, бессмертная Великая Нана!»

Нана длинно и нежно улыбнулась Маше, и они пошли дальше вместе. Вернее, Маша шла, а черепашка на Маше ехала. У девочки на кончике языка вертелось множество вопросов, но более всего ей было любопытно, где они сейчас находятся. Однако Нана этого не знала, ей хотелось в речку, зато она с наслаждением принялась посвящать Машу в тайны мироздания, и разговор пошел о белых и черных безднах, пузырях времени, и так далее, и так далее... Космогонический разговор, одно слово. Нана была тяжелой, речка им не попадалась. Неизвестно, куда бы зашли наши путешественницы, если бы не две белки, которые громко делили белый гриб невиданных размеров. Они были так увлечены делом, что не сразу поняли, что от них хотят, но потом самым милым образом все разъяснили, и примерно через полчаса Нана и Маша дошли до небольшой, тихой нравом речушки. Маша опустила Нану в воду, и черепашка с неторопливым достоинством поплыла вниз по течению. Странное дело, теперь, когда не нужно было больше опекать Нану, Маша почувствовала себя одинокой и маленькой. Она побрела дальше, надеясь, что найдет себе спутника. Маша прошла еще немного, и услышала жалобный писк.

В толстой паутине запуталось маленькое, с Машин мизинец, существо. Девочка никогда его не видела, но узнала сразу: это была стара-семиушка. У нее было семь пар разноцветных и красивых, как крылья бабочек, ушей; собственно говоря, стары с их помощью летают. Эта же стара тихо, тоскливо пищала и никак не могла освободиться. Маша быстро ее распутала. Освобожденная стара, словно в благодарность, медленно взмахивая большими ушами, закружилась над Машей и красиво приземлилась к ней на ладонь. Маша любовалась перламутровым блеском семиушки, как вдруг та укусила девочку за запястье. Это было так неожиданно и больно, что Маша изо всех сил махнула рукой. Стара стукнулась о ствол дерева, зубы ее разжались, маленькое безжизненное тельце, коснувшись земли, превратилось в огромную крысу. Маша бросилась бежать. Она бежала, сама не зная куда, крича и плача, пока не наткнулась на невысокое пушистое деревце, все в шерстяных клубках. Увидев Машу, толстый красный клубок сорвался с ветки, подлетел к ней, боднул и покатился вперед по дороге. Маша, почему-то успокоившись, бросилась за ним.

Они вышли к трактиру, одиноко стоявшему в лесу. Клубок подмигнул Маше и исчез. Девочка подошла поближе и прочитала вывеску. *«Семь задумчивых фей»*. На вывеске были изображены семь лихих дамочек верхом, с пистолетами и в шляпах набекрень. Трактир был деревянный, дверь тяжелая. Маша вошла. Воздух пах кофе и малиновым вареньем; зал был пуст. Большой, как слон, черноволосый хозяин в свежем желтом ситцевом фартуке с розовыми бантами и лиловыми бабочками перетирал за стойкой стаканы. Маша кашлянула. Человек поднял голову и радостно закудахтал:

— Магдочка, вишенка моя, красавица, радость

134) наша! Ждем тебя не дождемся! Проходи, проходи, девочка!

Маша неожиданно для себя уткнулась лицом в теплый надежный живот.

ГЛАВА 7

*Я растеряла жемчуга свои,
Я уронила вышитый платок...*

Как печальна, как чиста эта песня! Маше хочется, чтобы голос Гальи-радуницы не умолкал: пусть будет вечно на губах эта горечь! Но вот замер, растаял последний звук, еще секунду длится очарование, но уже кто-то там, в другом конце зала, звонко засмеялся, уже огневка рванулась в пляс, розово-ало-вишневый смерч и бешеные черные волосы. Маше хочется быть стоголазой, как Аргус, и дюжина-другая ушей ей бы тоже не помешала. Иногда ей кажется, что она впитывает все происходящее даже кожей. Трактир дядюшки Грэ... Странное это место, однако. Здесь все сияет, блестит и искрится, здесь многолюдье, песни и смех, сладко едят и бешено танцуют. Трактир всегда полон. Тут мелькают голубые и зеленые плащи миттов, здесь полно воинственных белокурых эльфов. Лукавые гномы с курчавыми бородами — они совсем не маленькие, просто кажутся невысокими из-за своих чудовищно широких плеч — так и норовят украдкой поцеловать в уголке. Феи, такие грациозные и беспомощные, что вещи не выдерживают и сами начинают им служить; странствующие рыцари, умеющие так протодушно смеяться, что у Маши даже живот болит от нежности; быстроглазые, беспечные огневки; царственные длинноногие радуницы; и многие, кого она еще не знает... Из кухни вылетают целые эскадры сыров, пирогов и колбас. Жареные гуси кисло-сладкими голосами просят отведать кусочек. Медленно вальсируют огромные торты со взбитыми сливками. Постепенно Маша научилась украшать их орехами и марципанами на лету. Нежно трепещут от малейшего сквозняка занавески, и среди всего этого великолепия царит дядюшка Грэ. Его очень, очень много. Он хохочет, пыхтит и шумит. Поглощает огромное количество снеди. Ведет сто разговоров зараз. Маша с ним неизменно молчалива и почтительна. Она почти боится его. Весь этот треск ни на минуту не обманывает ее. Она знает, что более всего ему пристали доспехи цвета воронова крыла и венец императора.

Увидев ее в первый раз, он, рассыпая улыбки и ласковые слова, велел ждать. И она ждет. Вырезает из овощей цветы, взбивает сливки, вышивает крестиком и ждет. К тому же дом полон чудес; это только первый этаж уютен, мил и благопристойен. Второй же луков беспредельно: его комнаты меняются, как хотят, они то треугольные, то овальные, то вообще всех цветов радуги, то ступеньки появляются в самом неподходящем месте, посередине комнаты, а в трюмо вместо тебя образуется почему-то зеркальный попугай, птица редкой породы, и капризная донельзя, или еще что-

нибудь совсем уж невообразимое. А когда ты ложишься в постель, сладкую и розовую, и кладешь рядом на стул, скажем, скромное ситцевое платьице, то можно проснуться под бесконечно счастливое хихиканье толстенского кресла, которое слегка подкудывает и прыгает от нетерпения, а на нем сияет белое кружевное платье с сиреневыми бантами. И все хорошо, забавно, и Маша была бы счастлива, если бы трактир дядюшки Грэ не был для нее клеткой. Но Машу нежат и развлекают, любят и балуют, и держат взаперти, и говорить с Грэ бесполезно. Он беседует с ней ласково и многословно, и велит ждать.

Но сегодня Маша поняла, что ей порá. Это трудно объяснить, но она знала. Совсем ночью, дождавшись, пока комната заснет, Маша тихонько спустилась вниз. В зале было темно и тихо. Она подошла к двери и толкнула — заперто. Маша вытщила свой заветный ключ. Он, конечно, вошел в скважину, но слушаться не хотел. Это было очень странное чувство, словно взбунтовалась ее собственная рука. Вообще-то, естественно, ключ никуда не денется, все равно повернется, еще секунда... И в это время за спиной раздался мягкий и низкий голос:

— Там же темно... Девочкам нельзя одним так поздно гулять.

Маша резко повернулась. Человек был большой; как он сумел так тихо к ней подойти? Давно было понятно, что здесь, в этом доме, кроме дневной, такой праздничной жизни, есть вторая, сокровенная, и теперь, высоко подняв подсвечник, Маша рассматривала человека из этой жизни. Он сильно загорелый, волосы короткие и темные. Шрамы его не украшают. Грубый серый плащ, черная цепь, на левой щеке свежий резаный след. Маша вспоминает о своих обязанностях хозяйки:

— Вы, верно, устали с дороги, хотите умыться? Вам принести поесть?

— Пожалуйста, говори мне «ты». На «вы» у нас называют только врагов, хорошо?

Маша давно знает это правило, только привыкнуть никак не может. И тут появляется дядюшка Грэ.

— Дан, мальчик мой, ну ошастливил, просто ошастливил, какая нечаянная радость! Как там наше Всевидящее Зеркало?

— Все хорошо. — Дан так мягко и терпеливо смотрит на Машу, что она догадывается, что сейчас самое время пойти на кухню жарить яичницу. Но только оттуда тоже все слышно, правда, Грэ говорит шепотом, но таким, что цветы нервно вздрагивают в вазах.

— Двадцать тысяч молний в печенку, ты взял Зеркало, мальчик мой, ну лев, просто лев! Клянусь, супротив тебя сам Ланселот щенок! Я запишу все это в Мраморную книгу в назидание потомкам. Как же все это случилось?

— Ничего интересного, Грэ. Я семь дней петлял, как заяц, вышел к Черному ручью и утопил Зеркало. Знать бы еще, каким местом думал великий маг Габриус, его делая!

— В самом деле! — раздался холодный бешеный голосок. — Десять тысяч молний в печенку! Уничтожить плоды трехсотлетнего труда!

За дверью на мгновение воцарилось неловкое молчание, и Маше показалось, что она видит, как трясется у мага Габриуса от негодования пудренная косичка.

— Напрасно тщитесь вы ввесть меня в заблуждение! Отменно знаю я, что злокозненно была уюплена вами собственность Совета Девяти, Великое Всевидящее Зеркало, и вы ответите за это!

— Маг Габриус, не волнуйся так сильно, хочешь сливок с шоколадом? А ты, Дан? Кстати, как там на границе у Белого князя?

— На границе у Белого князя напряженно, дай бог отмахаться. Грэ, я загнал трех лошадей, чтобы поесть сливок с шоколадом?

— Нет, мне нужен проводник к Великому океану.

Дан коротко засмеялся. Да, подумала Маша, чем так смеяться, лучше не смеяться никогда, и почувствовала, что ей самое время войти с подносом.

Маг Габриус — он ростом со спичечный коробок, пудренный парик, розовый атласный камзол, на каждом пальце, как у князя Потемкина, по бриллианту.

— Магдочка, душенька, позволь представить тебе мага Габриуса, светоча среди магов!

Маша старательно «макает свечку» (т.е. делает реверанс).

— А это, девочка моя, Дан, твой проводник!

Рука в брабантских манжетах сжимает эфес шпаги.

— В таких случаях, помнится мне, — чеканит маг, — вызывают конвой, прелестную маленькую даму делают невидимой и под каким-то благовидным предлогом...

— Как хорошо, что среди нас есть хоть один умник. Что бы мы делали без тебя, светоч разума? — теперь Грэ тоже чеканит слова. — Ну-ка, душенька, поделись своим маленьким приключением со старой!

Маша послушно делится. За столом тягостное, какое-то многозначительное молчание. Маг Габриус безутешен.

— Ну, рука-то давно зажила, даже следа не осталось, — Маша показывает магу ровное белое запястье.

— Я счастлив, моя прелесть, — маг рассеянно целует ей руку. Мужчины снова тяжело молчат. Маше надоедает сидеть и бояться, и она, стыдливо потупясь, начинает есть сливки с шоколадом.

— Значит пусть девочка отправляется домой.

— А последствия гибели Той, что вырезает белые цветы? — это Грэ.

— А мой город, маг Габриус? Я не могу... Мне каждую ночь снится дочка без пальчиков... — это Маша. Дан молчит.

— Тогда, моя прелестная маленькая дама, расскажи, как ты представляешь себе это путешествие.

Маша рада возможности позабыть это хмурое общество и она, несколько смущаясь, рассказывает про залитую лунным светом аллею и белую лошадь.

— Ты умеешь ездить на лошади? — с интересом

спрашивает Дан. Маша не выдерживает и хохочет. Мысль о том, что кто-то мог предположить, будто она умеет скакать на лошади, доставляет ей несказанное удовольствие. Но тут же она смолкает: смеяться одной все-таки неприлично.

— Сказочница Магда, подойди ко мне.

Маша подходит и замирает перед Грэ — стойкий оловянный солдатик.

— Магда, слушай меня внимательно. На твоей руке — след зубов оборотня. (Это Маша уже знает). Рана твоя зажила, но три года кожа твоя будет источать запах, по которому слуги зла найдут тебя безошибочно. Мы не можем тебе ничем в этом помочь. Если мы отправим тебя по одной из обычных дорог, то погибнешь и ты, и те, кто будет с тобой, и опасности подвергнется та страна, по которой пройдет твой путь. Поэтому я, Грэ, велю тебе идти к Великому океану по Лесу-для-всех, где не действует ни одно из заклятий. Ты, Дан, поведешь Магду к Океану и будешь ее беречь больше, чем мать собственное дитя. Ты, маг, обязан доставить ее в Лес живой. Магда, знай, что если над тобой нависнет смертельная опасность, достаточно сказать: «Я не верю» — и ты снова окажешься дома, только перестанешь быть сказочницей.

— Так что, если вовремя сообразишь, что тебя убивают, может быть, и выживешь. — Рот у мага Габриуса стал твердым и плоским, как щель у почтового ящика. — Магда, а ты хорошо представляешь, что тебя ждет? А спутника своего ты хорошо знаешь? Ну что, господин Черный Пес, знают здесь о твоих подвигах, Проклятый?..

Так он Проклятый... Конечно, как она сразу не догадалась... И цепь черная, а главное — глаза, невыносимо тоскливые светлосерые глаза. Господи, надо же что-то сделать! Они же поубивают сейчас друг друга! Маша собирается и щебечет:

— Дан, бедненький, так ты проклят? Как рыцарь Кай, погубивший Озерную деву? Но ведь его простили! Помнишь, как говорится: и у дуба семилетний мальчик, радостно смеясь, будет играть с семилетней девочкой и дергать ее за льняные косички, ночи будут лунные, а дни теплые...

— Я не рыцарь Кай и не изменял своей любимой. Я вероломно зарезал врага своего и не раскаялся, и не раскаюсь никогда.

— У него не было другого выхода. Князь Аджи напал так внезапно, детей могли угнать за Черные болота... Они бы стали Серыми пятнами... Маша, это хуже смерти. — У Грэ дрожат губы.

— А что с детьми? — Маша инстинктивно хватается за серый плащ Дана.

— Детей спасли. — Это Дан.

— Господи, слава богу!

«Она умалишенная. Они тут все трое умалишенные, — думает маг Габриус. — Недаром у меня сразу не лежало к ней сердце. Почему именно этому маленькому уродцу достался ключ Дашеньки?» И вслух: — Я сделаю, что ты хочешь, Грэ.

Маг поднимается и идет к выходу, такой маленький. Огромный, грузный Грэ спешит за ним.

— Какой неприятный... — задумчиво произносит Маша. — Знаешь, Дан, не люблю я этих магов. Вечно напридумывают — то Великое Зеркало, то бомбу атомную... А простые люди расхлебывай. Почему он дразнится?

— Дразнится?

— Почему он тебя назвал черным псом? Обзывать-ся некрасиво.

Дан все-таки улыбнулся.

— Что ты, это у меня титул такой.

— Все равно, — говорит Маша решительно. — А когда мы пойдем?

— Я сейчас, ты немного погоды. Маг Габриус перенесет тебя в Лес-для-всех. Там ни с кем не разговаривай и жди меня или человека, который назовет твое настоящее имя, договорились? Повтори, пожалуйста, что я тебе сейчас сказал.

Маша послушно повторяет и думает про себя, что поесть-то Дан не успел, надо будет собрать ему хотя бы пакет с бутербродами.

— Да, пожалуй, лучше будет, если ты переоденешься мальчиком.

— Ой, а можно нет? Мне нельзя косички стричь, мама ругать будет.

Дан несколько обалдело пожимает плечами: «Стричь волосы не обязательно», — прощается и идет к двери.

— А можно надеть бархатный берет?

— Конечно, девочка моя. — Дан растворяется в темноте.

Бутерброды, думает Маша, но уже поздно, и она бежит наверх переодеваться.

ГЛАВА 8

Она успела переодеться, подремать, позавтракать и соскучиться, прежде чем снова понадобилась Грэ и магу. Потом они с ней долго говорили и разумно. Маша понимала, что все это правда, нельзя никуда идти с незнакомыми людьми; прежде, чем куда-то войти, нужно подумать, как ты оттуда выйдешь, и так далее... Но предчувствие дороги, радость увидеть новые места, мысль о родных, к которым можно будет, наконец, вернуться... Маша слушала внимательно, но обрадовалась, когда все кончилось. И вот она и маг Габриус стоят друг против друга.

Он стоит на спинке высокого деревянного стула и смотрит ей прямо в глаза. Машу начинает сковывать блаженный, но бесконечно томительный сон. Нет, не те слова: невозможно высказать, что человек испытывает, когда его превращают. Потом она куда-то падает.

На ладонь мага падает легкое сиреневое перышко. Он долго держит его в ладонях, ласково на него дует: «Спи, дитя мое, усни». Он к чему-то прислушивается и чего-то ждет. И вдруг, грянув оземь, взмывает в небо легкокрылым кречетом. Солнце ослепительно сияет, высоко плывут облака...

Маше очень щекотно. По ее носу кто-то быстро перебирает лапками. Она громко чихает.

— Будь здорова, Маша, — говорит ей Дан.

— Спасибо, Дан, — говорит Маша и широко раскрывает глаза. Трава голубая, а на поляне пасется стадо малиновых оленей. Поют-заливаются невиданные, неслыханные птицы, а на Машиной ладони сидит слетевшая с носа божья коровка. Пахнет свежим хлебом.

— Пойдем, нам пора, — говорит Дан, и Маша послушно идет, но медленно. Она еще никогда не видела сканов — это огромные летающие псы — и вообще чудес. Жаль, что Дан неразговорчивый, к тому же надо почему-то идти тихо. Через час Маша привыкает к пестрому великолепию; через два Дан говорит ей:

— Как устанешь, скажи.

— А что будет? — спрашивает Маша в надежде на какой-нибудь маленький, уютный, пряничный такой трактирчик.

— Я тебя понесу на руках.

«Видимо, в Лесу-для-всех совсем не обедают», — думает про себя Маша и старается идти быстро.

Через три часа они напарываются на засаду. Больше всего это напоминает дешевое кино. Человек десять крепких мужиков в желтом и алом. Дан кинул ее за спину и теперь спокойно орудует двумя мечами. Желто-алых много; Маша совсем вжалась в дерево. Нож у самой груди; с дерева прыгнул скан и заслонил Машу. Нож прошел насквозь, голубой пес медленно опустился наземь. Маша закрыла глаза. Все молчали (потом Маша поняла, что в Лесу-для-всех не кричат — кто знает, кто услышит твой крик, друг или враг?). Через несколько минут появился еще отряд желто-алых, в тыл им ударили странствующие рыцари, теперь рядом с Даном плечом к плечу дрался митт, сверкал его огненный диск. Дану подвели коня; он вскочил, на ходу подхватил Машу, бросил ее поперек седла и погнал вперед. Маша сильно ушиблась животом. Потом, много времени спустя, они кубарем скатились в овраг, а конь полетел дальше, уводя за собой возможную погоню. Они стояли по пояс в мокрой траве на дне глубокого курчавого оврага. Дан придирчиво оглядел девочку: вроде цела. Маша то закрывала, то открывала глаза. Она снова и снова прокручивала про себя кусок этой нелепой приключенческой ленты. Потом она хотела спросить о тех, кто остался, но побоялась. Маша вспомнила бабушкину молитву о странствующих и плавающих и прочитала ее про себя.

По дну оврага текла речка, неширокая, ласковая такая. Дан призадумался. Маша посмотрела вопросительно.

— Нам нужно на другую сторону.

Девочка села на землю и послушно сняла тапочки. Теперь Дан посмотрел на нее вопросительно.

— Ну, раз нужно на другую сторону, перейдем вброд!

— Что — вброд?

— Ну, речушку эту вброд.

Дан взял камень и кинул в речку. Маша минут двад-

цать смотрела на то, как он падает, потом ей это наскучило; она обулась.

— Слушай, а давай переплывем, я плаваю хорошо.

— Нельзя, рыбкой станешь, как только в воду попадешь.

Маша наклонилась к воде. Там были сонные стада разноцветных рыб.

— Пошли, в Лесу-для-всех неосторожно долго быть на одном месте.

А мостик, подумала Маша, должен же быть хоть один мостик? Они шли-шли и через полчаса увидели легкий деревянный мостик. Маша даже в ладоши захлопала.

— Хороший мостик, — сказал Дан. — Только раньше его здесь не было.

Они подошли совсем близко. Вдруг Дан быстро прошептал Маше на ухо:

— Смотри, птица!

Маша подняла голову, а Дан со всего размаха рубанул мечом по мостику. Раздался полный ужаса и боли женский стон, и все исчезло, как не было.

— Что это, что это?

— Это ведьма, Машенька, обыкновенная ведьма. Пошли.

Маша давно не смотрит по сторонам, а только себе под ноги. Она знает, что ныть и жаловаться стыдно, но все-таки...

— Дан, скажи, а есть хоть один правильный мостик?

— Целых три, но мы туда не пойдем. Уж очень там место удобное. Сел в тенечке, положил рядом лук и жди спокойно, пока кто-нибудь подходящий появится. — Дан неотрывно смотрит на речку, словно ждет кого-то.

Маша тоже смотрит на воду, и вдруг... Нет, конечно, она уже много чего видела, но все-таки...

По воде шла девушка. Большой радужный плащ — крылья радуницы, короткое-короткое черное платье, короче наряда огневок, волосы, как лен, в них воткнуто черное перо, сама смуглая-смуглая.

— Хэй, Хельга, королева ворон, здравствуй! — Дан приветливо машет рукой. Хельга видит их и бежит к ним; радужные крылья летят по ветру.

— Здравствуй, лесной бродяга! — Зубы Хельги — влажный жемчуг. — У тебя опять ко мне просьба?

— Просьба? Почему?

— Мы с тобой виделись раз семь, и тебе от меня всегда было что-нибудь надо. Мне и мама говорила, что в вас, мужчинах, никакого бескорыстия.

— Да, действительно. Слушай, Хельга-королева, возьми мою девочку. Пусть она у тебя погостит.

— Так это девочка? — Хельга смеется. Она сходит на траву. Хельга тоненькая и высокая, с Дана ростом. Она крепко обнимает Машу за пояс и легко отрывается от земли; они летят и болтают, им хорошо.

Маша смутно помнит историю Хельги. Когда-то, ей кажется, очень давно, слышала ее на кухне дядюшки Грэ. Говорят, отчизна ее — Синие горы, песни эль-

фов называют их сердцем ничьей земли. Вечно юный Бэр могучий, радуниц король всеильный — отец Хельги. Во времена Великой битвы яйцо («О, крылаты радуницы, потому на свет выходят, разбивая скорлупу»), так вот, яйцо Дир-Длинная-рука украл, а псы сторожевые настигли вора. Но яйцо пропало («Десять лет ходила в алом королевская семья. Алый, алый, вечно алый, алый траур радуниц»). Это удивительно, думает Маша, у меня на родине говорят — алый, как радость. Когда Маша вспоминает, что выскокая Хельга, как цыпленок, вылупилась из яйца, она невольно улыбается. Так вот, яйцо нашла ворона Дина, обычная, слегка потрепанная ворона с разбитой семейной жизнью. Ворона хотела воронят, а бог не посылал, зато вот счастье было, когда она нашла яйцо и семь долгих лет под дружный птичий хохот это яйцо высиживала! Если бы не попугай Ба, умереть бы ей, бедолаге, с голоду. Но зато через семь лет она высидела своего возлюбленного вороненка — крошечную бесокурую девочку ростом с наперсток, и еще долгие десять лет Дина поила и кормила это чудо. А потом... а потом радуница стала радуницей. Бэр прислал за ней серебряных драконов, а Дина так радовалась, так радовалась за свою дочь, что за одну ночь стала белой. Она со слезами радости поцеловала ее на прощанье, но дочь Дины никуда не уехала. Вечно будет она жить со своей матерью в Лесу-для-всех, и никто никогда не посмеет причинить ей зла (и то сказать, надо быть сумасшедшим, чтобы связаться с радуницей).

*Будет сладка вода, которую она пьет.
Сладок будет хлеб, который она ест.
От песен ее плясать будут скалы и лес.
Рыцаря ей целовать, радуги ткать из рос,
Вечно матери жить, Хельге не знать слез.*

Они долетели до места, где жила стая. Хельга опустила Машу в гнездо для гостей. Гнездо было огромным, там была еще кровать с семью пуховиками и зеркало. Хельга была мудрая, и поэтому сразу решила устроить пир. «Не скучай», — и она упорхнула.

Маша почему-то совсем не тревожилась о Дане. Она сразу сказала себе: раз Дан обещал, то он придет, и с ним ничего не случится. И нельзя за него волноваться, а то, если будешь волноваться, то как раз что-нибудь и случится.

Кругом кипела подготовка к празднику. Маша решила поддержать честь своего сословия: она умывалась и спешно вспоминала самые птичьи сказки. Через час она была представлена вороне Дине.

*Радость ее была, как горный снег, бела.
Перьев ее цвет — цвет радуниц-королев.*

Это неправда. Дина ослепительно-оранжевая (наверное, красится хной), добродушная птица. Она очень-очень много говорила и явно не принадлежала к породе вещей воронов. Но Маша — правильно воспитанная девочка, и поэтому она со слезами невольного благоговения поцеловала сухую лапку Дины.

Да, эта стая умела повеселиться. Булочки и ягоды были страшно вкусные. В конце концов, не каждая девочка может похвастаться, что танцевала польку с вещим вороном. Не часто приходится слышать, как столетний дуб поет печальную и сладостную балладу эльфов:

*Ветер крылья мои сломал,
И увяли цветы в пугах.
Мне и крыльев моих не жаль,
И не жаль цветов на лугу,
Жаль, что больше лица твоего
Никогда не увижу я.*

Дина рыдала над «Курочкой Рябой». Веселились долго и поздно разлетелись по гнездам. Маша сразу как легла, так и провалилась.

Она проснулась от лихорадочного шепота Дана: «Скорей, скорей вниз!» — Дан был бледен и ранен. Не раздумывая ни секунды, она спрыгнула, и они куда-то побежали. Дан торопил ее — скорей, скорей! Она едва успевала уворачиваться от веток. Они уже бежали, она видела впереди широкую поляну. Вдруг что-то бросилось ей в ноги — Маша споткнулась и упала. В спину Дана вонзилась стрела. По телу прошла судорога, и он рухнул, как подкошенный. Маша закрыла глаза.

ГЛАВА 9

Она очнулась, ее сильно, больно трясли за плечи. Так можно из человека всю душу вытрясти. Маша открыла глаза. «Дан, боже, Дан, живой!» Девочка дернулась и оглянулась. На тропинке около дальних кустов лежала гигантская крыса. Сияла золотая корона. Из крысиной спины торчали нож и стрела.

Дан еще раз тряхнул Машу за плечи:

— Он назвал тебя по имени? Отвечай!

— Нет, ой, нет... — Маша совсем съежилась.

— Тебе что было сказано? Сидеть и ждать. И идти с тем, кто назовет тебя по имени! — Ее снова грубо тряхнули. Маша все вспомнила, снова крепко-крепко зажмурилась и тоненько заплакала. Они долго сидели, обнявшись. Она то брала Дана за руку, то гладила его по щеке. Он был теплый. Маша плакала долго и сладко, потом вострепнулась вся: что это они сидят и никуда не идут? Но Дан, казалось, никуда и не спешил. Он безмятежно грелся на солнышке. Было тепло и покойно, как на пляже. Маша совсем забила Дана под крылышко, успокоилась и страшно обиделась. Она, можно сказать, дама, а ее трясут, как грушу перезрелую!

— Дан, ну как тебе не стыдно девочек обижать!

— Прости, я чуть не умер со страху, пока по кустам метался. Глупая ты девочка, пойди с человеком, не знающим пароль... А потом: я отправляю тебя с Хельгой к ней в дом, и вдруг являюсь, как тать в ночи, увожу тебя, не поблагодарив хозяев, не попросившись с ними? Одно это должно было тебя насторожить. Ну что ты думала своей головой?

— Я думала, что раз ты зовешь, то надо идти. По-

том, оно... — Маша боязливо покосилась на тропинку, — оно было такое бледное и израненное...

— Тем более. Хельга любую рану лечит в два счета.

Маша слишком довольна жизнью, чтобы продолжать этот разговор. Раздалось чье-то «кхе-кхе»; Дан виновато вскочил на ноги и церемонно поклонился.

— О милая моя дама, позволь тебе представить того, кому мы обязаны спасением.

Маша, наконец, оглянулась. Небольшой пестрый камень так нервно, так раздраженно разгуливал на тоненьких ножках... Еще секунда, и он расплавился бы. Дан шепнул на ухо: «Сейчас же поблагодари и похвали побольше, они, живые камни, это любят».

Маша поспешно поднялась, глубоко «макнула свечку» и, опустив ресницы, нежным-нежным, хрустальным-хрустальным голосочком стала петь хвалу округлости камушка, цветным прожилкам, его твердости и паду-чести. Камень рос и менялся на глазах. Наконец превратился в бриллиант чистой воды, вместо ножек у него появились крылышки и, послав Маше воздушный поцелуй, он запорхал куда-то вдаль. Маша снова иско-са посмотрела на Дана. Он был совершенно безмятежен. Тогда Маша с любопытством осмотрела место: кусты и тропинки, тропинки и кусты, плавно переходящие в густой лес. Чистое, правильное, восьмиугольной формы поле белого песка, совсем в начале большой плоский белый камень. Маша с Даном как раз на нем и сидели. Тут живой камень снова припорхал.

— Дан, а по кустам люди Ахима сидят.

— Да, я так и понял.

— Прелестная дама, я остаюсь с тобой, — и камешек сделал плюх рядом с Машей.

— Мы тронуты, — церемонно ответил Дан, а Маша погладила пальчиком его сверкающий бочок.

Из кустов выехал всадник в алом и остановился у самой белой черты. Наряд его сиял на солнце золотым шитьем, и глаз нельзя было отвести от дерзкого и юного лица. Машу передернуло от его маленьких изящных рук.

— Ой, а это кто?

— Ахим, Черный князь.

— Дан, а что это он на тебя, как мышшь на крупу, смотрит?

Дан успокоительно похлопывает девочку по руке, но добродушный и услужливый бриллиант чистой воды вносит ясность:

— Еще бы, моя прекрасная дама! Они, можно сказать, родственники: если учесть, что Дан отправил на тот свет и отца, и брата, и любимую тетю Ахима...

Дальнейшим камешек подавился — на него Дан посмотрел. По кустам мелькали желтые и алые плащи, и Машу осенило:

— А как мы отсюда выйдем?

Это вышло поневоле громко, и Ахим засмеялся.

— Хочешь сухарей погрызть? — ответил ей Дан, и все трое дружно захрустели. И вдруг весь мир наполнился огромным, металлическим, левитановским голо-сом Рана-вестника:

— Слушайте, слушайте все! Голубые рыцари перешли границу Княжества Красных Цветов. Пали Порра и Бакарра. Счастливой охоты, братья!

Толстый голый купидончик Ран висел прямо над головой Ахима. На мгновение все замерло, потом Ахим и его люди повернули коней.

— Ну вот, видишь, — сказал Дан, догрызая сухарь, — можно сказать, что на сегодня князь крупно утешился.

И тут Маша почувствовала, что под ними что-то зашевелилось.

— Вы бы слезли, ребятки, а то я сейчас на войну полечу, — добродушным басом пророкотал небольшой желтый дракон. Они быстренько слезли; оказалось, что когда дракон был камнем, он закрывал большую нору. Вот туда-то наши путешественники и юркнули поспешно. Дракон начал медленно подниматься. Живой камень счастливой бабочкой порхал рядом. — Хочешь, прокачу? — проревело чудовище. Крылатое создание поспешно село дракону на голову. Дракон поднимался все выше и выше; он стал в целое небо и торжественно сиял в солнечных лучах.

— А я знаю, кто это, я знаю! Это Та, желтый огнедышащий дракон, младший брат черепашки Нана! — Маша залилась счастливым смехом и даже в ладоши захлопала. — А я знаю, почему Ахим остался с носом, вот это да! Мы ведь сидели на спине у дракона, и он нас защищал!

— Ну, это не совсем так. Это поле неприкосновенно, потому что под ним — жилище гусеницы Но, Поражающей Ужасом. Силы зла боятся ее, как огня, а Та — страшный лежебока и любит поспать в безопасном месте.

Маша вся превратилась в слух: господи, запомнить бы все это!

Та поднялся совсем высоко и запел. Столько силы и мощи было в его реве, что Маша не выдержала и запела вместе с ним. Ей хотелось бежать так, чтобы ветер свистел в лицо, большой рыбой резвиться в волнах, но Дан увлек ее вниз по бесчисленным ступеням.

— Так вот, Маша, сейчас мы пройдем мимо Но, Поражающей Ужасом. Запомни: на нее долго смотреть нельзя, раз взгляни — и все, и скорее мимо, а то растворишься.

Маша никогда о Но не слышала. Интересно, она тоже бессмертная?

— Для Но нет ни времени, ни заклятий. Но — как бы тебе сказать... *«Когда Красная чаша наполнится до краев, и в Белом лесу светозарных рыцарей протрубят рога, и Ран-вестник крикнет о Последней битве...»* Так вот, если мы ее все-таки проиграем, то гусеница Но не даст нашим врагам поплясать на наших костях, и вместо нашего мира останется не черная пустота, а свет.

Маша почти ничего не поняла, но это ее уже не смутило. Она знала, что настанет день, когда эти малопонятные слова обретут для нее плоть и кровь. Де-

вочка хотела еще что-то спросить, но ступеньки оборвались: дальше — яма. И, взявшись за руки, они прыгнули вниз.

Упали они, как и положено в сказках, на груды сухих листьев, дружно чихнули, отряхнулись и пошли дальше. Все кругом залито ярким ровным светом. Гладкий каменный пол; посреди пещеры дуб без листьев, впрочем... Когда они проходили мимо, Маша увидела, что один лист все-таки есть; на нем сидела толстенькая зеленая гусеница с рожками. Маша опустила голову и пошла дальше. Они дошли до стены, и та расступилась.

Чахлый лесок с чахлой травой, маленький домик с кривой трубой, весь тоже какой-то неухоженный. Дверь дома распахнулась, и на крыльцо вышла очень толстая тетя в красной панамке с бантиком. Она поскользнулась и упала, панамка плавно спланировала на землю. Маша кинулась к тете, Дан поднял панамку. Как нехорошо, что он улыбается! Тетя тоненько спросила:

— Ты почему, девочка, не смеешься?

— Не смешно, — осторожно сказала Маша.

— Ну и дура безо всякого чувства юмора, — закончила тетя неожиданно толстым голосом. Тут она как перекувырнется через голову — и оказалась большим волосатым шаром с большими ушами и породистым римским носом. — Чего это вы претесь? Я вас лично не приглашал! Я, может быть, возьму зонтик и пойду! — Существо упрыгало в дом, вытащило большой клетчатый зонтик и поплыло по воздуху, как шар голубой. Маша деликатно сказала вслед уплывающему шару:

— А Та на войну полетел...

— Что? Что такое? Хорошенькое, понимаешь, дело! Я, можно сказать, к Та в гости собрался, у меня, может быть, день рождения! А этот желтый на войну смылся! А рогатая на своем листе вообще спит беспробудно! Опять я весь неподаренный! — И существо зарыдало.

Маша быстро выхватила из сумки гребешок.

— С днем рожденья поздравляем, счастья, радости желаем! А если есть мука, яйца и сахар, то я и торт могу испечь!

— А пол и окна помоешь? А занавески постираешь?

Маша посмотрела на Дана, испрашивая разрешение.

— Вальзус Многоликий, зеркальный король, ты пока сходи за ключом от своего царства. Я с Магдой переговорю — и все она тебе сделает, как надо!

Вальзус подумал-подумал и поскакал куда-то. В тишине долго слышалось:

— Ходят тут всякие! Лазь тут из-за них в колодцы бездонные! Окунайся тут в ключи горячие!

— Теперь так, девочка, — Дан ставит Машу прямо перед собой. — Здесь мы пойдем по одному.

У Маши просто ноги подкосились.

— Да ты что, глупенькая, да успокойся, если бы это было опасно, разве бы я тебя одну отпустил? Такая умница-разумница, такая храбрая девочка...

— Храбрая? Да ты что! Очень даже трусливая! Просто я типичный жираф.

— Жираф? А что такое жираф?

Маша даже повеселела от того, что она тоже может открыть Дану что-нибудь новенькое.

— О, это такое животное, такое животное, шея у него длинная-длинная, и все очень медленно доходит.

Дан подумал немножко и улыбнулся:

— Ага, я понял.

Маша не выдержала и закатилась:

— Господи, прелесть какая, Дан, ты ведь тоже типичный жираф!

— Ты, малыш, времени не теряй, ты прибирайся, а я буду далее рассказывать. Пойдешь ты по царству зеркальников, они, зеркальники, знаешь, какие? Просто отражают то, что видят. Какая ты есть, такой мир и встретит тебя за воротами. А когда ты пройдешь подземелье насквозь, на свет божий выведет тебя провожатый. Помни, — тут голос Дана стал жестким, — помни хорошенько, что бы ни случилось, ни одной плохой мысли о нем. Как ты о нем подумаешь, таким он и будет. Я пойду первым и тебя подожду, а то убежишь куда-нибудь, знаем мы вас, Машенок... Думаю, что ты увидишь много чудес.

Маша поднимает с пола вещи — все шарфы и зонтики, зонтики и шарфы, а Дан, чтобы ей не мешать, забирается с ногами в большое-пребольшое кресло. Он сидит в нем покойно и, кажется, даже дремлет. Маша смотрит на него внимательно, и целый ворох шарфов, и шляпок, и зонтиков валится у нее из рук.

— Дан, — говорит Маша, — ты зачем со мной лавишь, зачем?

— Лукавлю? — удивляется Дан.

— Нет, пожалуйста, ну пожалуйста, ты мне всю правду скажи. Знаешь, когда я к врачу хожу, я сразу прошу сказать, если больно будет, а то я совсем, совсем пугаюсь.

— Да что ты, детка, успокойся. Тебе не может быть больно. Тебе будет хорошо. — Он хотел еще что-то прибавить, но Маша не дала. Она положила ему руки на плечи и тихонько спросила:

— Дан, а ведь ты сам боишься? Да, я знаю, боишься! У меня даже сердце болит, как ты боишься... Давай вернемся и как-нибудь иначе пойдем.

— Другого пути у нас нет, детка, война... Сейчас все, что могло, из своих щелей повылезало.

Ну почему, думает про себя Маша, что я за мучительница такая! Ведь он мне все сейчас скажет! Ведь я знаю, что если прямо спросить, то он прямо и ответит! Порода у него такая, зачем, зачем спросила!

Дан уже собрался с духом.

— Боюсь, права ты, Машенька, конечно, боюсь. Что хорошего может ждать меня у зеркальников? Что я увижу там, кроме собственной души? Ты же знаешь, я проклят! Я ведь ничего не помню, не знаю, кто я и где моя родина. Я вот, говорят, любил девушку-эльфа, и до сих пор ее одну и люблю, но даже если бы увидел ее, не узнал бы... Я ее лица не помню. Маша, я мимо мамы пройду и не оглянусь, и сердце мне не подскажет. Я даже спать не могу, сны мои — плач детей да хруст костей. Вот ты, девочка, совсем другое дело...

Дану трудно, неловко все это говорить, но Маша — она, оказывается, и не слышит, и очень, очень рассе-

янная, и смотрит куда-то в окно, и говорит ясным, веселым голосом:

— Знаешь, я все поняла. Ты не волнуйся, Дан. Ты сейчас пойдешь, пойдешь... и знаешь, что увидишь? Зайцев увидишь. У них уши будут зеленые, хвосты малиновые. Это такие особые зайцы, очень, очень глупые, и штанишки носят желтые. — Она подумала немножко и носом потерлась о нос Дана. — Там еще кошки будут с серебряными колокольчиками.

— Маша, я так не люблю кошек!

— Это будут очень правильные кошки, сиамские кошки, большие и верные. Кошки, вскормленные молоком собаки...

Тут и влетел Вальзус.

— Что?! — закричал он дрожащим от обиды голосом. — Тортиков-то тю-тю! Нету тортиков! А за ключами в колодцы бездонные лазай! Каковы!

Вальзус ворчал-ворчал, прыгал-прыгал, а дело делал. Он быстренько заставил Машу прибираться, а Дана куда-то увел. С утра до вечера Маша мыла и стирала, стирала и мыла. Она ухитрилась даже найти завалившееся спать облако и выгнала ленивца поливать цветы и траву. И тортиков она напекла, и чаю они с Вальзусом испили. Потом стемнело; Вальзус подвел девочку к красному цветку на подоконнике, показал ей на самую сердцевину цветка и сказал: «Входи».

И ворота открылись перед ней.

...Мама пела печально и чисто... Белые кони, они несут ее по лугам, полным цветов. Она никогда не видела таких цветов, даже в волшебных садах фей-радуниц, но она их придумает, и целые поляны Леса-для-всех, окрестности трактира дядюшки Грэ будут полны этих цветов. А потом, лет через сто пятьдесят, в маленьком голландском городке рыжий, худой, веселый человек после двадцати лет непрерывной работы выведет эти цветы, и их будут называть «альма зала». Маши уже тогда и не будет, но она твердо это знает и знает, что у этого человека очень большие ноги, и ботинки ему придется шить на заказ, и собака у него будет — боксер по кличке Грей, а жена у него будет рассеянная, вечно оставляет где попало свои перчатки...

Ее брат похож на худого львенка. Он болеет, у него завязано горло, и у нее тоже ангина. Папа играет с ними в подкидного дурачка.

Вот они обступили ее, такие родные. Их еще нет, но она вернется, пойдет в магазин, купит себе тетрадей, и обязательно чернильницу-непроливайку, и они появятся: Тигренок в бантиках, красавица Ашат — та, что плетет облака, рыцарь Бертрам — победитель Бэрской ведьмы, волшебница Лючия, которая из ничего умеет сделать дом, пирог и радость...

Их много, очень много, и не всех она может пока назвать по имени, но они появятся в срок, а когда она будет дарить свои сказки, то перепишет их начисто, без клякс и ошибок.

Дальше, дальше мчат белые кони. Оказывается, ее зовут Ли, она маленькая и смеяться любит, она вся точеная, и от шуток ее просто соль на зубах. А как она

танцует! Словно не светлый эльф, а сто огневок разом, и летит ее зеленое платье, и летят ее зеленые косы, но никто никогда не коснется груди ее, и никто никогда не развяжет ее изумрудный пояс. Горько, горько плачет она по ночам в семицветных своих покоех. «Дан, Дан мой», — повторяют ее сухие губы... Да, она расскажет Дану, что его любимую зовут Ли, и волосы у нее зеленые, и браслеты звенят, а пляшет она — словно огневка, пляшет она...

А мать Дана — вечно в черном, и в доме их пахнет мятой, но она не плачет, она гордо и высоко несет свою голову и знает она о нем все, каждый его шаг, каждый его подвиг, и гордится им, как еще ни одна мать не гордилась своим сыном. А в доме их пахнет мятой. Она все расскажет Дану, и он все, все вспомнит.

Как быстро летят белые кони... И уже захлопнулись тяжелые ворота, и даже жизнь — нет, не большая плата за то, чтобы это видеть.

Вот он, ее провожатый. Он весел, как чиж, и поет-заливается: «Пять веселых королей на врага шли в поход». Он ловкий и такой же низенький, как Маша, и кольчуга его сияет, как рыба чешуя. Они то идут, то ползут, то бегут, но спутник ее — не Дан, он совсем не бережный, и ему совсем все равно, что Маше и трудно, и опасно.

Маша чувствует, что близко, близко выход, но она спотыкается, падает и больно ушибается, и в недобрый час кажется ей, что лукаво усмехнулся ее проводник. Но Маша вся собралась: нет, хорошо помнит она — «ни единой дурной мысли о твоём провожатом», и теперь уже она запела, чтобы не думать, единственную песню, которую знала до конца, бесконечно печальную: «Я растеряла жемчуга свои, я уронила вышитый платок...» Свет впереди. Они вышли из подземелья, и юноша исчез. Как хорошо дышать! Дубы и сосны, солнце. Маша села на камешек и принялась ждать Дана.

И тут они появились, словно она сама их придумала: облако-пудель, облако-жираф, облако-львенок и просто маленькое упитанное облако. Все жемчужно-серые, вместо хвостов — крупные анютины глазки, а у просто облака — ноготок, и ресницы пушистые хлоп-хлоп, и глаза большие, удивленные. Они играли в футбол; мяч улетел и подкатился прямо к Маше, она кинула его обратно. Тут пудель нежно боднул Машу; он сам был славный и упругий, как мячик. Они играли долго и весело, а потом Маша, расшалившись, как схватит толстенькое облако! А мяч снова как улетит! И теперь Маше за ним бежать.

Одна за другой пропели четыре стрелы; на глазах у Маши ни за что, ни про что убили четырех детей. Львенок успел «Мама!» сказать, а жираф заплакать. Маша тоже упала в траву: пусть тот, кто стрелял, подумает, что она тоже задета. Пусть он только подойдет поближе... Пусть, пусть подойдет к ней...

Торопливые шаги, и она рванулась с земли, как тугая пружина. Это Дан? Она толкнула его в грудь так,

что Дан, крепкий, сильный Дан покачнулся. Она берегла силы, не кричала, она шипела сквозь зубы:

— Ты, ты, убийца, оборотень проклятый! — Изловчилась и даже кинжал с пояса выхватила. Дан мгновенно выбил его — и тут она осознала, что ничего ему сделать не может, ничего. Ее согнуло пополам от ненависти и бессилия. — Будь проклят, Великих на твою голову! — Она снова рухнула в траву.

Дан сел рядом.

— Успокойся, Маша, это Серые пятна.

— Зачем, зачем ты убил их? Это дети, слышишь ты, дети! Они ничего, ничего тебе не сделали! Мы играли, слышишь ты, в мяч играли!

Дан так рывкнул на нее: «А ну, встань!» — что у нее внутри что-то оборвалось, но она не встала. Что он ей сделает? Ударит, убьет — что ей до того? Раз она не уберегла детей...

Дан сграбастал ее и потащил по тропинке. Они дошли до того места, куда закатился мяч. Дан остановился.

— Подними камень! Кому говорю, подними камень!

Маша стоит, как кукла. Дан сам кидает камень туда, в ласковую траву зеленой лужайки, куда она чуть не побежала за мячом. Камень мгновенно исчезает в трясине. Маша думает про себя: нет, этого не может быть, они и сами этого не знали! А если и знали — то они же дети, несмышлениши! Маша смотрит на ласковую зеленую лужайку и дает себе страшную клятву, что она-то найдет заветное слово для Серых пятен.

И еще два дня они идут молча, потому что Маша онемела и вздрагивает от голоса Дана. Последний день он тащит ее на руках, а Маша горит, и каждый листик в лесу смотрит на нее детскими изумленными глазами. На третьи сутки они выходят к лагерю странствующих рыцарей. Машу вносят в палатку, она погружена в странное забытье.

Да, а Дан, что он делает? Он моет Маше ноги, стелет постель, раздевает ее... Господи, это стыдно и неловко — впрочем, бог с ним. Вот ее укрыли. Дан рядом, на коленях, в руках у него чашка с молоком — зачем? Глаза, их глаза... они везде. А незабудки у них так смешно подрагивали! А это кто? Грэ? И еще кто-то, совсем седой, на орла похож, что они говорят? Дан не уберег... Дан не виноват, хочет сказать Маша, но губы не шевелятся. А это Грэ:

— Ох, Серые пятна, Серые пятна... Ну ничего, она все забудет, забудет...

Глупый какой Грэ! Я никогда, никогда не забуду. Как львенок: «Мама!» — и хвост у него — самый крупный цветок... «Дан! — кричит Маша. — Дан!» — она соскакивает с постели. Дан подхватывает ее и снова укладывает. Маша еще несколько раз всхлипывает и засыпает, сладко, спокойно.

Она действительно все забыла — надолго, на целых двенадцать лет. Она будет дома, а в комнате будет мурлыкать телевизор, сгорит у нее яичница, и убежит кофе, и горько заплачет Маша, и безнадежно.

Продолжение на стр. 57

ОЙ,

КУДА МЫ

ЗАЛЕТЕЛИ!

Три красавицы в национальных костюмах
Объединенного Королевства:
ирландка, англичанка и шотландка.

...барбиподобный Джексон в красном кожаном костюме и лакированных ботинках стоит на полке в «кукольном доме», зажав в руке микрофон.

Испанские куклы: тореадор и танцовщица...

ОЙ, КУДА МЫ ЗАЛЕТЕЛИ!

Рассказы и сказки для младших подростков

Привет, ребята!

Снова с вами я, ваш Следопыт! Когда я готовил для вас очередную подборку рассказов и сказок, меня чуть было не смutilи некоторые «советчики». Говорят: летом дети ничего не читают...

Так я им и поверил!

Да, летом хочется и поиграть, поплавать, порыбачить, вместе с папой и мамой вырастить на дачном огороде огромнейшую репу. Но ведь есть вечера!.. И вот тут-то!.. Зажигается над кроватью светильник, раскрывается «Уральский следопыт», и ищется среди рассказов и сказок то, что ближе по настроению...

Если у тебя на сердце грусть, потому что верный друг (любимая девочка, любимый мальчик) уехали в летний лагерь и целый месяц не явят тебе свою озорную мордашку, — почитай веселые миниатюры москвича Юрия Вийры или екатеринбуржца Сергея Георгиева. Вот посмотришь: плохое настроение сразу куда-то денется. А еще эти рассказы можно запомнить и при долгожданной встрече с друзьями пересказать их. Таким весельчаком прослывешь!..

Если у тебя непонимание с родителями — воспользуйся маленьким советом Олега Кургузова. Нарисуй папу и маму в образе каких-нибудь животных. Дай им посмотреть, на кого они похожи... Ничего плохого из этого не получится (если, конечно, не рисовать первое, что взбрет в голову: акулу там

или скорпиона). Олег Кургузов — писатель опытный (работает в хорошем столичном журнале «Трамвай») и знает, что советовать...

Если тебе наскучили все развлечения и хочется чего-нибудь необыкновенного — брось взгляд на... обыкновенные бельевые прищепки. Нет, сначала пробеги глазами сказку Юрия Шинкаренко «Прищепочный переполох»... Вот видишь, для того, чтобы развлечь себя, не надо ни сверхмодных компьютеров, ни путевок на Сейшельские острова... Достаточно деревянных прищепок. А радости будет — и тебе, и тем, кто тебя окружает...

Кстати, о том, как сделать сюрприз родным и друзьям, мы говорим в этой подборке достаточно много. Можно устроить театр кукол (прочитай советы актрисы Г.И. Дейкиной). Можно отремонтировать свои старенькие игрушки и положить начало простенькой, но увлекательной коллекции (загляни в репортаж Ольги Колпаковой)...

В общем, если лето немного наскучило, если кажется пыльным и невеселым, — открывай нашу подборку. Надеюсь, с твоих губ не раз сорвется радостный возглас: «ОЙ, КУДА Я ЗАЛЕТЕЛИ!»

Твой Следопыт (который любит получать от тебя письма)

Олег КУРГУЗОВ
РАССКАЗЫ

Рисунки Светланы ПАДЕРИНОЙ

Зверская фотография

У папы болели зубы. И от боли он делал зверское лицо. А ему надо было на новый паспорт фотографироваться.

— Немедленно получите новый паспорт! — говорит ему дяденька милиционер.

— Не могу же я с таким лицом на паспорт фотографироваться, — возражает папа, мычит от боли и снова делает зверскую физиономию.

— Как хотите, только у нас в стране без паспорта нельзя, — говорит милиционер. — С таким лицом и без паспорта вас запросто могут в тюрьму посадить.

— Эх-х! — вздыхает папа и идет фотографироваться.

Раз-два и готово! Получилось на фотографии зверское лицо.

А тут у папы зубная боль прошла. Отправились мы с ним к морю отдыхать. Только нас в самолет не пускают. Потому что теперь у папы лицо нормальное и на паспортную фотографию не похоже.

— Это не ваш авиабилет и паспорт не ваш, — говорит папе милиционер в аэропорту. — Вы на себя не похожи.

— Конечно, не похож, — соглашается папа. — Я теперь здоровый, а тогда больной был.

— Может, вы и теперь больной, — не верит милиционер. — Потому что не свой паспорт предъявляете. А у нас даже здоровых без паспорта в самолет не сажают.

— Ну и дела! — говорит папа и в сторону отходит. Я боюсь, что папа домой вернется, и хнычу:

— Папочка, к морю хочется...

— И мне хочется, — отвечает папа. Потом грустно вздыхает и зверское лицо корчит, будто у него зубы болят.

— Вот теперь другое дело, — говорит милиционер. — Теперь у вас и в паспорте, и налицо одно лицо. Все по правилам. Можете в самолет садиться.

Прилетели мы с папой к морю и в Дом отдыха пришли. Стали нас в комнату поселять и паспорт у

папы спросили. А папа забыл зверское лицо сделать.

— Гражданин! Почему у вас паспорт чужой! Там ведь совсем другой человек сфотографирован, — говорит ему начальник Дома отдыха. — Мы по чужим паспортам не селим.

— Ох, извините! — говорит папа, быстренько в сторону отходит и зверское лицо делает.

— Совсем другое дело! — хвалит папу начальник Дома отдыха. — А то ишь выдумали — паспортную внешность изменять.

И поселяет нас в комнату.

Сложили мы с папой вещи в уголок и обедать пошли. Папе есть очень хотелось, он про зверское лицо-то и позабыл. А навстречу — начальник Дома отдыха.

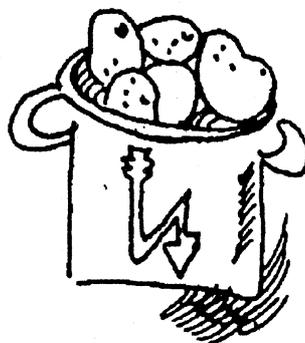
— Гражданин! Гражданин! — кричит начальник. — Вы тут не живете! У нас жильцов с такими лицами нет. Попрошу покинуть столовую!

Весь обед папа зверское лицо делал. От этого зубы у него снова разболелись.

— Эх! — вздохнул папа. — Если я с таким лицом постоянно ходить буду, меня зубы вконец изведут. А с нормальным лицом меня отсюда выгонят...

— Ладно! — говорю я и тоже вздыхаю. — Ну его, это море, если здесь с нормальным лицом нельзя.

Папа обнимает меня, и мы возвращаемся домой. Мама радуется, паспорт у папы не требует и из дома не выгоняет. Потому что она просто так любит. А не по документам.

Открытые двери

Мы сидели дома: папа, мама и я. Мама вязала носок, папа читал газету, а я рисовал корову.

Тут кто-то постучал в дверь.

Мама посмотрела на папу, вздохнула и снова принялась за носок.

Папа зевнул, посмотрел на маму и опять уткнулся в газету.

А я ни на кого не смотрел, я рисовал корову. И мне тоже некогда было дверь открывать.

Тот, кто был за дверью, начал сердиться и застучал громче и сильнее. Потом еще громче и еще сильнее. Потом был сплошной грохот!

— Так и дверь с петель слетит, — сказал папа и отложил газету.

Только он приоткрыл дверь, как в нашу квартиру ворвалась молния.

— Ши-и-их... Баба-а-ах!!!

Папа сидит в одном углу, мама сидит в другом углу, а я в коридоре валяюсь. И все мы черные, как негры. Это молния нас закоптила.

— Ничего себе взрывчики! — говорит черная мама. — Опасно сердить молнию и держать ее за дверь.

— Еще не то бывает! — говорит черный папа, сверкая белыми зубами. — Лучше и вовсе дверь не запирать. Пусть молния влетает и вылетает, когда ей захочется.

Так мы и решили, оставили дверь открытой.

А на следующий день мы все вместе чистили картошку. Захотелось нам жареной картошечки.

И тут в нашу квартиру влетела молния. Сначала она сверкнула в коридоре, потом появилась на кухне. Пошелестела немного, добродушно фыркнула и юркнула в форточку.

На кухне запахло печеной картошкой.

— Ну, что я вам говорил?! — воскликнул папа, перестав дрожать. — Если держать двери открытыми, можно и печеной картошечкой побаловаться.

Тут мы стали пробовать картошку, которую испекла молния. И глаза зажмурились. У-у-у!

Печеная — не то что жареная!

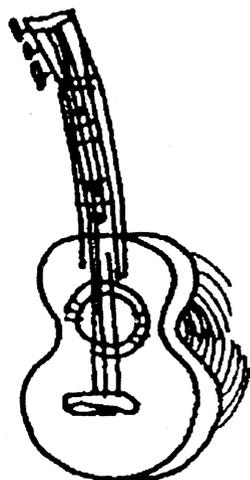
Папа и цыгане

— Что-то долго нет отца, — сказала мама и посмотрела на часы. А я не стал смотреть на часы, я знал, что папа скоро придет. Тут в прихожей раздался звонок.

— Ура! — закричал я и побежал открывать дверь.

На пороге стоял цыганский мальчик. Он хотел пить.

Потом пришла цыганская девочка и тоже попросила пить. Потом пить попросила взрослая женщина в разноцветной юбке. Скоро у нас в квартире

был целый цыганский табор. Они все хотели пить.

А потом они захотели посмотреть нашу квартиру. И пошли гулять по комнатам.

И тогда у нас стали исчезать вещи. Сначала исчезла мамина кофта, потом папины зимние ботинки. А цыганские люди все ходили и ходили.

Мама сидела на диване и плакала. Я бегал по квартире и искал свою тельняшку. Когда я надеваю тельняшку, то ничего не боюсь. Но тельняшки нигде не было.

— Я в отчаянии! — сказала мама.

И тут пришел папа. Он долго смотрел на наших гостей и наконец сказал:

— Эх-ма!

И исчез в своей комнате. Скоро он появился с гитарой.

— Дай-дай-дай! — пел папа.

— Дари-дари-дари! — в ответ ему запели цыганские люди.

Они собрались вокруг папы и стали трясти плечами, руками и ногами.

— Жги! — закричал папа и начал прыгать вприпрыжку.

Вместе с папой запрыгал весь табор.

А мы с мамой сидели на диване и смотрели на них. Откуда-то стали вываливаться наши вещи. Сначала папины зимние ботинки, потом мамина кофта. И, наконец, моя тельняшка.

Пока мы с мамой собирали вещи, папа ушел с табором.

Он пропадал где-то всю ночь. А когда утром папа вернулся, на нем была рваная красная рубашка и облезлые сатиновые шаровары.

— Где же твой новый австрийский костюм? — строго спросила мама.

— Ерунда! Я выучил новую цыганскую песню, — сказал папа.

И спел нам песню.

Сухопутный или морской?

Когда мыши стали ходить по нашему дому пешком, мама сказала:

— Я сомневаюсь в том, что наш кот Лукьян сухопутный!

— А какой же он?! — удивился папа.

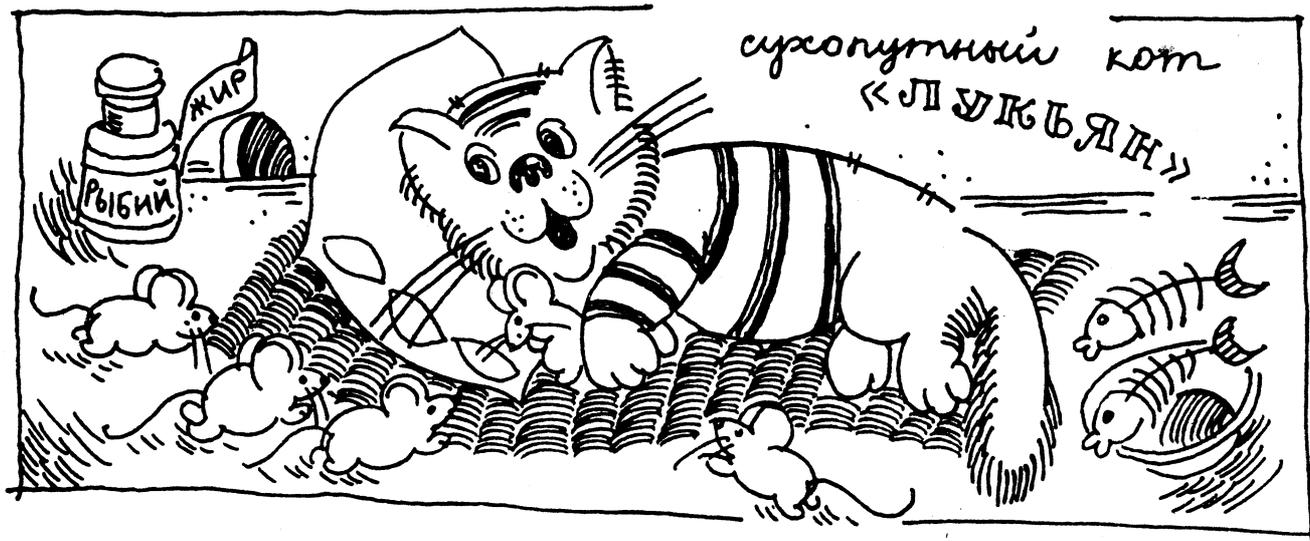
— Может быть, он морской котик, — предположила мама.

— Поясни мысль! — сказал папа.

И мама пояснила:

— Если бы он был сухопутным котом, то любил бы мышей. А он без ума от рыбы. Значит, он морской.

Это точно: Лукьян чуял рыбу в любом конце квартиры и несся в этот конец сломя голову. А мышей он не видел в упор. Идет себе по квартире и упирается в мышью... Или наоборот. Идет себе мышью по квартире

по квартире и упирается в кота... И друг друга они не узнают.

— Что же делать? — спросил я и посмотрел на маму и папу с надеждой. — Может быть, Лукьян все-таки сухопутный?

А папа сказал:

— Сейчас мы устроим ему проверочку!

И тогда мы стали ловить мышей и мазать их рыбьим жиром.

Теперь Лукьян чуял мышь в любом конце квартиры. И несся за ней сломя голову.

Мыши сначала боялись Лукьяна и кричали страшными голосами. А кот ловил их, облизывал и отпускал. И мыши привыкли к Лукьяну.

— Мяу! — сказал кот Лукьян как-то раз.

И мыши побежали к нему сломя головы из разных углов дома. А Лукьян стал их оближивать. Просто так, без рыбьего жира.

А мама посмотрела на них на всех и сказала:

— Кто бы мог подумать, что мыши так любят ласку!

— Кто бы мог подумать, что Лукьян так любит мышей! — сказал папа.

А я обрадовался и закричал:

— Ура! Значит, он сухопутный!

Папа пишет письмо

Папа сидел за столом и писал письмо тете Дусе. Стол был раздвижной, из двух половинок.

Только папа написал: «Дорогая Дуся, здр...», —

как его ручка попала в щель между двумя половинками стола, и письмо прорвалось. На месте неоконченного слова «здр» оказалась самая настоящая дырка.

Папа взял новый листок бумаги и снова написал: «Дорогая Дуся, здр...» Др-р-рык! — дрыкнула ручка и снова застряла в щели.

— Это не письменный стол, — сказал папа, — а стол для делания дырок в письмах. Очень удобно, быстро и надежно!

Потом он лег на пол и стал там писать письмо. Но в полу между досками тоже были щели. «Дорогая Дуся, — писал папа, — здр...» Др-р-рык! Дрыкнула ручка и снова проделала дырку.

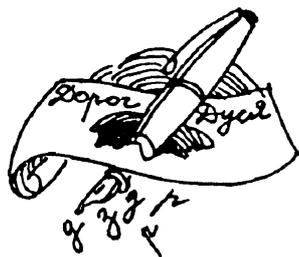
Папа совсем загрузил и сидел на полу в полной растерянности.

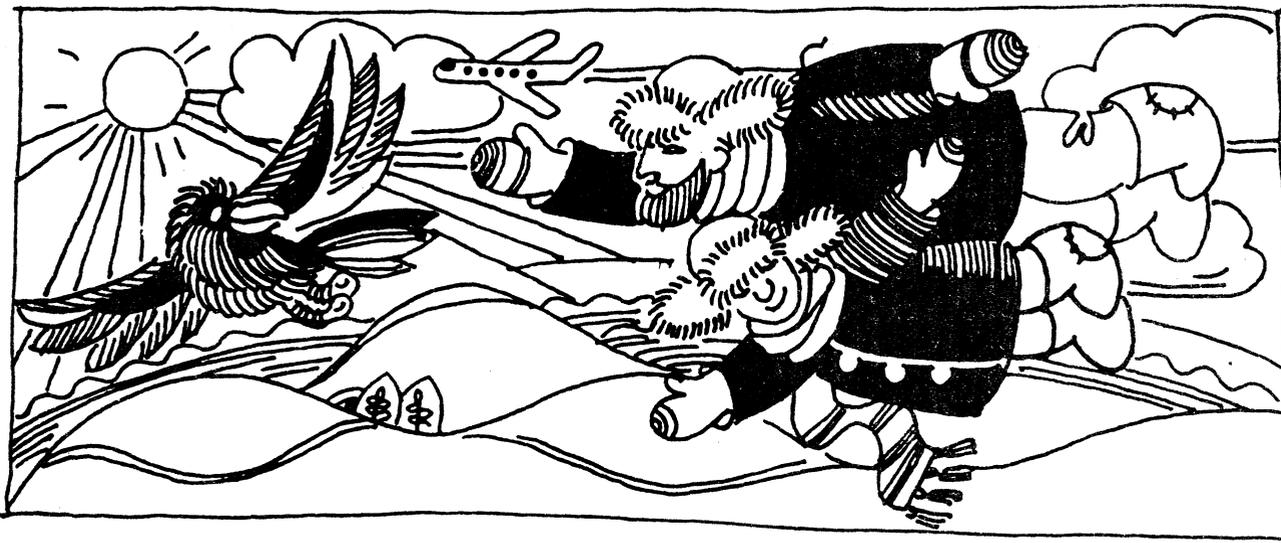
— Не расстраивайся, — сказал я ему. — Хочешь, пиши на моей спине. Она гладкая и мускулистая.

Папа потрогал мою спину, сказал «Ого!» и начал писать на моей спине.

«Дорогая Дуся! — писал папа. — У нас дома полным-полно дырок. Поэтому все мои «здравствуй», предназначенные тебе, провалились неизвестно куда. Теперь я пишу на гладкой и мускулистой спине моего любимого сына, но боюсь утомить его. К тому же, ему очень щекотно. Поэтому письмо будет очень коротким. Возвращаю по назначению все провалившиеся «здравствуй» тебе: здравствуй, Дуся, здравствуй, здравствуй!.. До свидания, Дуся».

Скоро пришел ответ от тети Дуси. Она призналась, что никогда в жизни не получала такого замечательного письма с таким огромным количеством пожеланий здравствовать. Теперь она

чувствует себя замечательно, здравствует без конца и посылает нам с папой миллион воздушных поцелуев: «Чмок, чмок, чмок, чмок, чмок, чмок, чмок, чмок!..»

Кто на кого похож

Учитель сказал нам:
— Каждый человек своим поведением напоминает какое-нибудь животное... Один ленивый, как, например, медведь. Другой попрыгунчик, как заяц. Попробуйте нарисовать своих мам и пап в виде симпатичных животных.

Это будет хорошая шутка, она развеселит ваших родителей.

Когда я пришел домой, папа лежал на диване, читал газету и зевал.

Я нарисовал его медведем в берлоге.

А тут мама возвратилась из магазина с тяжелыми сумками. И я нарисовал ее верблюдом с огромными тюками.

Мама и папа посмотрели на мои рисунки и рассмеялись. А потом мама спросила:

— Ты рисуешь для школы?

— Конечно! — сказал я. — Это такое задание.

— Ну! — сказал папа. — Зачем же выдавать домашние секреты?! Нарисуй меня лучше в виде бобра, который без усталости строит дом. А мама пусть будет беззаботной порхающей птичкой.

Я так и сделал. Папу — бобром, маму — птичкой. И сдал рисунки учителю.

И тогда папу привлекли к ремонту школы. А маму заставили петь в родительском хоре. Хорошая шутка получилась.

Борщ по-флотски

В одном конце нашего двора лежит толстое бревно. А в другом — длинная доска. Если положить доску на бревно, получатся качели. Мы с папой так и качались. Он вниз — я вверх. Я вниз — он вверх. Он в воздухе, я на земле. Он на земле, я в воздухе.

— Э-ге-ге, — говорит папа. — Надоело каждый раз на землю возвращаться. Давай полетаем!

— Только потом давай обратно на землю вернемся, — говорю я.

— А куда ж мы денемся?! — говорит папа. Он сообразил попросить какого-то дяденьку, чтобы тот его подбросил.

— Ой! — говорит папа грустно. — А парашюты мы и забыли...

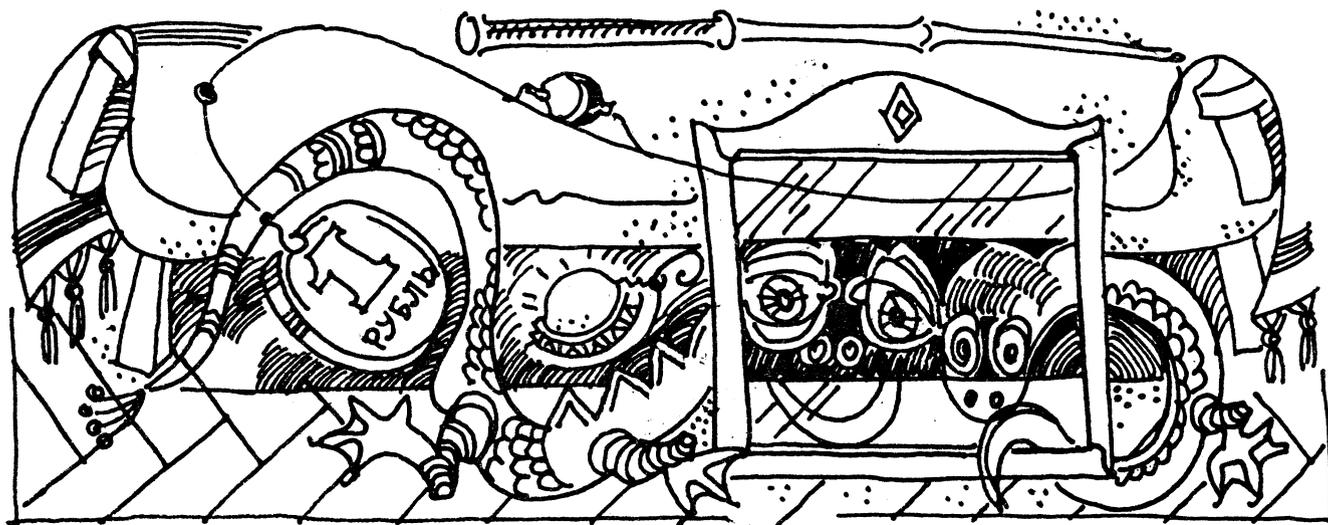
— Это пустяки, — говорю я. — Представим себя снежинками и медленно опустимся на землю.

— Ничего себе — снежиночка! Во мне 80 кило, — огорчается папа.

Но огорчается он недолго. Ведь вокруг такая красота! Солнце на снег светит. Снег блестит и отражает свет обратно на небо. Даже непонятно становится, где земля, а где небо. Все вокруг голубое! И мы с папой в черных пальто летим сквозь эту голубизну.

А папа говорит:

— Жаль, я свой пестрый шарф дома забыл.

вы потеряли, что ли?

Можно было бы им помахать, народ внизу поприветствовать.

И стали мы с папой мечтать, будто мы вверху, а народ — внизу. Мы шарфом пестрым машем, а народ радуется, в затылке чешет и кричит: «Во дают!..»

Только размечтались, а с земли вдруг голос из рупора раздается:

— Первый-первый, я второй! Ну-ка, заходите с планером на посадку!

Оказывается, мы пролетали над аэродромом. Аэродромщики не привыкли, что люди сами по себе в небе летают, и приняли нас за самолеты.

— Нет, — говорит папа, — не будем садиться на их аэродром. Они нам сразу номера прилепят, придется летать под номерами.

— Да, — соглашаюсь я. — Под номерами совсем не то. Скучно под номерами летать.

— Второй, второй! — кричит папа вниз. — Посадку произвести не могу. Шасси не выпускаются. Ухожу на запасной аэродром.

Отлетели мы с папой в сторону. И тут нам на встречу — стая ворон. И эти тоже не привыкли, что люди сами по себе в небе летают. Ка-а-ак загалдят! Как начали толкаться!

— Ой! — кричит папа. — Я иду колом!

И пошел колом. Ну, и я вслед за ним тоже колом.

— Осторожно — земля! — кричит папа.

И — бум!!!

— Вижу! — кричу я.

И — бац!!!

Хорошо, что я легкий. Совсем неглубоко в снег зарылся. А папа тяжелый, головой в сугробе застрял. Папа возился, пыхтел-кряхтел и, наконец, встал

на ноги. Встать-то он встал, а сугроб с головы стряхнуть не может.

— Или голову в сугробе оставить, или сугроб домой нести, — размышляет папа.

— Лучше сугроб отнесем домой, — предлагаю я. — Чем ты обед будешь есть, без головы-то?

Пришли мы домой. Папа сразу к горячей батарее прислонился. Чтоб сугроб побыстрее растаял. Ну, сугроб и растаял. Лужа получилась — огого!

— Сейчас придет мама и устроит нам баню, — говорит папа.

А тут и мама пришла. Посмотрела на лужу и говорит:

— Вы моряки, что ли?

— Вот-вот, — говорим мы с папой. — Моряки мы и есть. Морские души!

— Раз вы моряки, то на обед я сварю вам борщ по-флотски, — сказала мама.

И сварила нам борщ.

Надоело летать

Папа захлопнул книжку и сказал:

— Надоели мне эти фантастические истории про разные полеты. Все летают, летают, а ползать никто не хочет.

— Я хочу! — сказал я, упал на пузо и пополз.

Хлоп! Шур-шур-шур... Это папа упал и тоже пополз.

Ползти так интересно, снизу много чего нового замечаешь. Видно, например, что под диваном давно пол не мыли, пылицы полным-полно. И мамина серьга там валяется, рядом — папина пуговица от штанов.

— А вон рубль в пыли лежит, — грустно говорит папа. — Помнишь, мы спиннинг не купили, потому что рубля не хватило?

— Помню, — говорю я. — Если бы мы тогда поползть решили, у нас бы сейчас спиннинг был.

— Лежали бы мы сейчас и спиннинг под диван в темноту забрасывали, — мечтает папа. — Сказка, а не жизнь!..

И тут на нас из-под дивана глаза уставились.

— Амба... — шепчет папа. — Отползай, сынок, я тебя прикрою.

«Амба — это, наверно, змея такая, — думаю я, — которая людей и козлов целиком заглатывает...»

— Нет, папочка, давай вместе, — шепчу я, подползаю к папе и обнимаю его, лежачего.

И тут из-под дивана на нас уже две пары глаз уставились. Большие глаза — грустные-грустные, а маленькие — испуганные...

— Эх! — догадывается папа. — Это же мы с тобой отразились в старом зеркале, которое за диваном стоит.

И тогда мы с папой начали смеяться и чихать:

— Ха-ха-ха! Чих! Ха-ха-ха! Чих!..

Когда под диван смеешься, оттуда в ответ всегда пыль вылетает.

— После таких переживаний... чих! — чихает папа, — надо подкрепиться. Чих! Укрепить нервную систему. Чих!

— Давай... чих! укрепим ее котлетами. Чих! — говорю я.

И мы поползли на кухню. А там сковорода с котлетами на полу стоит. Мама всегда сковороду на пол для остывания ставит. Потому что возле пола воздух всегда холодней, чем у потолка.

И вот лежим мы с папой возле котлетной сковороды и котлеты руками в рот запихиваем. Как птеродактили какие-нибудь.

— Вот жизнь! — говорит папа. И глаза у него радостные становятся. — Не жизнь, а сказка!

— Поэтому все змеи такие мудрые, — говорю я. — Они внизу ползают и все разглядеть могут.

Так мы с папой размышляли о жизни и заснули прямо возле сковороды. А разбудила нас мама.

— Эй, вы! — сказала она. — Вы что — птеродактили, что ли?

— Нет, — говорим мы. — Мы твои родные. Нам просто летать надоело.

Душа нараспашку

Ветер гнул деревья в дугу. Они наклонялись в ту сторону, где под деревьями сидел мой папа.

Он был задумчивый и грустный, как пингвин в ожидании Северного сияния.

Мама взглянула в окно на папу и сказала:

— Чего это он там делает?

— Проветривается, — сказал я.

— А по-моему, он простужается, — сказала она.

— Сходи за ним и приведи его домой.

Когда я подошел, папа расстегивал рубашку и подставлял свою голую грудь упругому ветру.

— Ты чего делаешь? — спросил я.

— Распахиваю душу всему миру, — ответил папа.

От удивления я даже икнул, но папа тут же все объяснил:

— Видишь: деревья, как огромные веники, гнутся в мою сторону — это они сметают из воздуха всякие чувства, мысли и вести в мою распахнутую душу. И я становлюсь мудрее!

— А если они наметут тебе всякой чепухи: глупых и злых мыслей?! — испугался я.

— Нет! — смело ответил папа. — Дурные мысли меня не коснутся. Вот!

И он показал пальцы, сложенные крест-накрест.

— Ага! — догадался я. Я-то знал, что так надо держать пальцы при встречах с ведьмами и колдуньями, чтобы они не навяли тебе черных мыслей.

— Ну, ладно, — сказал папа. — Я еще посижу тут, на ветру, а ты иди — помоги маме по дому.

Мы с мамой пропылесосили ковры в комнатах и вымыли пол на кухне. А тут и папа возвратился, светящийся от радости.

— Ну, что скажешь? — спросила мама, выжимая половую тряпку.

— Жизнь прекрасна!!! — завопил папа и крепко-накрепко обнял нас с мамой.

От него шла такая сильная сила, что нам показалось, будто мы стали легкими-легкими и вот-вот взлетим прямо к небу. Прямо туда, откуда с огромной высоты, задумчивый и грустный, как пингвин в ожидании Северного сияния, на нас с надеждой глядит наш Боженка.

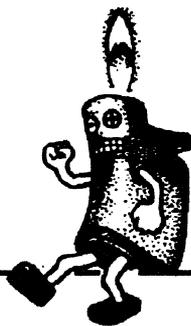
Юрий ШИНКАРЕНКО

СКАЗКИ ИЗ СУГРОБИХИ

Рисунки Александра ШАТУНОВА

РАЗОВОЕ НАШЕСТВИЕ

В Сугробиху вновь пришла зима.
Пал снег. Кружились метели. Опять падал снег...

А потом наступил удивительный серый день. Солнца не было, но сугробы светились сами, ровно, чисто и ничуть не холодно.

В такой день у каждого встрепенется сердце. Оказывается, свет не только в небесах. И на земле его много-много, стоит лишь дождаться...

Венька решил не терять случая и пройтись на

лыжах по сугробихинским окрестьям. Такой день!..

Проверил он лыжные крепления. Выдвинул из-под кровати плоский деревянный ящик, забитый круглыми, словно от диафильмов, коробочками. Это был набор лыжных мазей. Венька стал выбирать нужную.

«Мазь, — прочитал он на первой коробке, — для прогулок по вечерней фиолетовой лыжне, сбегаящей в черную расселину скал».

Венька подумал немного и убрал коробку обратно. Достал другую. На ней значилось:

«Мазь для гонки за тракторной телегой, с которой осыпается перламутровая от мороза солома и мякинная пыль».

Венька и эту мазь забраковал. Не такой сегодня день, чтобы за тележками с соломой гоняться...

На новой этикетке был нарисован Дед Мороз. А сама мазь предназначалась «для лыжного следа, усеянного хвойными иглами, конфетти, обрывками серпантина и фантиками от «Гусиных лапок».

Новогодняя... Венька поставил коробку не в ящик, а на книжную полку. А то придется через пару недель вновь все перебирать. Стал рыться дальше.

Надписи извещали:

«Для ходьбы по мелкоснежью, между сухими верхушками полыни, с которых падают сизые крупинки семян и уносятся к горизонту».

«Мазь для тех, кто любит, взлетев с трамплина, парить в золотистом закатном воздухе над золотистым же снегом, в котором увязло черно-красное петушиное перышко».

«Предназначается для лыжников, выбирающих свои маршруты там, где снег застыл крутыми гребенчатыми волнами, розовыми на восходе».

«Для лыжни, параллельной заячьим тропам».

«Параллельных» мазей было несколько: для волчьих троп, для мышинных... Но Венька в них не нуждался.

Наконец на глаза попала пластиковая коробка, опоясанная черной лентой с белыми буквами. Раньше до этой коробки Венькины руки не добились...

«Внимание смельчакам! — с удивлением прочитал Венька. — Эта мазь незаменима на лыжне, ведущей навстречу опасным неожиданностям!»

Ого-го!..

Конечно, Венька тут же забыл про все остальное и с нетерпением воспользовался мазью для смельчаков.

В какой стороне от Сутробихи находятся опасности, Венька не представлял. Но решил довериться лыжам. Остроносым гоночным лыжам красного цвета. Смазанные специальным составом, они наверняка приведут к цели.

Сначала лыжи привели Веньку на окраину Сутробихи, к Тысячелетнему Тополю. Великое дерево, каких в мире нигде больше нет, приютило на своих ветвях столько снега, что Венька не решился приблизиться к стволу. Стоит дунуть ветру — снег сорвется с развилки и сухоручин, как снежная лавина. И — прощай, Сутробиха! До весны будут выкапывать незадачливого лыжника!

Венька объехал вокруг старого знакомого. Увидел, что кто-то прилепил к необъятному морщинистому стволу снежные шары-глаза, крючковатый нос, сурово поджатые губы. Кто-то все-таки рисковал, создавая тополиную физиономию! Но риск не был напрасным. Теперь Тополь выражением своего лица предупреждал всех остальных: «Не подходи! Мне это не нравится! Дождись лета, тогда я весь твой!»

Венька издали помахал дереву лыжной палкой и помчался дальше.

Явных опасностей больше не встречалось.

Заснеженная ольховая роща была спокойна и светла. Ольховые деревья спали. Глубоко и уютно. Сбросив с себя листья и укутавшись снежными пледями. Вот только сережки они почему-то не сняли. Может, оттого, что на них новая оправа из серебристого инея, и с такими украшениями даже во сне не хочется расставаться... Ну, девчоночки природы!

От рощи Венька спустился к Лизунцам, к глыбам каменной соли. Лизунцы стоят на окраине пастбища, возле них летом отдыхают коровы, обливаясь соленые бока шершавыми языками. Отсюда — и название...

Сейчас Лизунцы почти полностью скрывались под снегом. Только верхушки торчали из сугробов, будто из фарфоровых солонок. Все это выглядело по-домашнему. Опасных неожиданностей здесь явно не предвиделось.

Стало темнеть. Венька прислушался к лыжам: куда тянут?.. Охотнее всего лыжи скользили на теплые огоньки Сутробихи, на маяк луны, зависшей над стогами соломы.

Ну и мазь!.. А еще для опасностей предназначена! Может, просто коробки перепутались! И Венька втер в полозья состав «для безмятежной прогулки, подтверждающей, что засыпанный снегом мир добр и никому не угрожает»...

Лыжню преградило шоссе, ведущее в далекий город. Его не успели расчистить после снегопадов, и было оно пустынным. Ни одной машины! Венька взобрался на дорожное полотно и покатил к деревянной автобусной будке с указателем «Сутробиха».

Вдруг носок его лыжи вспорол снежный бархан. Что-то красное отлетело на обочину.

Неужели сломал лыжу? Все-таки перепутал коробки с мазью. Воспользовался составом «для любителей заканчивать путешествие на лыжных обломках» — да?

Но носок лыжи не отвалился, хоть и поцарапался. А красное «что-то», улетевшее на обочину, оказалось газовой зажигалкой. Разовой.

Венька взял ее в варежку.

— Ка-ра-шо! — с акцентом сказала зажигалка. — Не по мой нрав три дня лежать в белый замерзший вода!

— Три дня в снегу! — понял Венька. — Да как же ты сюда попала?

— Я — потеря! — пояснила зажигалка. — Я — сокрушительный потеря у одного господин, который есть направляться в круиз вокруг света. Через ваш ужасный Сутробиха! Помогай догонять моего господин!

— Не получится! — честно предупредил Венька. — Дорогу снегом замело. Придется здесь зимовать. Ждать, пока твой господин обратно надумает.

— Ка-ра-шо! — с легкостью согласилась зажигалка. — Но я должна выдать важный предупреждение! Мне не может у вас нравиться. Я должна приводить все в соответствии с мой нором.

— Это как?

Зажигалка топталась на Венькиной варежке и озиралась вокруг.

— Я должна поджечь вон тот, и тот, и тот гора сухой травы, — зажигалка кивнула на стога сена у деревенских изб. — Мое сердце чует — это кара-шо горит! Когда будет много огонь — этот белый мерзлый вода растает. Возникнет трава... Из всякий дыра выползут обезьяны, залезут на цве-

тущий деревья. Все будет по мой нором!

— Сено жечь?! — ахнул Венька. — С ума сошла... Вместе с сеном сгорят и дома!

— Тебе жалко эти примитивный вигвам? — надменно спросила зажигалка.

Венька представил, как полыхает Сугробиха, как тает черный, в хлопьях сажи снег, как падают на землю угоревшие от дыма снегири — и ему стало не по себе.

Размахнулся — чтобы зашвырнуть зажигалку далеко-далеко в снежное поле. Но вовремя сообразил: сама в деревню приползет... Успела ведь рассмотреть с Венькиной ладони, где дома, где копны сена. Приползет — и устроит все по своему «норому». Снегов, конечно, не растопит, но Сугробиху уничтожит.

Венька сунул зажигалку в карман, съехал с крутого шоссе и пошел к дому.

А иностранная путешественница, зажигалка-пу-

тешественница-нашественница, распорядилась из кармана:

— Когда исчезнет замерзший вода и все будет зеленый, ты должен снять свой одежда и ходить в одной набедренной повязка. Это очень привлечет туризм с сигарами. Важный мужчина с сигарами любят разный экзотик! О, как я обожаю сигары!.. Здесь везде должны быть мужчины с сигарами. Это в мой нором! Поэтому быстро надевай набедренный повязка!..

— А кольцо в нос? — хмуро спросил Венька. Он все никак не мог придумать, куда сбавить нашественницу.

— О, да! И кольцо в нос! Потрясающий экзотик!.. Это очень кара-шо... Все в мой нором! Твой нос украшает кольцо... Ты — в набедренной повязка!.. Ты прыгаешь, как обезьяна! Важный мужчич хохочут, курят трубка, бросают тебе много-много монет... Ты доволен?..

— Еще как! — сказал Венька и остановился возле колодца.

— Отчего ты прекратил делать шаги? Что рядом? Гора из сухой травы? — спросила зажигалка. — Мне требуется выходить из кармана и зажигать траву! О кей?..

— Траву мы зажжем попозже! — слукавил Венька. — Начнем с кольца!

Он снял варежки и тронул ледяную колодезную цепь. С «журавля» посыпался снег.

Лети, снежок, порхай, кружись!.. Никто тебя не тронет!

Венька отцепил ведро. Потом дужку. А потом и кольцо, которым дужка крепилась к цепи. К счастью, оно оказалось не сплошным, незапаянным.

Собравшись с силами, Венька увеличил зазор в кольце. И достал зажигалку.

— Давай помогай! — сказал он. — Надо раскалить кольцо добела! Иначе в нос не вставить...

Зажигалка зашипела, вспыхнула голубоватым пламенем — гляньте на нее, прямо паяльная лампа!

Кольцо стало потихоньку нагреваться. «Только бы не выронить! — подумал Венька. — Только бы удержаться!..»

Сквозь шипение газа и потрескивание огня до него доносились отдельные возгласы иностранки:

— Здесь... ш-ш-ш!.. туристы приобретут... ш-ш-ш!.. уникальный экзотик-центр! ш-ш-ш!.. Кольцо в нос — остальным аборигенам... ш-ш-ш! Мани, мани... ш-ш-ш!

Кольцо становилось горячее и горячее, а зажигательная речь иностранки, наоборот, остывала:

— Пш-ш!.. пальмы... пш-ш!.. сигары... .. игары... ик! — гары...

«Выдержать! — приказал себе Венька. — Не ронять кольца! Потёрпите, пальцы!.. Еще чуточку! Мы ей покажем — кольцо в нос!»

Пламя зажигалки вдруг покраснело, задьмило, обожгло и без того измученные Венькины пальцы. И — погасло!

— Ик! — сказала напоследок зажигалка и смолкла. Навсегда... Что с нее взять, с разовой? Даже кольца как следует не накалила. А туда же — сугробы растопить взялась, сунулась Сугробику переделать на свой норов.

Прикинула бы вначале, несчастная, хватит ли газу...

Венька положил обожженные пальцы на заснеженный сруб. Снежинки ласково покалывали кожу — боль снять пытаются, да?

Он запрокинул голову к небу. Оттуда, словно по вызову военной радиации, валил напористый десант снежных хлопьев. Десантная подмога кружилась над землей грозно и безмолвно, занимала оборонительные позиции: на «журавле», в каждом колечке колодезной цепи, на донце ведра и даже на Венькиных бровях...

— Отбой! — сказал Венька. — В Сугробице по-прежнему все спокойно и мирно. Да утомонитесь вы! Не хвататься же мне завтра за новую лыжную мазь? «Для дороги сквозь ревущую пургу, рассвирепевшую по совершенно пустяковому поводу!» У меня и позабавнее маршрутов навалом.

Укол-Уколовна, школьный врач, развешивала на бельевой веревке свой белоснежный халат, шапочку и марлевые повязки.

Каждому ясно, что это значит...

Халат подсохнет. Укол-Уколовна его хорошенько прогладит. Натянет на себя. И всем объявит: « Попрошу в мой кабинет! Пора ставить новые прививки!»

Ух, невесело!..

Венька привстал со своей парты и стал наблюдать за Уколовной. Может, она от скуки постирушку затеяла?

Да нет... Какая же весной скука? Солнце брызжет. Птицы гомонят. Сосульки — даже с бельевой веревки свисают...

Веньке бы радоваться — да вот прививка...

Вдруг в спину Веньке как кольнет что-то! Прямо под лопатку!

Венька охнул. Резко развернулся.

Позади него сидела Валька и как ни в чем не бывало решала задачу, уткнувшись в тетрадь.

— Чего пристаешь? — спросил Венька. — Уколовну из себя изображаешь, да?

Валька долго и печально посмотрела на Веньку, повертела пальцем у виска и снова склонилась к учебнику.

А над Венькиным ухом зазвенел чей-то голос, комариного писка подобие:

— Это не Валька... Это я вместо Укол-Уколовны... Хи-хи-хи!

Заозирался Венька, но никого не увидел. А невидимка заговорил снова. Только над другим ухом:

— Придется мне взяться за тебя по-настоящему, Венька-дребеденька!

Венька обиделся на невидимого болтунишку.

— Ты что обзываешься? Какой я тебе Дребеденька?

— Самый обыкновенный! Чем твоя голова забита? Проектами снежных плотин! Чертежами самострелов да рогаток! А где настоящие мысли?

— Какие — настоящие?

— А вот такие, — откликнулся невидимка. — Любовь — солома, сердце — жар, одна минута — и пожар! Любовь — не картошка, не выбросишь в окошко! Любовь — это бурное море, любовь — это...

Венька фыркнул. И тут же схлопотал новый укол под лопатку, больнее прежнего.

— Да подожди ты... — разволновался Венька. — Хватит меня жалить! Лучше объясни, почему «любовь — не картошка» важнее снежной плотины?

— Потому что любовь всегда важнее... — весело заявил невидимка. — Пока ты этого не поймешь, я буду обзывать тебя Дребеденькой и... хи-хи! — делать тебе прививочки. От всякой дребедени.

Острая игла снова впилась в Веньку. На этот раз — в плечо.

Венька хватанул ладонью воздух, но никого не поймал.

— Веня! — строго сказала Валентина Павловна. — Ты что руками размахался? Кого ловишь?

— Я откуда знаю... — буркнул про себя Венька и раскрыл учебник. Он решил не обращать внимания на приставучего невидимку.

Не тут-то было!

Невидимка царапнул чем-то Венькину шею и, хихикая, предложил:

— Венька-дребеденька, загляни-ка на девятую страницу учебника! Там тебя та-акое ждет!..

Между восьмой и девятой страницами лежал совершенно чистый клочок бумаги. Во многих местах он был проколот.

Венька вертел клоч бумаги и так и сяк. Нако-

нец, приладил его к окну. Через проколотые дырки полился солнечный свет. И стало ясно: то записка. Печатные буквы не ручкой выведены, а чем-то проткнуты!

Венька стал разбирать надпись и вскоре прочитал: «Веня! Ты мне нравишься! Незнакомка.»

— Невидимка... Незнакомка... С ума сойти можно! — сказал Венька. — Столько всего в один день свалилось!

Невидимка невозмутимо откликнулся:

— Записка, допустим, не сегодня свалилась. Она уже три дня в твоей книжке лежит. Просто ты ее не замечаешь, голова-то другим забита. Незнакомка третий день страдает, а нашему Дребеденьке хоть бы хны. Он, видите ли, думает, как лучше перегородить весенний ручей. Он

размышляет о шлюзах на снежной плотине. Да тебя лечить и лечить надо!

Венька торопливо нагнулся и прикрыл шею рукой. И вовремя! Что-то острое со свистом разрезало воздух.

— Все! Хватит! — возмутился Венька. — Ты просто террорист!

— Не террорист! — откликнулся невидимка. — Я доверенное лицо той самой «незнакомки».

— Ах, так?!.. Тогда слушай, доверенное лицо! Еще раз меня кольнешь — читаю записку вслух.

— Ну и что? — хмыкнуло «доверенное лицо».

— А то... Все засмеются. Кроме одной девочки. Той, что написала записку. Той, что послала тебя ко мне. Вот кому не до смеха будет, когда тайна раскроется!

«Доверенное лицо» замолчало. Потом растерянно пробормотало:

— Потрясающее благородство! Читать вслух любовную записку! А впрочем... Что ждать от су-

харя, чья голова забита одной дребеденью?! Прощай, Дребеденька! Прощай, сухарик! Любовная ноша оказалась не по твоим плечам...

Невидимка исчез.

Веньке бы радоваться... Только никакой радости он в себе не находил.

«А вдруг это Валькина записка?» — подумал Венька. И ему стало совсем невмоготу.

Тут распахнулись двери и в класс заглянула Укол-Уколовна в отглаженном халате.

— Кому из вас невмоготу учиться? — спросила она.

— Мне! — честно признался Венька.

— Тогда пойдем. Поможешь. С собой возьми кого-нибудь. Там много работы.

Венька оглядел притихший класс и негромко позвал:

— Валька... Пойдем Уколовне помогать! Вдруг там девчачьи руки понадобятся!

— Еще как понадобятся! — засмеялась Укол-Уколовна.

А Валька поморщилась. Но учебник захлопнула. И пошла с Венькой.

Медицинский кабинет в сугробихинской школе — неповторим. Имеются здесь, конечно, белые простыни, серебристые инструменты. Пахнет, конечно, и лекарствами... Но сильнее всего пахнет мандаринами. И в глаза мандариновые плоды бросаются раньше, чем всякие щипцы да шприцы...

Мандарины выращивает Укол-Уколовна. Она где-то раздобыла саженцы комнатных деревьев — и теперь мандарины заволокли весь медицинский кабинет. Они растут в картонных банках из-под аспирина, в серебристых стерилизаторах, в пластмассовых ведерках. А несколько карликовых деревьев Уколовна пристроила в ночные вазы.

Кабинет кажется конопатым от ярких оранжевых плодов.

— Вот, созрели... — сказала Уколовна. — Пора собирать урожай! Весна — дело нешуточное... Недостаток витаминов!.. А без витаминов и заболеть недолго. Берите корзинки и — за работу!

Уколовна засучила рукава халата, приставила к шкафу лестницу и направилась вверх, туда, где мандариновые деревца просто изнемогали под тяжестью плодов.

Венька запрокинул голову и спросил:

— А прививок, значит, не будет?

— Не будет, — успокоила Уколовна. — Сегодня по оздоровительному плану витаминный день.

Венька радостно подмигнул Вале. И они тоже стали собирать мандарины. Сначала — молча. Потом Валя поинтересовалась:

— Вень, ты придумал, из чего шлюзы для плотины сделать?

Венька от такого вопроса почему-то покраснел. Понюхал мандаринку (на блестящей фруктовой коже отразились его веснушки). А потом сказал:

— Не-а... Не придумал. И не буду! Хватит всякой дребеденью заниматься!

— Вот тебе раз!.. — ахнула Валька. — Это плотина-то дребедень? Да без плотины в Сугробихе такой цирк начнется! Весенние ручьи бестолковые... Их же дрессировать надо. Там плотину поставить, здесь... Тогда ручьи поумнеют. Превратятся в каналы. Совсем как в далеком городе Венеция. И будет сугробихинская весна организована и бестолкова. А ты «дредендь» говоришь...

Венька спрятал лицо за мандариновую ветку и проговорил:

— Незнакомая какая-то ты стала, Валька... Про Венецию откуда-то знаешь... Словам всяким умным научилась... Дразниться перестала. Помнишь, как ты меня в начале года обзывала? Веник! А еще: Веник-Вареник! Или забыла?

— Нет, — ответила Валька, — не забыла. И дразниться не перестала. Только я тебя теперь не вслух обзываю, а про себя.

— И как? — замер Венька. — Дребеденькой, да?

— И близко не похоже... — замотала головой Валька. — Я называю тебя Венятамином. От слов «Веня» и «витамин». На тебя посмотришь — и становится... ну, не то, чтобы приятно, а весело. Будто витаминку проглотил. Да и рыжий ты. Как мандариновое «лекарство».

... С рыжими мандаринами в корзинках шли Венька и Валя по школьному коридору. Приглушенно скрипели под ногами половицы. А за окнами смеркался мартовский день. И синел, синел... Синим серебром сосулес были убраны рамы окон. Синие тени деревьев разрисовали голубеющий снег. А одна из теней — почти фиолетовая — вдруг дернулась и плавно поплыла по осевшему сугробу: это снялся с ветки невидимый из окна грач и важно закружил над сугробихинской школой.

Неожиданно Валька остановилась. Поставила корзины на пол. Откинула рукой челку, сбившуюся на лицо.

— Волосы в глаза лезут, — сказала. — Невидимку сегодня потеряла.

Венька чуть не рассыпал мандарины.

— Невидимку? Какого невидимку? — спросил он. Валька рассмеялась.

— Чего ты придуриваешься? Не какого невидимку, а какую... Обыкновенную! Заколку-невидим-

ку. Наверное, где-то под партой валяется. Выскользнула из волос, а я и не заметила.

«Зато я заметил...» — хотел сказать Венька, но раздумал. Нащупал пальцем царапину на шее и нежно произнес:

— А здорово, что заколки-невидимки такие мудрые!

Валька покрутила пальцем у виска.

— Может, тебя обратно к Уколовне отвести? Невидимки могут быть красивыми и некрасивыми, удобными или неудобными. Потерявшимися могут быть... А мудрыми?

— Могут! — отчеканил Венька. — Весною и не то еще случается!

Когда случился переполох, оставшийся в истории Сугробихи под названием «прищепочного», Веньки в деревне не было. Он находился в ольховой роще. У каменной плиты, по которой весело, с перепада на перепад, бежит родник.

Венька принес к ручью блок переводных картинок «Копыта и лапы».

Картинки подарила библиотекарь Ксюша. С напутствием: «Переведи их, Венечка, в альбом. Изучай! Хорошим следопытом станешь! Здесь следы разных-разных животных. Вот — тигр... Вот отпечатки слона... Все запомнишь — и в Африке своим человеком будешь!»

Вместо альбома Венька надумал перевести «Копыта и лапы» на камни у родника. Макнет картинку в воду, приложит к шершавой поверхности, сдвинет — и готов медвежий след. Потом второй, третий... Издалека глянуть — следы от настоящих не отличаются! Будто и впрямь хозяин тайги здесь побывал. Воду лакал...

К полудню скромный родничок превратился во вселенский водопой. Во все стороны разбежались от него и прятались в ольховой поросли звериные тропинки: зайчи, верблюжьи, рысьи, волчьи...

Из всего набора остались у Веньки лишь следы динозавра. Хотел он и их к камню прищлепнуть...

Но тут!

В кустах, куда убежали когтистые отпечатки

рысьих лап, что-то хрустнуло! Шелкнули чьи-то зубы...

Сугробихинский следопыт — бегом домой! Не то, чтобы струсил... Но почему-то сразу вспомнил: мама просила натаскать воды для стирки!

Прибежал он в Сугробиху, а мама ему — отбой!

— Не будет, — говорит, — стирки! Зря торопился!

— Почему не будет?

— А прищепки пропали! — отвечает мама. — Все до одной! Будто корова языком слизнула.

— Так ветра нету! Без прищепок сегодня обойдешься! Никуда твое белье не улетит.

— Эх, Венька, — вздохнула мама, — разве в ветрах дело? Стирка отменяется, потому что у меня руки опустились. Ведь прищепки не могли с веревки спрыгнуть...

Венька оглянулся на бельевую веревку. Да, пожалуй, сами не могли... Высоковато! Хотя, если доплзти до столба...

— Во всей Сугробихе переполох, — снова вздохнула мама. — Никогда такого не было, чтобы вещи исчезали! Сейчас все соседи наши прищепки ищут. Не найдем, говорят, на всю Сугробиху позор! Антон Овесыч предложил вызвать из города десять розыскных собак. Еле я отговорила!

— Пусть бы погостили, — сказал Венька про городских собак. А про прищепки добавил: — Они все могли! Могли и сами уйти! Да еще и соседских могли подговорить...

— Почему?!

— Потому что я на них уже неделю смотрю! — сказал Венька значительно.

Мама долго думала, о чем спросить сына, но вопрос не сложился. Венька сам поделился наблюдениями:

— Наши прищепки, мам, драпанули от нас, потому что они устали. Каждый день — стирка, стирка... Им ведь тоже нужно передохнуть.

— Это я понимаю! — мама оживилась. — Если каждый день одно и то же — стиральная машина, газовая плита, уют — откуда уютно сбежишь!.. Но как же они собираются отдыхать?

Здесь Венька был знаток!

— Вещи, мам, любят отдыхать, занимаясь посторонними делами. Устала кофемолка с зернами возиться — она превращается в карусель для оловянных солдатиков. Утюги любят в туристов играть. Разведут маленький костерок в пепельнице — и часами возле него греются. Утюгам хорошо, и пепельницам отдых... Серп для травы объединяется с гвоздями — и айда на стенку сарая. У них там такой планетарий!.. Всю ночь могут изображать звезды и месяц.

— Ну, а прищепки что предпочитают? — спросила мама.

Этого Венька не знал. Но пообещал разобраться и вернуть беглецов домой.

Он отправился обратно в ольховую рощу, к ручью. Слишком подозрительным показался ему лягз зубов в ольховых дебрях! Деревянным каким-то...

... Беглецов Венька нашел быстро.

Прищепки суетились на укромной поляне. Стаскивали в кучу хворост, сухие травинки.

Венька встал на четвереньки и высунул голову из кустов иван-чая. Лиловые цветы мешали обзору. Венька стал подползать ближе. Захрустели под коленками сухие сережки ольхи.

— Тревога! — вдруг завопила одна из прищепок. — Всем в укрытие!

Прищепки быстро, без паники стали скрываться внутри кучи, которую они сооружали.

Только тут Венька увидел, что куча — это термитник. Или муравейник, сооруженный по всем правилам насекомовских инстинктов. А лучшее название для постройки было бы таким: ПРИЩЕПОЧНИК... Ведь прищепки соорудили его для себя!

Венька подошел к прищепочнику. Умело возведено, не придерешься... Аккуратные входы и выходы. Галереи, расположенные друг над другом. Какие-то балкончики и бойницы...

Венька постучал травинкой по крохотной деревянной колонне, поддерживающей одну из галерей.

— Эй, чего вы от меня попрытались?

Из глубины прищепочника вразной раздались грозные голоса:

— Прочь отсюда! Иди своей дорогой! А на наш дом наступишь — хлопот не оберешься! Мы все продумали... Нашу крышу поддерживают не столбы, а острые колючки! Наступишь — лапу пропорешь! А раненный, ты далеко не уползешь! Мы тебя копытами добьем! Уходи подобру-поздорову!

Веньке стало не по себе. На всякий случай он посмотрел на свои ноги и сказал:

— Я в кроссовках! Не страшны мне колючки! Подошва у кроссовок — ого-го какая прочная!

В прищепочнике наступила тишина. А потом там раздался вой и хохот.

— Ой, не могу! Ой, не дайте задохнуться от смеха! Что, что он сказал?.. — перебивали друг друга прищепки. — Он сказал, что ходит в кроссовках!.. А про шорты? Про шорты он ничего не говорил?! Ой, уморил!.. Тигра — в кроссовках!.. Может, он еще и в галстукее?..

— Да не тигра я, — сказал Венька. — Я Венька. Из Сугробихи.

В прищепочнике зашептались. Потом суровый голос произнес:

— Вот что, зверина-обраина! Не дури нам головы! Никакой ты не Венька! Венька к водопою не ходит. Если ему надо напиться, он идет к колодцу. А сюда ходят тигры, волки да слоны... Но мы их не боимся! У нас такая крепость, что ни одному зверю не по зубам! Иди в свое логово и больше никогда не прикидывайся Венькой! Много вас таких, кто Венькой хотел бы стать!..

Венька сел в траву. По тропинкам ползали муравьи. И несколько его не боялись. Знают, что никакой он не тигр! А вот прищепки, родные прищепки!.. Обещают добить копыями!.. Эх!

Венька сидел и горевал. Ждал, вдруг кто выглянет из прищепочника. Убедится, что тигра нет и в помине...

Но крепость держала глухую оборону.

Тогда Венька сказал:

— А Венькина мама, между прочим, сегодня стирку затеяла. Разве тигр об этом может знать? Разве может он знать, к примеру, что в доме кончился порошок, и мама заняла пачку «Лотоса» у соседки?

— А кто об этом может знать? — раздалось из прищепочника.

Голос был уже не так воинственен.

— Только Венька! — сказал Венька.

Прищепки — слышно было — совещаются о чем-то бурным шепотом. Потом одна из них объявила:

— Мы покидаем крепость. Но если ты все-таки тигр — прощайся с жизнью!..

Венька быстро стащил с себя майку. Она у него в черно-желтую полоску, совсем как тигриная шкура. Спрятал...

Прищепки вышли из крепости боевым клином. Каждая была вооружена острой щепкой.

Деревянное воинство застыло перед Венькой. Прищепки внимательно разглядывали его. Потом самая главная сказала:

— Здесь опасности нету! Но из строя не выходить! Звери где-то поблизости! Вон сколько следов!..

— Да мои это следы! — воскликнул Венька.

Прищепки захохотали. Ну и дисциплина у них в строю!

Венька вынул из кармана переводку с лапой динозавра. Макнул в ручей и отпечатал на камне.

— Вот! Хорошее доказательство? А теперь идемте домой! Там все в панике. Думают, что вас похитили.

Но прищепки не собирались возвращаться в Сугробиху.

— Стирка да стирка каждый день, — сказала главная. — Нам мыльные пузыри по ночам снятся! Возвращайся, Венька, один, а мы завтра придем. Как наиграемся.

— Может, вместе поиграем? По-быстренькому!

— «По-быстренькому» не получится, — хмуро сказала главная прищепка. — Мы, Венька, в амазонок играем.

— В амазонок? Это что за амазонки?

Прищепки переглянулись. А главная пояснила:

— Это племя воинственных женщин. Которые прекрасно стреляют из лука. Которые владеют мечом. Которые берут в плен мужчин и убивают мальчиков. Боюсь, Веня, для тебя игра в амазонок может плохо кончиться.

Венька торопливо предложил поиграть во что-нибудь другое. Например, в индейцев.

— А бледнолицым будешь? — спросили его.

Венька посмотрел на острые копы и без промедления отказался. Тогда боевой клин прищепок

развернулся и замаршировал к своей крепости.

Прищепочник, освещенный перекрестными солнечными лучами, издали был похож на маленький цирк-шапито. Так и хочется туда заглянуть. Посмотреть на крохотных клоунов, жонглеров, акробатов. Съесть в крохотный перерыв мороженое. А потом снова любоваться крохотными дрессировщиками, эквилибристами... Крошечной девочкой-канатоходцем в оранжевом платье.

— Э-эй! — закричал вдруг Венька, сам до конца не понимая, к чему клонит. — Э-эй! Беспощадные амазонки! Кто из вас хочет оранжевое платье?

Прищепки сбились с шага. Заглядывались. И тут — строй распался.

— Мне! Мне!.. Мне оранжевое платье! — завопили недавние амазонки.

Девочки — они и в прищепочнике девочки!

Венька поманил визгливую, прыгучую ораву к ручью. Воссел на камень. Прищепки теребили его

за шнурки, за штанины, одна даже до уха добра-лась.

— А мне? А мне? А мне оранжевое платье?

— Оранжевые платья будут у всех! — пообещал Венька. — Да тише вы, болтушки! В Сугробихе слышно! Из-за вас никакого сюрприза не получится.

Прищепки затихли. О каком это сюрпризе сказал Венька? Для кого сюрприз? Для тех, кто затеял сегодня стирку? В чем сюрприз? В том, чтобы бросить отдых и вернуться на бельевую веревку?

Ку-упил...Оранжевым платьем купил...

Ну, Венька! Совсем забыл, что имеет дело не с кем-нибудь, а с грозными амазонками!

Но Венька успокоил девочек:

— Будет вам отдых! Даже двойной! И сами отдохнете, и других в это втянете! А от двойного отдыха и удовольствие двойное! Сейчас я вас научу, как отдыхать и для себя, и для других.

В ожидании двойного удовольствия прищепки совсем разволновались. А Венька расставил их по звериным тропам. Одну — на медвежью тропу. Другую — на оленью... Главной прищепке достались еще мокрые следы динозавра.

И репетиция «двойного отдыха» началась.

— Перевоплощаемся! Перевоплощаемся! — покрикивал Венька. — Ты на чьих следах стоишь? На коровьих? Значит будешь коровой! Двинешься по тропинке — ноги расставляй в сторону, будто вымя мешает, шагай неторопливо, высматривай по сторонам траву... И остальные свой след почувствуйте! Давай, пошли!.. У каждого зверя — свой шаг, своя походка, свой характер. Выразительнее, выразительнее! Это вам не в прищепочнике отсиживаться!

Бывшие амазонки запрыгали, заскакали, тяжело затопали по каменным плитам.

... Когда опоясал Сугробиху яркий закат, Венька стоял в зарослях полыни возле бельевой веревки.

Опершись на ограду, на него смотрели отец с матерью, соседки, подслеповатый Овесыч.

— Что к чему, сами поймете, — смущенно сказал Венька. — Уж если вещам нужна передышка — то всем вам и подавно. Хоть один вечер без стирок, без гладильных досок, без верстаков и рубан-

ков! Давайте отдыхайте! А у меня для вас — ЗВЕРИ НА КАНАТЕ!

Венька подмигнул первой прищепке, и тогда на канат вступил слон. Он медленно шел по веревке. Над полынью. Над березовым чурбаком. Над стиральным тазиком. Пролетевшая мимо муха чуть не столкнула его с каната. Все ахнули. Но слон вернулся себе равновесие. И весело протрубил победу.

Потом выпрыгнул зайчишка, сразу на середине каната. Испуганно прижался к веревке. Замер.

— Ой, — тихо сказала мама. — Думала, бельяки меняют свою шубку два раза в год, зимой и летом. А оказывается, они ее и под солнечные закаты принаравливают. Гляньте, какие пятнышки на зайчишке: золотистые, багряные, бордовые...

Белячок, чувствуя, что его рассматривают, не топился с каната. Нежился в отсветах заката.

Потом прошел тигр... Прошлепала простоватая овечка... Играя коленями, проскакал олененок... Показал свою невиданную походку динозавр...

Когда шествие закончилось, Овесыч смахнул слезу.

— Эх, Простушку бы еще сюда! Без отдыха кобыла трудится!

Венька не очень понял, куда это «сюда». К зрителям или на бельевую веревку?

Впрочем, бельевая веревка вновь была занята. С разных сторон, сверху, снизу — уж не жаркие ли брызги фейерверка? — посыпались на канат крохотные девочки в оранжевых платьях.

Они вращались вокруг каната на руках и на подколенках. Раскачивались из стороны в сторону. Делали «шпагаты» и сальто.

Последние лучи солнца угасали, а оранжевый вихрь из девчоночьих платьиц становился ярче и языкастее. Вот что значит — двойное удовольствие!

— Эх, мою старуху бы сюда! — снова всхлипнул Овесыч. — Не так уж часто она от своего корыта разгибается!

Отец, увидел Венька, смущенно приобнял маму. И Венька понял, что представление придется повторять. Для всей Сугробихи. В следующий же прищепочный выходной.

Вот переполоху в деревне будет!

Юрий СУХОВ

СКАЗКА ПРО ИВАНА УМНОГО

В некотором царстве, в некотором государстве, примерно в таком, где нынче мы живем, коротали свой век муж с женой. И был у них сын Иван. Такой славный да пригожий — прямо картинка. Глаза — синь вода, волос — кольцо на кольце, и на щеках ямочки. Уж так они его любили — краше всех наряжали, слаще всех кормили.

Как подрос Иван, стал его отец к делу приучать. Дал в руки лопатку, велел вскопать грядку. А лопата в руках у Ивана крутится, о гальки, камушки тупится. Так-то ему копать неохота.

— Не по мне эта работа! Не вижу в ней творческого полета.

Подивился отец на такие слова, подал Ивану топор — дров наколоть. Иван раз — тюк, другой раз — ток, топор выпал из рук. Плюнул Иван на поленья:

— Нет в этом деле умственного паренья!

Смутился отец, в затылке почесал: вот как непонятно сын говорит. Решил еще раз испробовать, подал косу. А трава у Ивана не косится, на граблях, вилах не носится. Лег Иван посередине угора:

— Нет для души моей здесь простора!

Затужили отец с матерью:

— Все-то у тебя, Ваня, из рук валится. Как дальше жить станешь?

— Дайте мне ночь подумать, наутро скажу.

— Ну ладно, подумай. Утро вечера мудренее.

Ночью приснился Ивану сон. Будто выскочила из печной трубы старушка-домовушка, вытерла нос от сажи, села у изголовья и загорюнилась:

— Ох ты, Ваня, Ваня, непутевая голова. Чем бы тебе пособить? Дам-ко я тебе, Иван, редкостный талант. Коли на доброе дело направишь да с умом распорядишься — большим человеком станешь. Но пуще всего остерегайся, чтобы кто тебя дураком не назвал — большую беду накличешь. Через семь дней, на но-

волуние, поезжай в заморские страны, найди семь думных гор, поднимись на самую высокую, поклонись по три раза на четыре стороны — и откроется тебе палата мудрости. Семь лет проведи в ней, и в том будет твое богатство.

Встал наутро Иван, передал отцу с матерью, что наказала бабка-домовушка.

— Хорошее дело, — согласился отец. — Никого у нас в роду не было, кто бы всемирную мудрость превзошел. Видно, тебе судьбой назначено. Поезжай.

Приехал Иван в заморские страны и видит — синеют на краю неба семь думных гор. Он и пошел к ним. С утра до вечера шел, истомился весь. И горы уже — рукой подать, но присел отдохнуть под синим дубом. Вдруг откуда-то сорвался желудь, Иван хотел было его забросить, да залюбовался неволью, такой был тот переливчатый. Сунул Иван желудь в карман и зашагал в гору, даже не подозревая, что посадил в карман бесенка-проказника.

Поднялся Иван на самую высокую гору, все сделал, как наказывала бабка-домовушка, и раскрылась перед ним гора — вход в палату мудрости. Зал в ней видимо-невидимо. Ходит Иван по залам

и не знает, что выбрать. Тут тебе премудрость гор, тут — лесов, тут — морей, тут — слов, а тут — чисел. Ходит и не знает, что бесенок чинит свое дело. Прыгнул он Ивану на плечо и давай нашептывать:

— Направо иди, направо иди, — и привел Ивана в крайнюю правую залу.

«А здесь что?» — подумал Иван. И бесенок ему вышним голосом возвестил:

— Здесь все великие теории. Если освоишь — станешь самым мудрым на земле.

И стал Иван осваивать теории. Семь лет не выходил из палаты, на восьмой домой вернулся.

Рисунки Светланы МАЛЫШЕВОЙ

— Ну как, Ваня, побывал в палате мудрости? — спросили отец с матерью. — Чему научился?

— Я все теории постиг!

Прозвали Ивана умным, назначили наместником. Стал он крестьян уму-разуму учить, советы давать, как сперва зерно сеять, а потом землю пахать, как сперва сучки обрубать, а потом дерево валить, как сперва тулуп шить, а потом барана резать. Да все по-книжному, по-научному. И мало бы только советовал, прижимом заставлял: ослушников — под розги, а то и на каторгу!

Изумлялись люди: что за науки такие заграничные? Но вслух говорить не решались. Не помилует Иван.

Приехал он как-то на поле и давай учить баб грабли сушить: надо, мол, их не в стога втыкать, а класть на травку кверху зубьями, чтобы зубья те ветром обдувало и они не портились. Слушали его бабы, слушали, а одна возьми да скажи:

— Ох, Иван, много ты, говорят, книг прочитал, а все ума не нажил.

Испугался Иван, отшатнулся да и наступил на грабли. Как треснут они Ивана по лбу, так у него всю память отшибло. Даже как отца с матерью звать — вспомнить не мог. Пришлось его заново делу обучать. И кое-как обучили. Капусту от гусей сторожить.

Надел Иван старый кафтан, в котором из заморских стран вернулся, и пошел к реке, где гуси плавали. Сел на берег и давай камешки в воду кидать.

Выкатился желудь из кармана и попал под руку. Чуть было не выкинул его Иван, да залюбовался. Такой он был переливчатый. Вдруг обернулся желудь бесенком-проказником.

— Не тужи, Иван, — говорит бесенок, — мы свое возьмем. Не торопись только.

Скоро сказка сказывается, а время куда тише идет. Не один годок минул, как стала голова у Ивана помалу проясняться. Видать, крепко увязлива была заграничная премудрость.

Сторожит Иван капусту в тенечке под кустом. Делать ему больше нечего, потому как гусь — птица степенная, не козел,

не заяц какой, чтобы на капусту зариться. Весь день гуси на реке га-га-га да га-га-га.

Слушает их Иван, слушает и чувствует, как что-то начинает в душе подмывать, как разжигает его странное желание встать куда повыше и говорить. И до того допекло, что взобрался он однажды на валун — поблизости находился — и начал говорить. О чем, сам не помнил, но говорил до самого заката, не евши, не пивши. А как солнце упало за лес, тут у Ивана словно язык отнялся. Опомнился, позвал гусей с реки и погнал домой.

На другой день опять то же. И чем дальше — тем больше. С пониманием, с чувством начал говорить. До такой складности дошел, что речь хоть сразу в книгу заноси, а то и к министру в доклад.

Шли как-то мимо мужики на покос, остановились послушать Ивана, да так и сдвинуться с места не могли. До того речь завлекательная, медовая прямо — все о вольности, благоденствии народном, о любви всеобщей и братстве.

И стали мужикам мниться розовые горы в золотом озарении, на душе у каждого вскипела волна радости, подперло заорать «Ура!» и бежать, задрав штаны от восторга, неведомо куда и за кем.

Вот такая штука приключилась. Повадились они, что ни день, Ивановы речи слушать. А луга стоят не кошены, сена не наготовлены. Видит сельский голова непорядок, а что к чему — в толк не возьмет. Отправился он вместе с мужиками на луг да и выстоял около Ивана весь день. И взяла его большая дума:

ну как еще и бабы ульшат эти речи да работать перестанут — все в деревне с голоду помрут. Как-то избавляться надо от такой напасти.

Вот отправил он наутро мужиков в дальние луга другой дорогой, сам призвал молодцов покрепче, напоил их крепким вином, заткнул уши ватой и повел Ивана топить. Кто потом за дурака спросит. Упал да и захлебнулся. Дурак ведь. Только опоздал староста.

В ту пору проезжал мимо царь. Не то он инвентаризацию своих владений лично проводил, не то на царскую охоту в заповедные угодья добирался. Это нам не ведомо.

Сидел царь в карете и в окно на пристойные пейзажи любовался. Вдруг видит: стоит на камне мужик, руками разводит, рот разевает, а в глазах не то самоцветы горят, не то искры не гаснут.

Приказал царь генералу узнать, что за человек такой интересный, Пусть де он тотчас перед царские очи предстанет и пояснение даст.

Пошел генерал к Ивану, послушал да и забыл о царском наказе.

Послал следом царь первого министра:

— Пойди, узнай, что там с генералом, и того, с камня, ко мне немедленно на доклад!

Пошел первый министр к Ивану. Как слово услышал, так уши распустил, а как три услышал, так рот раззявил, а как пять услышал — так и замер истуканом.

Царю любопытно и досадно. И узнать хочется, и самому бежать конфузливо — самодержец как-никак. Начал он остальную челядь посылать: камергеров, фрейлин, писарей, ловчих, поваров, наконец, последнего кучера отправил — никто не возвращается. Тут царя маленько страх взял: может, колдун на камне, сила нечистая? Пролепетал он молитву скоренько, крест положил — как стоял Иван, так и стоит. Что делать? Уже солнышко садится. Не в поле же ночевать. И есть хочется.

Выбрался царь из кареты, полы царского кафтана подобрал и направился к Ивану, весь рассерженный. Но как услышал речь, так и забыл, за чем пришел. До того она сердце обласкала, что невольно уронил пресветлый слезу умиления.

Тут как раз солнце закатилось. Иван умолк, в себя пришел. Как увидел, кто вокруг собрался, от страха затрясся весь. А придворные разом в ладоши захлопали, загалдели, к Ивану кинулись восторг свой прикосновением выразить. И царь сзади напирает, за подолы, за камзолы тянет.

— Пустите! — кричит. — Дайте мне обнять его!

Да где там! Голос у царя тоненький был, неубедительный. Не расслышали его в общем гаме и визге. Каждый к Ивану тянется, чтобы хоть рукой дотронуться.

— Соловей ты наш драгоценный! Златословец невиданный!

В сумятице этой генералу здорово бока намяли, из круга вытолкали. Он тут и увидел царя, да как гаркнет по-генеральски:

— Брысь, канальи! Пресветлый царь пожаловал!

Все разом расступились, фрейлины в книксенах припали. А Иван прямо с камня царю в ноги бухнулся.

— Прости, царь-батюшка! Прости и помилуй! Не думал, не гадал — нечистый в раж вводит.

«Ах ты, копеечная душа, — подумал бесенок в кармане, — на меня еще и поклеп возводить? Ну, смотри у меня».

Царь велел Ивану подняться, начал расспрашивать ласково, какого он роду-племени и где так складно говорить выучился.

Иван все обстоятельно ответил, про страны заморские, про гору думную и палату в ней. Царь падок был на все заграничное. Так этому обрадовался и говорит:

— Велю тебе быть всегда при мне. Такой говорун вот как государству необходим. Тебя послушать, так и серый камушек пряником покажется. Назначаю тебя первым министром...

— У нас уже есть первый министр, царь-батюшка, — шепнул ему генерал. Царь бровью повел и головой кивнул.

— Назначаю тебя вторым первым министром по держанию государственных речей. Будешь у моего народа восторги словом вызывать. Эй, слуги! Принесите второму первому министру лучший кафтан из моих сундуков!

Иван тут же за камнем переоделся, лохмотья свои в кусты закинул, и пошли они с царем в обнимочку до кареты.

А староста с молодцами, что наблюдали из кустов, как все это увидели, так под берегом и пустились наутек, от греха подальше.

Поехал Иван на царскую службу. И только тронулась карета, выкатился радужный желудь из брошенного Иваном кафтана, обернулся бесенком.

— Ну, Иван, — промолвил бесенок, — уж этого я тебе совсем не прощу, — и только дымок в том месте пошел, растаял бесенок.

Поездил царь по

своим владеньям, пострелял гусей-лебедей, потешился с фрейлинами в золотом шатре и к первому заморозку вернулся к столице. А там в царское отсутствие бунт учинился. Ну, может, и не бунт — волнение только, но все равно царским расписанием не предусмотренное, и что с ним делать — неведомо. Армия с генералами турка воюют, городские от крику осипли и вместо «Рразойдись!!!» у них уже только не то «брысь», не то совсем несусветная мерзость выходит. А такое кто поймет? Таких и слов-то в языке нет.

Но всего хуже, что перед царским дворцом на площади горой навалили досок, бочек, ящиков — словом, всякого хлама. И во дворце одно окно пришлось фанеркой заколотить — кто-то камушком пулянул.

Вот царь и говорит:

— Давай, мил друг Ванюша, окажи ремесло, прояви усердие, умири народишко.

Иван и рад стараться. Языком чесать — не муку молотить, пот не прошибет. Вышел на балкон царский: в глазах искры, в словах медовый сироп. Как пошел шпарить про благоденствие да о том, что царь-батюшка ночей не спит, о народе думаючи, что разрывается его любящее сердце на части при виде горя чад своих, что уже пишет он грамоты полномочные во народное благо, — шум вокруг дворца начал стихать. А потом народ принялся и хлам разносить, площадь чистить.

Царь все это время из-за шторы в щелочку поглядывал: каков исход будет? Как увидел, что все обошлось, велел на площадь музыкантов высылать и тридцать бочек вина выкатить.

Тридцать три дня в столице царя славил.

Ну и зажил Иван во дворце! Как утро, ему три лакея кафтан, расшитый золотом, несут, а еще три — петуха жареного на серебряном блюде, штоф зелена вина и фрукт заморский. Умоют, оденут, чарочку поднесут, пойдет Иван по царским палатам гулять, речи говорить. Царедворцы ему в пояс кланяются, а фрейлины перед ним так и метут паркетные подолы, так и шуршат веерами, глазки закатывают, томно вздыхают.

Иван той словечко, другой — два, той к ручке приложится, другую за локоток ущипнет, а то и до талии коснется. Но как заговорит про дела сердечные — у дам жжение в груди и таяние в сердце, и обмороки приступом берут.

Только Иван как бы и не видит ничего. Поговорит с дамами и следует в министерию речи держать. Министры до речей тоже охочи были. Как соберутся да заведутся — чисто глухари на токовище. Кроме себя никого не слышат.

Понятно, и царь тут же на троне присутствует. Когда рукой знак согласия подаст, когда сам слово молвит.

А как Иван во дворце появился — речам конца краю не стало. С утра до ночи каждый день!

Говорили так-то, говорили и проглядели за разговорами, что в отечестве по селеньям мор начался, по полям — неурожаи, купцы заграничные наезжать перестали, и война с турком напавал пошла: одного генерала даже в плен взяли. Еще дошли вести, что по лесам глухим разбойники развелись, большие шайки собирают и на сам трон посягательство имеют.

Царь как узнал — за голову схватился, а где причина, не найдет. Все министры в министерии, все наместники на местах, а порядка нет!

— Надо тебе, Ваня, в народ поехать, — сказал царь второму первому министру и велел в путь собираться.

И поехал бы Иван умирять народ. И умирил бы, наверное. Да попался тут на глаза одной фрейлине желудь радужный...

Надо сказать, что между фрейлинами с первых же дней пошла из-за Ивана вражда. Каждая хотела заманить его в спальню да женить на себе. Очень уж завлекательно стать второй первой министершей. Только Иван какой-то непонятливый был. Вот пятой фрейлине словно кто-то подсказал. Подкараулила она Ивана, когда шел он от государя в путь-дорогу собираться, и говорит:

— Что-то я, Ваня, в одной книжной премудрости ничего понять не могу.

— Прошу прощенья, — отвечает Иван, — спешу по срочному заданию царя-батюшки. В отечестве неспокойно.

— Ах, Ваня, — вздохнула фрейлина, — я уже третью ночь не сплю, совсем эта премудрость меня замучала. А как ты уедешь, так мне, горемычной, сколько будет изводиться. Пожалей меня.

— Ну ладно, зайдем на минутку.

Обрадовалась фрейлина:

— Вот и хорошо! За минутку что с отечеством случится, а я хоть успокоюсь.

В уме же думает: «И за ночь оно, окаянное, не треснет! А я уж тебя, мил дружок, никуда не отпущу до утра».

Привела Ивана в спальню и спрашивает:

— А какая, Ваня, настоящая любовь бывает?

Иван принялся ей в теории объяснять.

— Я это, Ваня, слышала.

Он с другого захода начал ей объяснять.

— И это я, Ваня, слышала. Ты руками покажи.

Ну Иван и начал руками разводить... Смотрела она, смотрела да и говорит с досадой:

— Вроде бы умный ты, Ваня, а дурак дураком!

Как сказала это, так у Ивана язык отнялся, и глупость им овладела. Схватил он кочергу у камина, сел верхом да бегом из дворца. Только его и видели.

Испугалась фрейлина, озирается, хочет кого на помощь позвать. И слышит, на столике, где желудь лежал, кто-то тоненько рассмеялся, а в печной трубе — вздохнул жалостно.

Сергей ГЕОРГИЕВ

ЗОЛОТОЕ СЕРДЦЕ КЛЕМЕНТИНКИ

Пушечное ядро

У шевалье Кордемуа спросили, какие разрушения бывают в осажденной крепости от прямого попадания пушечного ядра.

Отважный шевалье ненадолго задумался.

— Представьте себе, что янычары по неосторожности открыли настежь ворота крепости, и в нее вошла принцесса Клементинка... — наконец начал объяснять он.

Чашечка чаю

Один знатный юноша, проникнувшись доверием к шевалье Кордемуа, спросил, правда ли, что принцесса Клементинка всех своих женихов обязательно угощает чашечкой горячего чаю.

— Конечно, — подтвердил учтивый шевалье Кордемуа. — Пока только на одного она опрокинула весь чайник сразу.

Кролики

Шевалье Кордемуа уговорил принцессу Клементинку поохотиться на кроликов. Принцесса с радостью отправилась в лес, но едва в кустах мелькнула первая длинноухая мордашка, отвела ружье:

— Ах, какие они миленькие!

В следующий миг принцесса нажала курок и выстрелила в воздух. С дерева свалились два лесных великана.

•Мухи

Старый король, внимательно вглядываясь в окружающее, обнаружил совершенно необъяснимую вещь. Едва какая-нибудь муха садилась на парадный портрет его дочери, принцессы Клементинки, вывешенный в тронном зале, она тут же падала замертво.

Поразмыслив, король приказал густо намазать портрет

Рисунки Александра ГРИФЕНШТЕЙНА

самым сильным ядом, чтобы подобная особенность имела пристойное объяснение.

Число

Старый король позвал к себе принцессу Клементинку для серьезного разговора.

— Доченька, ты уже большая, — издалека начал король. — И о замужестве подумать пора. Всего твоей руки просят две тысячи триста семнадцать принцев...

— В сущности, и выбора никакого нет, — огорчилась принцесса Клементинка.

Предупреждение

Путешествуя, старый король и принцесса Клементинка остановились в старинном родовом замке.

Поздно вечером, перед тем, как отойти ко сну, король поцеловал дочь и сказал:

— В замке полно привидений... Ты уж не обижай их, маленькая, хорошо?

Неудачное колдовство

Когда однажды старый король поссорился с местной колдуньей, та выдала момент и перед самым грандиозным балом превратила принцессу Клементинку в ужасную болотную жабу.

Ведьма торжествовала, а Клементинка, ставшая жабой, взяла пудру, румяна, китайскую тушь — и быстренько привела свое лицо в порядок. На балу никто ничего не заметил!

Точность

Когда старому королю принесли список обнов и безделушек, купленных принцессой Клементинкой, тот схватился за голову и воскликнул:

— О, мой бедный народ!

Принцесса Клементинка через плечо отца заглянула в список, быстро дописала туда два бантика, белый и в горошек, и поправила Короля:

— Не бедный! Теперь уже очень бедный народ!

Шпилька

Во дворец явился страшный колдун. Шепелявя и потрясая длинным кривым пальцем, колдун начал угрожать, обещая сделать короля бегемотом, а все золото превратить в картофельные очистки, фрейлин одеть в лохмотья и пустить по миру, коров лишить молока...

Через несколько мгновений колдун с воплями, не оглядываясь, удирал прочь.

— Он так долго и скучно все перечислял, — виновато прикусила губку принцесса Клементинка. — Я и пустила в ход одну только шпильку.

Туман

Королевская семья возвращалась с прогулки. Стоял чудный летний день, ярко светило солнце. Неожиданно все окрестности заволокло густым, непроглядным туманом.

— Что за дьявольщина? — высунулся из окна коляски шевалье Кордемуа. — Туман?! В полдень?! С чего бы это?!

— Какое несчастье, — всхлипнув, отвечала галантному шевалье принцесса Клементинка. — Моя пудра! Хотела слегка прихорошиться, приоткрыла пудреницу — и надо же, половину пудры ветром тут же во все стороны раздуло!

Бим-бом

Когда в тронной зале сломались чудесные старинные часы с боем, принцесса Клементинка быстро нашла выход. Она приказала всем придворным каждый час громко возвещать:

— Бим-бом! Бим-бом! Бим-бом!

Целый день верные слуги усердно выполняли свою нелегкую службу. Вечером старый король робко заметил принцессе:

— Ваше Высочество, мне жаль этих людей... Не чересчур ли суров удел: бим-бом, бим-бом?..

Принцесса Клементинка задумалась.

— Хорошо, — согласилась она. — После полуночи они могут говорить просто: ку-ку!

Любимица

Старый король хотел поиграть с любимой болонкой принцессы Клементинки, но собачонка пребольно цапнула его за палец.

— Ваше Высочество, — деликатно обратился король к принцессе. — Я хотел бы серьезно поговорить с Вами о Вашей любимице...

Принцесса Клементинка высоко подняла бровь.

— Ну, об этой, кучерявой и в рюшечках, — уточнил старый король.

— Не такая уж она у меня и любимица, — подбодрила короля принцесса Клементинка.

— Глуповата и вертлява, — осторожно начал прощупывать почву король.

— Как Вы добры, Ваше Величество! — фыркнула принцесса Клементинка. — Совершенно вздорное существо!

— Визглива и неряшлива, абсолютно невоспитанна, — воодушевляясь, начал перечислять король. — К тому же, я подозреваю, у нее есть блохи!..

— Как?! — в сильном возбуждении воскликнула принцесса Клементинка. — Моя старшая фрейлина... она еще и блохаستا?!

Пастушка

Принцесса Клементинка расшалилась, и старый король в шутку пригрозил выдать ее замуж за простого волюпаса.

Клементинка притихла, но через мгновение, потупясь, вымолвила:

— Я согласна, Ваше Величество.

Старый король онемел от неожиданности, а принцесса Клементинка объяснила свое решение так:

— Вряд ли из меня получится хорошая пастушка. Поэтому придется сделать из мужа короля.

Ошибка

Принцесса Клементинка собирала на поляне цветы, как вдруг лес страшно зашумел, и над вершинами деревьев, заслонив собой небо, в полный рост поднялся великан. Принцесса Клементинка отчаянно и пронзительно завизжала.

— Что же кричишь-то, Ваше Высочество? — удивился великан.

— Я ведь решила, что это мышка, — конфузливо призналась принцесса Клементинка.

Прятки

При дворе очень любили игру в прятки. Принцесса Клементинка водила, а шевалье Кордемуа так спрятался, что принцесса не могла отыскать его минут, наверное, пятнадцать.

— Ну и ладно, больно нужно! — махнула наконец рукой принцесса Клементинка. Шевалье Кордемуа просидел в своем укрытии тридцать четыре года и семь месяцев.

Стадо

Ко дворцу приплелась старая колдунья и, угрожая, обещала превратить всех придворных в стадо глупых баранов.

— Как, еще раз? — удивилась принцесса Клементинка.

Мать

Во дворце принимали высокого гостя.

— Король, — скромно представился шевалье принцессе Клементинке.

— Треф или бубен? — уточнила та.

Приданое

Иноземный королевич приехал сватать принцессу Клементинку, а в приданое просил половину королевства.

— Это такая обуза, молодой человек, — честно предупредил королевича старый король. — Несколько лет в стране неурожай, армия разбегается, чума бродит по деревням, казна пуста, пожары чередуются с наводнениями...

— Правильно, папочка! — одобрительно шепнула старому королю принцесса Клементинка. — Пока еще он как следует не узнал меня, лучше говорить с ним только о пустяках!

Стратегический резерв

На королевском военном совете шла речь о страшном великане, который в одиночку разогнал лучший полк гвардейцев, разворотил неприступную крепость и пустил на дно половину флота.

— Он мне нравится все больше и больше, — мечтательно заметила принцесса Клементинка. — Я готова задушить его в моих объятиях!

Перевод

В тронный зал вбежала бледная от ужаса старшая фрейлина.

— Ваше Высочество, ваша болонка только что заговорила со мной человеческим голосом! — запинаясь на каждом слове, едва сумела выговорить несчастная. — Она говорит на португальском языке!

— Значит нужно вызвать толмача, — решил старый король. — Пусть он переведет.

— Ни к чему, — нахмурилась принцесса Клементинка. — О чем можно разговаривать с моей старшей фрейлиной? Глупости какие-нибудь!

Страусиное перо

Шевалье Кордемуа увлеченно вспоминал о своем путешествии в Африку. Там он первым делом украсил шляпу страусиным пером и уже в таком виде продолжал путь.

— Поверите, толпы женщин провожали меня, —

скромно рассказывал шевалье Кордемуа. — Они шли молча, не сводя глаз...

— Страусихи? — уточнила принцесса Клементинка.

Воробей

Принцесса Клементинка с помощью придворного ментора изучала разновидности птиц. Их было так много, что скоро принцессе все надоело.

— Я утверждаю, что все птицы на свете — это обыкновенные воробьи, — заявила тогда ментору принцесса Клементинка.

— Да, Ваше Высочество, — не посмел возразить придворный ментор.

В это время в небе появился огромный орел. Не увидеть орла было просто невозможно.

— Ну и отъелся воробей, — покачала головой принцесса Клементинка.

Книга

В богатейшей дворцовой библиотеке принцесса Клементинка выбрала толстую книгу в голубом сафьяновом переплете и немедленно углубилась в чтение.

— Ваше Высочество! — воскликнул придворный ментор, застав принцессу за этим занятием. — Эта книга написана по-арабски, вы еще не знаете этого языка!

Принцесса Клементинка с досадой захлопнула фолиант:

— Опять все зря! А я уже половину прочитала!

Кошелек

На дороге карета принцессы Клементинки догнала бедно одетого юношу. Принцесса приказала кучеру остановиться.

— Принц, — сказала Клементинка, едва взглянув на путника.

— Да, Ваше Высочество! — пылко заговорил юный красавец. — Вы не поверите, но это действительно так! На меня напали разбойники! Они отняли у меня все: коня, дорогую одежду, тугой кошелек, в котором было двести золотых монет!..

— Сто девяносто семь, — строго перебила говоруна принцесса Клементинка.

Главный компонент

Ко дню рождения наследницы престола был испечен огромный торт, который торжественно нарекли «принцессой Клементинкой».

— Ах, какая прелесть! Какое чудо! — прицокивал языком шевалье Кордемуа, положив себе на тарелку огромный кусок торта. — Цукаты, безе, орехи, марципан... Ах, неземное блаженство! Ванильный крем!.. И, кажется, что-то еще...

— Толченое стекло, — мимоходом заметила принцесса Клементинка.

На охоте

Из-за кустов выскочило могучее красивое животное. В два прыжка оно пересекло поляну и скрылось. Шевалье Кордемуа не успел даже вскинуть ружья.

— Осел, — сказала принцесса Клементинка.

— Олень, — робко поправил принцессу шевалье Кордемуа.

— Олень — это который убежал, — настаивала принцесса.

Примета

Прогуливаясь по лесу с шевалье Кордемуа, принцесса Клементинка вдруг заметила:

— Где-то неподалеку должен находиться великан!

— Почему Вы так решили, Ваше Высочество? — удивился шевалье Кордемуа.

— Мы стоим на его башмаке, — объяснила принцесса.

Чары

Шевалье Кордемуа рассказывал страшную историю:

— Когда я был совсем маленьким, меня заколдовали!

Появилась страшная ведьма и плеснула на меня водой! И я стал совершенно не тем, кем был прежде!

— Вас просто отмыли, — успокоила шевалье принцесса Клементинка.

Родной язык

Во дворце ожидали прибытия персидского посла, и принцесса Клементинка решила всерьез заняться иностранными языками.

Когда посол наконец появился, принцесса Клементинка обратилась к нему с длинной изысканной речью на персидском.

Посол замотал головой от изумления, побагровел... и ровным счетом ничего не понял.

— Дубина! — возмутилась тогда принцесса Клементинка. — Свой родной язык выучить поленился!

Образ

Вернувшись из славного боевого похода, шевалье

Кордемуа показывал всем сплюсненную пулю, на которой легко можно было рассмотреть изображение принцессы Клементинки.

— Дело в том, — объяснял доблестный шевалье, — что на груди я всегда ношу медальон с крошечным портретом нашей принцессы! В бою янычар выстрелил из пистолета мне в сердце! Но пуля попала в медальон! Это спасло мне жизнь, а на пуле отпечатался образ моей покровительницы!

— Если бы в грудь дорогого шевалье попало пушечное ядро, мы бы имели теперь мой большой портрет, — вздохнула принцесса Клементинка.

Чудовище

Слуги закинули сеть в крошечное озерко неподалеку от дворца и неожиданно вытащили страшное заморское чудовище.

Об этом доложили принцессе Клементинке. Дворецкий же добавил:

— Ваше Высочество, оно еще и разговаривает!

— И что же сказало чудовище? — поинтересовалась принцесса.

— Утверждает, будто оно — шевалье Кордемуа!

— Все чудовища говорят одно и то же, — разочарованно закончила разговор принцесса Клементинка.

Двойное действие

Шевалье Кордемуа рассказывал, как в бою с сарацинами ему достался чудесный трофей. Это был большой серебряный флакон с таинственной жидкостью.

— Если перед самым боем опрокинуть на себя этот сосуд, — таинственно понизив голос, объяснял шевалье Кордемуа, — то либо становишься совершенно невидимым для врагов, либо...

— Либо просто мокрым! — ужаснулась принцесса Клементинка.

Подарок отцу

Ко дню рождения старого короля принцесса Клементинка приготовила необыкновенный подарок.

— Папенька, — сладким голосом сказала она, — обещаю, что впредь я не стану превращать никого из моих фрейлин ни в кошек, ни в мышей!

— Доченька! — переполошился добрый король. — В кого же теперь?!

Богатство

Карету принцессы Клементинки остановили в лесу злые разбойники.

На вопрос, имеют ли путешественники при себе драгоценности, принцесса Клементинка обезоруживающе улыбнулась:

— Золотое сердце, господи!

Юрий ВИЙРА

ЛЕГЕНДЫ КРЫМА И ПРОЧИХ СЛАВНЫХ МЕСТ

(ИсСТОРИЯ ГиаГРАФИЧЕСКИХ НоЗВАНИЙ)

Рисунки Марии БАЖЕНОВОЙ

Юрий Долгорукий — открыватель Крыма

Однажды домовой Нюхля и князь Юрий Долгорукий полетели на воздушном шаре открывать новые земли. Летели, летели и прилетели. Смотрят: какой-то полуостров. Как этот край называется? Поглядел Юрий Долгорукий на землю в бинокль, и в глаза ему бросилась выгоревшая табличка. «К Р Ы... М», — с трудом прочел князь.

Так, по недоразумению, Крым получил свое название. На самом деле там было написано «заКРЫ-то на реМонт», остальные буквы выцвели.

Москва

Однажды утром Юрий Долгорукий, основатель Москвы, спросил у Нюхли:

— Нюхля, друг, ну как же назвать этот город?

— Надо подумать... А как называется наш университет?

— Московский государственный университет имени Ломоносова.

— А что такое МУР, князь, вам известно?

— Конечно. Московский уголовный розыск.

— Так как же можно назвать город, где все начинается на слово «московский»: московский Кремль, московский метрополитен, журнал для детей «Московский трамвай»...

— Просто «Трамвай», — поправил Юрий Долгорукий.

— Первый Московский часовой завод, — продолжал Нюхля, — Второй Московский часовой завод...

— Московск? — предложил князь.

Нюхля поморщился.

— Москова?

— Нет, тоже не нравится... Может, Москва, а?

Юрий Долгорукий повторил по слогам:

— Мо-сква... Красиво. По рукам! Москва так Москва! — и князь пошел, напевая и позвякивая в такт кольчугой: — «А я иду, шагаю по Москве...»

Китай-город

Однажды Андрей Боголюбский, сын Юрия Долгорукова, и домовый Нюхля, неизменный спутник

всех князей московских, удили рыбу на Москве-реке. Нюхля поймал щуку и трех лещей, а князь — хотите верьте, хотите нет — кита. Андрей завопил: «Кит! Ай!» — в последнюю секунду кит сорвался с крючка и ушел в глубину.

В память о невероятном событии на том месте, по соседству с Кремлем, был построен город со стенами и башнями и назван Китай-городом.

Красная площадь

Однажды мамки и няньки привели будущего князя Дмитрия Донского — в то время просто Димку, ему только-только исполнилось пять лет, и он еще не выговаривал букву «Р», вместо нее получалась «Л», но уже тогда Дмитрий был, как теперь пацаны сказали бы, «крутым малым»: ходил в кожаном жилете, на груди заклепки, на поясе меч, почти настоящий — берегись, кремлевская крапива! Берегитесь, головки чертополоха! Держись, хан Мамай — дойдет и до тебя очередь!

Итак, привели мамки и няньки юного князя на башню. Поглядел он вниз, на безымянную площадь перед Кремлем.

— Нравится? — спросили мамки.

Дима выставил вперед большой палец:

— Во! Классная площадь! Класивая!

— Что молвит? — спросили няньки.

— Красивая, говорит, Красная площадь.

Так Красная площадь получила свое название.

Лубянка

Жили некогда в Москве лиса да заяц. У лисы избушка ледяная, а у зайца — лубяная.

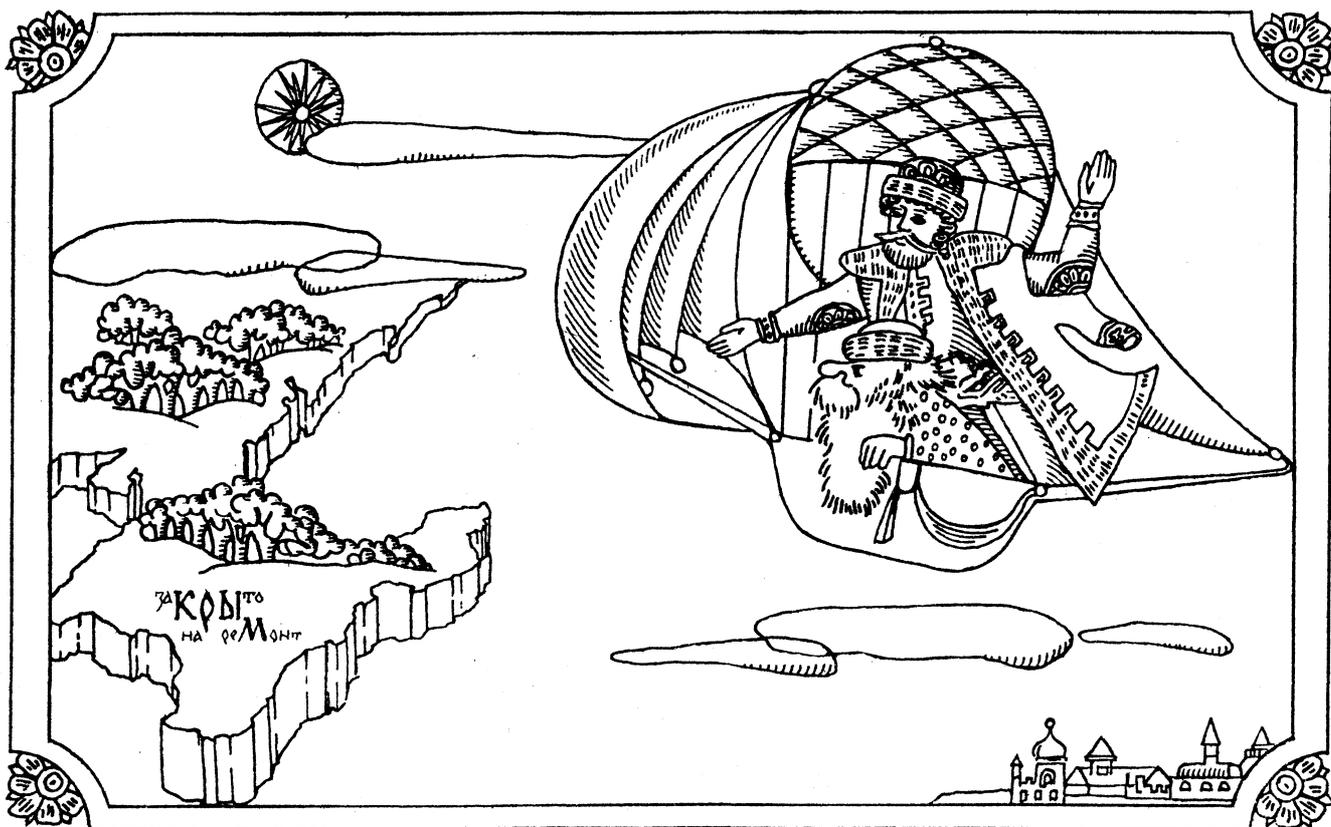
Пришло лето, у лисы избушка растаяла. Ни следа не осталось.

А заюшкина еще долго стояла и запомнилась. Спросите у любого москвича: где Лубянка? где Лубянская площадь? где Большая Лубянская улица? Каждый покажет.

Манежная площадь

Однажды домовый Нюхля и царь Иоанн III прогуливались по кремлевскому саду.

— Нюхля, друг, не подскажите, как назвать вон

ту лужайку перед университетом и гостиницей «Москва»?

Нюхля был не в духе и буркнул:

— Сами придумывайте.

Иоанн III стал размышлять: «Может, назвать именем моего внука? Нет, Ивановская площадь уже есть, в Кремле». Царь поглядел на внучонка. Ванюше еще не исполнилось года, ходить он не умел и, сидя на лужайке в манеже, играл с игрушками: лошадками, зайчиками, бегемотиками. Одну за другой выбрасывал из манежа, а мамки и няньки подбирали игрушки и возвращали обратно. А он их снова выбрасывал. Когда мамки и няньки, заболтавшись, забывали про свои обязанности, Ванюша хмурился и грозил кулачком. Мамки и няньки посмеивались: «Ох, и грозен наш Иван!»

— Нюхля, как вам: Манежная площадь? — спросил царь.

— Нормально.

Так Манежная площадь получила свое название. И прозвище к Ванюше прилепилось. Как царя Ивана IV называют? Иваном Грозным, не иначе.

Яуза

Жил некогда в Москве рыбак. Ну, не совсем в городе, а за рекой, впадающей в Москву-реку. Имя рыбака история не сохранила, а вот три его доче-

ри в истории остались. Звали сестер Аня, Аля и Алла. Или три «А», как их называл князь Юрий Долгорукий. Он за ними ухаживал, но выбора так и не смог сделать. Красавицы были — глаз не отвести. Когда девушки полоскали в реке белье, вода кругом начинала бурлить — это рыбы выныривали, чтобы полюбоваться. Но девицы были строгие, князя к себе не подпускали. Раз купались в реке, и Юрий Долгорукий подплыл на лодке. Они его так забрызгали, что лодка водой наполнилась. А князь плавать не умел. Чуть не утонул. Именно в это время он придумывал названия московским улицам, площадям, переулкам. Повсюду за ним следовал секретарь и все записывал, что князь скажет. Спрашивает, например, Юрий Долгорукий: «Куда эта дорога ведет? — В Тверь. — Значит, улица Тверская. А эта куда? — В Санкт-Петербург. — Ну, значит, будет Ленинградский проспект...»

Однажды князь встал ни свет ни заря и поехал навестить рыбачек. А секретарю, чтобы знал, где его в случае чего искать, записку оставил. Написал большими буквами и прикнопил к столбу у реки, дескать, я у трех «А». А секретарь спросонья не разобрался, что к чему, и принял тройку за букву «З». Велел немедля сделать таблички и повесить повсюду у реки. Вот так ЯУЗА получила свое название.

Кремль

Однажды домовый Нюхля предложил будущему князю Дмитрию Донскому:

— Надо бы вам построить белокаменный Кремль.

— Кремль?! Мне это слово не нравится. Похоже на крем, а я его терпеть не могу, меня от него тошнит, — князь с утра поругался с тещей и был не в духе.

Теща их разговор слышала. К тому времени она поостыла и решила пойти на попятную:

— Да, мне это слово тоже не нравится. И, пожалуйста, Дмитрий, голубчик, не ссорьтесь с татарами.

Князь тотчас собрал полки, разгромил в пух и прах хана Мамаю, за ним — хана Батыю, и вскоре на Боровицком холме поднялся белокаменный Кремль.

Арбат

Дмитрий Донской, победитель татар на Куликовом поле, очень любил стихи Пушкина, особенно «У лукоморья». Однажды он встретил поэта и прямо спросил:

— Где вы слагаете ваши бессмертные строки?

— На кровати, — пошутил Пушкин.

А князю послышалось:

— На арбате.

«Ай да Пушкин! Этакое названьице сочинить!»

— подумал Дмитрий Донской и повелел называть улицу, где проживал поэт, не иначе, как Арбат.

Так в Москве появился знаменитый Арбат.

«Приют убогого чухонца»

Жили некогда три брата, три чухонца. А чухонцы, как известно, народ неторопливый, немногословный. Сидят, бывало, братья в пивной. Сидят, молчат, пиво потягивают. Спустя час старший брат оторвется от кружки и скажет:

— Хо...

— Хоро... — согласится средний брат — мол, хорошее пиво.

А младший, самый разговорчивый, предложит:

— Еще по кру..?

Однажды в их края пожаловал Петр I. А братья, как обычно, рыбу ловили. Каждый в своей речке Петр подошел к старшему и завел разговор:

— Как жизнь, чухонец?

Молчит старший брат. Думает, что ответить.

— Как река называется? — Петр спрашивает.

Молчит чухна.

Наконец отвел взгляд от поплавка и разомкнул уста:

— Нева... — мол, неважно живем.

Петр записал в блокнот и направился к сред-

нему. Угостил табаком, сел рядом и тоже на поплавок уставился. Когда чухонец выкурил трубку, Петр спрашивает:

— Ну, как табачок?

Чухонец молчит.

— Как эта речка называется?

Молчит.

— Ну, как???

— Не в ка... — отвечает средний брат — мол, не в кайф: слабоват ваш табачок.

Записал Петр и к младшему зашагал. На этот раз решил не тянуть и сразу взять быка за рога:

— Как река называется?

Младший брат оглядел Петра с головы до ног и сказал:

— Царь, а не знает адрес музея-квартиры Пушкина. Набережная Мойки, 12. Запишите, не забуду...

Так на карте Санкт-Петербурга появились названия Невы, Невки и Мойки.

Крепость на Неве

Однажды Петр I построил ботик — большую лодку такую, с мачтой, чтоб грести или под парусом ходить. Петр, он вообще до всего любил доходить своим умом и сделать собственными руками. То корабль построит стомачтовый, то пароход изобретет, подводную лодку или швейную машинку «Зингер». Словом, построил Петр ботик и поплыл по Неве. Плыл, плыл и доплыл до какого-то острова. А там, на пляже, двое малолеток крепость из песка строили: со рвом, полным воды, со стенами, утыканными палочками — пушки, значит. И одна пушечка из сучка на стене стоит, чтобы бабахать в полдень, время жителям указывать — понарошку, конечно. Залюбовался Петр: хороша крепость! А дай, думает, тоже здесь крепость построю, не хуже, только настоящую. Достал из ботика строительные инструменты — и работа закипела. А малолетки ему помогали: песок в ведерке носили, камешки для стен собирали. Построили крепость. И с названием голову не ломали. Юных помощников Петра I звали Петей и Пашей — и крепость, значит, Петропавловская.

Миллионная

Петр I очень любил фотографировать. С утра до вечера щелкал и щелкал, а по ночам ослеплял прохожих фотовспышкой. Однажды поглядел на счетчик кадров и увидел цифру 999 999. А через минуту встретил на улице очаровательную барышню. Навел немедля аппарат и щелкнул. Есть миллионная фотография! Государь расцеловал красавицу и пообещал выполнить любое ее желание. Барышня потупила глазки, пожелала, чтобы место их встречи навечно осталось в истории. С тех пор эта улица называется Миллионной. Если вы бывали

в Петербурге, то обязательно ходили по ней. Начинается она от Летнего сада и кончается у Дворцовой площади. На Миллионной находятся Мраморный дворец и Новый Эрмитаж с атлантами. Здесь, в доме на углу Миллионной и Мошкова переулка, жил сказочник Вийра, ставший свидетелем исторического снимка.

Часы Петра Великого

Петр I жил во дворце по-простому, по-походному. Бросит в угол охапку сена, плащом накроет — постель готова. Ел из котелка, хлеб резал шпагой, мясо брал руками, свечи тушил из пистолета. Всем искусствам предпочитал пушечную пальбу. Встанет чуть свет — первым делом бабахнет. Зубы почистит — бабахнет. Ледяной водой ополоснется — бабахнет. Ровно в полдень: «Орудие, пли!» Сам себе scomандует и бежит проверять часы: спешат или отстают. Каких только часов у него не было! На дворе — солнечные, в ванной — водяные, в песочнице — песочные и так далее. А механических! Самые махонькие — с рисовое зернышко. Готовил однажды к Пасхе плов, упали часики в казан и потерялись. Другие часы были с грецкий орех. Принимал как-то важного заезжего грека, похвастался, а тот не понял, сжал в кулаке — раздавил. Были еще часы с куриное яйцо. Так

Государь спросонья варил их десять минут в подсоленной воде на слабом огне — любил крутые яйца. Испортились, конечно. А сколько больших часов имелось у Петра Великого: что там Царь-пушка и Царь-колокол! Ох-ох... От самых больших часов только часовая стрелка осталась — в Петербурге ее называют Стрелкой Васильевского острова.

Екатеринбург

Петр I был очень любознательный человек, про все на свете хотел знать.

Однажды спрашивает Ермака:

— Вот ты, казак, в Сибири был. Скажи, есть там горы?

— Есть. Уральские. А край тот называется — Урал.

— Почему он так называется?

— Они там по любому поводу «ура» кричат. Зовут жена мужа обедать, щи хлебать. Муж бежит и «ура» кричит. Бежит малое дитя на горшок — тоже «ура» кричит. Такой, значит, боевой народ.

— Урал... А почему «Л» на конце пишется?

— Ох, до чего же вы, Государь, любопытный! Так и впросак попасть можно. Знаете, как расшифровывается слово «Дуня»?

— Нет.

— «Дураков у нас нет».

— А «Я»?

— А разве вы, Государь, ду... — Ермак вовремя остановился.

— За такие шуточки!.. — Петр погрозил ему кулаком. — Ну да ладно. А города там есть?

— Есть. Екатеринбург, например.

— А почему он так называется?

— Не знаю, — честно признался Ермак.

— А я знаю! — Петр I расхохотался и велел позвать Марту, свою невесту.

— Марта, готовься к свадьбе...

— Ура! — завопила Марта.

Петр поглядел на нее внимательно:

— Ты, случаем, родом не с Урала?

— Найн, — Марта сделала на всякий случай книксен.

— После свадьбы будешь зваться по-иному, не Мартой, а Императрицей Екатериной Первой. Поняла?

— Варум, Питер? Почему?

— Пусть думают, что Екатеринбург назван твоим именем.

— Питер, почему Екатерина Первая? Кто есть Екатерина Вторая?

— Не есть, а будет. Если есть Екатерина Первая, то обязательно должна быть Екатерина Вторая Великая. Логика истории. Понимаешь? Это еще больше запутает дело: так в чью же честь назван Екатеринбург, в твою или Екатерины Великой?!

— Хочу быть Екатериной Великой! — закапризничала Марта.

— Нет! — Петр топнул ногой. — Хватит в нашей семье одного Великого.

Сказал, как отрезал. И спрашивает Ермака:

— А чем, кроме названия, знаменит этот Екатеринбург?

— Там издается журнал «Уральский следопыт», — ответил, не задумываясь, покоритель Сибири.

У Петра в глазах потемнело:

— Как?! Свой журнал?!

На следующий день в Санкт-Петербурге вышел первый номер первой российской газеты — «Санкт-Петербургские ведомости».

Ножницы Петра Великого

Петр I был большой изобретатель. Чего он только не изобрел! Ножницы, например. А что делать с ножницами в Санкт-Петербурге? Бороды боярам стричь. Они у них длинные были, до пупа. Подойдет Петр к боярину, на небо покажет: «Смотрите — птичка!» Боярин голову задерет, а Петр — чик — и нет бороды. Через неделю в Питере ни одной боярской бороды не осталось. Что теперь делать? Стал боярышням юбки укорачивать. Подойдет, запоет «барыню». Девушка кружится, платочком машет, а Петр — чик-чик-чик. Отойдет и скамандует: «Идите, красавица, загорайте!» Очень скоро все девушки по Невскому проспекту в коротких юбках щеголяли. Чем теперь заняться? Изобрел Петр I воздушный шар и полетел куда-то. Летел, летел и долетел до какого-то большого острова. Спустил якорь, съехал вниз по веревке, ножницы наготове держит. Огляделся и глазам не поверил: народу — тьма-тьмушая, и все — бритые, на подбородке ни волоска. «Это что, Британия?» — спрашивает. «Да, Британия, — отвечают и носы задрали: — Великобритания!» Петр пожал плечами: «Ну и что?! Я тоже Великий». Делать нечего — полетел дальше. Перелетел через пролив. Видит: ребята в школу спешат и у всех за спинами ранцы. «Это что, Рандия?» — кричит сверху. «Да, Франция», — ребята пищат и каждый из ранца рогатку достает. Петр быстро отрезал мешок с песком, шар взмыл под небеса и помчался дальше. Через минуту посмотрел Петр в бинокль и зажмурился: голые жители! Голый мельник тащит мешок с мукой. Его голая жена кормит на дворе кур. Голые дети в песочнице лепят куличики. Ясное дело: Голландия. А за каналом урожай собирали: тюльпаны топором рубили. Экое варварство! Спустился Петр и — чик-чик-чик-чик-чик — за сорок минут аккуратно срезал ножницами все тюльпаны. Голые голландки только глазами хлопали. Оттуда — прямо домой. Сколько можно путешествовать?! Да и бороды у бояр, небось, до пупа отросли. Чик!

Ольга КОЛПАКОВА

КУКОЛЬНЫЙ ДОМ

Дома у дизайнера Елены Лисиной живут муж, два сына, кошка и ТЫСЯЧА кукол! Не только любая девочка, но и бывалые коллекционеры игрушек могут ей позавидовать... Попав в это кукольное царство, я не знала, на что смотреть и к какой кукле бросаться. Елена вынуждена была перезнакомить меня со своим собранием.

— В детстве у меня всегда были куклы. Они были уважаемыми членами семьи, всегда наряженные. На одной, помню, было мое капроновое платье, из которого я выросла. Мы жили в одной комнате с бабушкой и куклами. Бабушка всегда играла вместе со мной, ходила в «Детский мир» смотреть на новые игрушки. А однажды потратила всю свою зарплату на мебель для кукол. Куклы были в почете, — рассказывает Елена. И когда она выросла, отношение к куклам не изменилось. А лет шесть назад посчитала: в доме «самотеком» накопилось несколько десятков кукол — ведь их никогда не выбрасывали! — пересчитала и аккуратно переписала в тетрадку, присвоив номера. Так началась коллекция.

Знакомые и друзья стали приносить и дарить свои старые куклы. Некоторые с облегчением, что избавились от ненужного хлама, который все равно попал бы на свалку. Другие с напутствиями, потому что отдавали не просто игрушки, а спутников и свидетелей своего детства. Елена сама начала реставрировать кукол, голышей — одевать. Иногда от куклы сохранялась только голова, приходилось доделывать все остальное.

Потом наступил второй этап собирания, когда магазины вдруг резко опустели, куклы, как и всякие другие игрушки, исчезли. Зато люди стали чаще ездить за границу. И Елена снабжала знакомых путешественников-туристов своими самодельными куклами, саморасписанными матрешками, которых с восторгом — Russian doll! — принимали иностранцы, посылая в Россию свои игрушки.

Наконец, когда наша страна сделала первый шаг в сторону рынка, куклы появились на прилавках, но стоили они во много раз дороже, чем раньше. Коллекционер только и могла себе позволить школьницу в белом фартучке. А как только купила, так отменили школьную форму. И обыкновенная кукла стала исторической ценностью. На ее фартук перекочевал октябрьский значок старшего сына — «звездочка» тоже стала «нашим прошлым».

Параллельно с развалом Советского Союза Елена начала коллекционировать кукол в национальных костюмах. Успела-таки собрать всех пятнадцать «сестер» до того, как их сняли с производства или переделали в другие наряды.

И наконец — выход на международный уровень, со-

здание небольшого, но международного клуба коллекционеров кукол. Появились друзья по переписке и увлечению в Америке, Новой Зеландии, Хорватии и т.д.

— За последний год мне около семидесяти кукол пришлось из-за рубежа. В России я бы никогда таких не смогла купить — очень дорогие.

Международные контакты помогли осуществиться давнишним мечтам.

Еще на заре популярности Майкла Джексона Елена услышала, что в Америке появилась кукла Майкл Джексон и, конечно, загорелась. Много лет мечтала, заказывала знакомым, но ничего не получалось. Сейчас барби-подобный Джексон в красном кожаном костюме и лакированных ботинках стоит на полке в «кукольном доме» Елены, зажав в руке микрофон.

Так же и с «детьми из капусты». «Дети из капусты» — это куклы, которые продаются не в магазинах, а в специальном госпитале. К каждой кукле прилагается свидетельство об удочерении или усыновлении. И при покупке оно выдается «родителям». Они замечательные, эти «капустные дети»: у каждого свое, индивидуальное выражение лица.

У нас, к сожалению, не выпускают «портретных кукол», а смотреть на сотни одинаковых, красивых, но не выражающих никаких эмоций мордашек — удовольствие небольшое. А вот такие, «живые» куклы не надоедают. Их, по-моему, хозяйка любит больше, чем всю остальную тысячу.

Елена Лисина совсем не строгая мама и не держит своих кукол взаперти. С друзьями по клубу она оформила несколько выставок в музее писателей Урала. Весной посетители смогли посмотреть экспозицию «Русская игрушка». Глиняные, соломенные, из тряпочек, в различных русских костюмах, герои русских народных сказок, матрешки, деревянные куклы. До этого Елена показывала современных кукол. А планируются выставки: «История в игрушках» — буденовцы, пионеры, пятнадцать республик-сестер и т.д., «Куклы — литературные герои» — от Пинокио, Буратино и Щелкунчика, которые и в сказках были куклами, до Швейка. А также Красная Шапочка, Золушка, Белоснежка с компанией, Чиполлино, Царевна-лебедь и еще много интересного. Готова «История кукол Барби», под Новый год можно было посмотреть «Историю деда Мороза» и «Рождество»...

Елена собирает разных кукол. Это ей кажется интересней, чем ограничивать коллекцию только куклами в национальных костюмах или сделанными из глины.

Не знаю, какие страны, национальности, виды кукол не представлены в ее коллекции. Нет, пожалуй, только очень старых, антикварных. Но есть надежда на их появление. Зато уже собраны куклы начиная со второй половины

двадцатых годов до суперсовременных. Куклы, которые пьют и сразу же писают, которые «растут» (на спине такая штучка, ее крутишь, и туловище куклы вытягивается), которые умеют поправлять себе прическу, танцуют, маленькие куклы, специально предназначенные для больших кукол (куклы играют в куклы!), не говоря уже о тех, что качают головами, звенят бубенцами, открывают и закрывают глаза, пищат и «мамкают», куклы для кукольного театра, самые разные пупсы и неваляшки и японский говорящий «Горби». Из самых разных материалов: глина, фарфор, ткань, дерево — и всего того, чему и названия не вспомнить.

В общем, богатая и чрезвычайно обаятельная коллекция, видеть которую можно только частями на Пролетарской, 16, в музее. Целиком даже муж с сыновьями не видят: часть кукол приходится хранить в коробках, несмотря на то, что все шкафы, полки и даже стены заполнены куклами в несколько рядов.

Конечно, было бы прекрасно, в первую очередь для детей области и города, если бы... Если бы какой-нибудь

богатенький Буратино задумался о музее кукол. О нем мечтает Елена. Экспонатов для музея, как вы поняли, вполне достаточно. И с экскурсоводами нет проблем. Даже в мини-кукольном театре, который неплохо бы сделать в этом же музее, есть кому играть. А уж пустовать такой музей точно не будет: девчонок от магазинных витрин с бедным однородным набором кукол не оторвешь, а здесь!

А пока позавидуйте сыновьям Елены Лисиной. Они имеют возможность «исследовать и испытывать» все новые поступления в мамину коллекцию (хотя из игрушек предпочитают трансформеров). Только после такой, надо сказать, очень аккуратной, игры Елена присваивает кукле номер и ставит на полку.

— Куклы не могут быть вредными, — считает она, — любые куклы. А вот автоматы, воины-монстры — игрушки вредные, они формируют привычку к жестокости, безобразию. А люди, имеющие отношение к добрым игрушкам, никогда не станут злыми. Это хорошие люди.

О да! И я в этом уже не раз убедилась!

СИЛЬНЕЕ «ДИКОЙ РОЗЫ»

Советы актрисы Екатеринбургского театра кукол Галины ДЕЙКИНОЙ

Счастливы тот, кто счастлив у себя дома...

Л.Н. Толстой

Может быть, с вами бывало такое: сидите все-все, вся семья, на одном диване, даже кот и собака рядом, смотрите, как страдает очередная Роза или Мария, и вдруг накатывает чувство одиночества, родственники кажутся скучными и несправедливыми, жизнь — пустой... Начать бы все с начала! Невозможно? Давайте попробуем! Прямо с этого вечера.

Бабушки и дедушки, папы, мамы и дети, есть ли у вас в жизни что-нибудь важнее друг друга? Думаю, что нет. Но за работой, мелкими хлопотами и телесериалами мы как-то забываем об этом.

Мама, оставьте в покое эти грязные рубашки, ничего с ними до завтра не случится. Бабушка, ужин сегодня должен быть очень легким. Оторвите ребенка от комиксов, папу от газеты, дедушку... Короче, собираемся все вместе и по-настоящему посвящаем этот вечер друг другу. Этот и все остальные, которые задумываются в новой рубрике с теплым и очень семейным названием — «Рядышком». Сегодня наш собеседник — артистка Екатеринбургского театра кукол Галина Ивановна Дейкина.

— Галина Ивановна, как по-вашему, что, кроме однокомнатной квартиры и очередной серии мелодрамы, может сплотить сегодня семью?

— Настолько сейчас непонятное время, разрывающее связи между детьми и родителями, что хуже, наверное, и

не будет. Дети вообще существуют сами по себе, торгуют газетами (мне кажется это ненормальным), смотрят ужасно жестокие мультяшки, а пока родителей нет дома, то и постельные сцены, которые после обсуждаются в подворотне. Передачи для детей похожи друг на дружку, и непонятно, чему они хотят научить ребенка. Вот тут-то и пригодились мексиканские и бразильские фильмы. Несмотря на все свои минусы, они учат сострадать, как некогда делали это индийские киноленты. Малыш хорошо воспринимает происходящее на экране, если там действуют отпетый негодяй и добрый человек, они сражаются между собой, и добро обычно побеждает. Ребенку все понятно, он знает, на чьей он стороне, за кого надо переживать.

— Эти сериалы, наверное, заменяют сказки. Тем более, что новые и современные детские фильмы на экране по-прежнему не частые гости. И мне кажется, что телевидение просто пренебрегает своими возможностями, если с развивающей и воспитательной целью предлагает зрителям только одни мелодрамы. А ведь раньше была и «АБВГДейка», и «Умелые руки», и Петя Светофоров, которого Вы «оживляли» и который знакомил маленьких уральцев с правилами дорожного движения. Все они учили чему-то конкретному...

— Я прекрасно помню эти передачи и жалею, что они исчезли. Они были рассчитаны на активное восприятие,

и дети с удовольствием участвовали в них, выполняли задания, присылали огромное количество писем и с нетерпением ждали продолжение, чтобы узнать, как они справились. И конечно, ребяташки тянули к экрану родителей: мам, посмотри, мам, а я правильно отгадал, помоги мне написать ответ. Сейчас бродит идея сделать передачу для малышей на «Десятом канале». Таковую, чтобы учила ребятшек самым элементарным вещам: как держать вилку, как переходить дорогу, как сделать себе игрушку, но вот проблема: нет денег даже на изготовление куклы — ведущей этой программы. Мне это просто непонятно.

— *Хочется надеяться, что какой-нибудь богатый и добрый человек решит помочь новой передаче. Но все же, Галина Ивановна, мне кажется, что все ключи к душе и сердцу ребенка находятся в руках у родителей...*

— Знаешь, в нашем театре я постоянно вижу таких заботливых родителей с детьми. Они и есть наш настоящий зритель, который хорошо знает и любит театр. Но их, к сожалению, немного. Пожалуй, если бы билеты не распространялись по школам, то театр кукол можно было бы закрывать: так немного этого «неорганизованного», «неколлективного» зрителя.

— *Может быть, большинство родителей просто не догадываются, что могут устроить себе и детям веселый семейный праздник. Ведь впечатление, которое производит на человека театр, куда сильнее, чем после просмотра телепередачи.*

— Конечно! Здесь ведь особая атмосфера, ребенок попадает в другой мир. И уже по дороге из театра домой он начинает делиться впечатлениями, а дома обязательно играет, привлекая всех домашних. А кукла, которой играют, всегда больше, чем просто кукла. Вот я беру ее в руки: она — это я, моя душа, мое сердце, мои мысли. Это живое существо. Только бы вот еще она бы заговорила! Ведь столько она знает, столько выслушала...

Я играла в куклы до восьмого класса, наверное, потому, что не хватало друзей, а нужно было высказаться, поделиться своим самым сокровенным. И взрослому человеку кукла нужна для того, чтобы исповедоваться. Не обязательно вслух. Я перед выходом на сцену иногда прижимаю ее к груди: мать, помоги!

Мне кажется, она и в семье может помочь. Например, психологически разрядиться. Вот как в Японии: заходит рабочий в перерыв в особое помещение и начинает дубасить чучело своего начальника, а потом тихо-мирно идет работать дальше. И ребенок так же — не сумел в детском саду ответить обидчику, потом, дома, проигрывая эту ситуацию с куклой, он обязательно отомстит или еще как-то постарается изменить неустраившую его реальность. И папа пусть не срывает злость на родных, а все, что накопилось, выскажет кукле. На первый взгляд, это может показаться нелепым, но зато как эффективно: сердитый отец расслабился и настроение никому не испортил. В общем,

попробуйте играть в куклы. Забыли, как? Ваши дети вам напомнят. Вы только начните. Не пожалееете: столько нового вам откроется в себе и в ваших семейных отношениях. А от нас — лишь несколько рекомендаций.

Сделайте кукол сами, и они станут настоящими членами вашей семьи. Куклы могут быть большими, просто огромными и мягкими. С такими можно даже спать вместе. На них можно сердиться со всей силой, они не сломаются.

Самое сложное в изготовлении такой куклы — голова. Основа для нее — часть чулка, набитая ватой или специально сшитая думка круглой формы. Волосы из веревки, остатков шерстяных ниток, меха. Тело — ползунки плюс рубашка, из которых выросли ваши дети. Набить куклу можно все мягким, что попадет под руку: ненужные лоскутки, поролон, вата.

Будет здорово, если каждый смастерит свою куклу-перчатку. На это уйдет всего один вечер, зато во все остальные семейные вечера вы можете разыгрывать спектакли и мелодрамы не из мексиканской, а из своей собственной жизни. Для этого и ширмы не надо, играем сидя рядом на диване.

Кукла не обязательно должна быть человеком. Зайчик, медвежонок, елочка — что вам ближе.

Куклы могут стать прекрасными помощниками в изучении иностранного языка детьми с шести месяцев до шести лет. Выглядит это примерно так: наденьте на руку перчаточную куклу и обратитесь к ребенку от ее имени на иностранном языке: я хочу поговорить с тобой на английском языке. Прикоснитесь к предмету своей рукой, назовите его на русском, прикоснитесь рукой куклы, назовите на иностранном. Будьте принципиальны, не позволяйте кукле переходить на русский, «не понимайте», если ребенок говорит с ней по-русски, но помогайте им общаться.

Можно сделать кукол-марионеток. Голова у такой игрушки должна быть тяжелее, чем тело.

Представляете, как удивятся ваши гости, если вы покажете им театр теней. Он прост в изготовлении: на дне коробки вырезается прямоугольное отверстие и затягивается белой тканью или прозрачной бумагой. Сзади коробки ставим обыкновенную настольную лампу и направляем свет на обратную сторону экрана. Фигурки из картона можно прикрепить на прочные подставки или просто держать самим, если действующих лиц в спектакле немного.

Когда вы решите делать куклу, заразите этим всю семью, распределите обязанности и не уставайте хвалить друг друга за любую сделанную мелочь.

О сценарии кукольного спектакля... Для начала можете использовать хорошо известные сказки, которые есть в каждом доме. А кто-то, возможно, рискнет и поставит спектакль о героях, с которыми вас знакомит нынешняя подборка «Ой, куда мы залетели!..»

Что-нибудь у вас получилось? А может быть, в вашей семье давно живет и работает свой театр? Напишите нам об этом. Только, пожалуйста, все вместе. Малыши пусть нарисуют свои любимые игрушки.

Эта кукла пахнет карамелькой и умеет плакать (приехала из Америки).

«Дети из капусты» — это куклы, которые продаются не в магазинах, а в специальном госпитале.

К каждой кукле прилагается свидетельство об удочерении или усыновлении.

ГЛАВА 10

Маша просыпается поздно. В палатке душно. Скоро одевшись, высовывает она любопытный свой нос наружу. Высоко в небе солнце — сиреневое в зеленую полосу, лошади ржут и собаки лают. Трава желтая, сталь доспехов и плащи черные, как ягоды, алые, как листья, голубые, фиолетовые, зеленые, оранжевые, белые... Нескоро высмотрела Маша серый плащ Проклятого. Бросилась она к Дану, обняла и замерла от счастья: ей показалось, что не виделись они две тысячи лет и несколько месяцев. И полетели они на черном коне по лесным дорогам и полянам, полным клетчатых цветов, и разноцветные солнца всходили над ними.

Прошла неделя, и как-то к вечеру Маша сильно проголодалась (и то сказать, с утра маковой росинки во рту не было). Она долго мялась и стеснялась (известно, что девочка должна есть, как птичка), но голод не тетка — пришлось-таки честно во всем признаться Дану. «Вот и я бы, Данюшка, травки бы пощипал», — сказал боевой товарищ конь. Дан отпустил коня погоститься, а Машу подвел к кусту с малиной. «Слушай, Дан, может быть, это и малина, но вкус у нее, как у утки с яблоками».

Дан пожал плечами и пошел к ручью за водой. Тут он как провалился куда-то! А Маша с перепугу как прыгнет за ним! И вот они в широкой и очень глубокой яме, но совсем почему-то не ушиблись. Стало ясно, что без посторонней помощи отсюда не выбраться.

— Ух ты, ах ты, ну как вы там, ребята? — Конь свесился над ямой. — Может быть, я вас хвостом вытащу?

Но Маша заметила, что он на самом деле лентяй и хитрец и просто до неприличия рад передышке. Понятно, что страшного ничего нет, что они попали в смешное положение и всего-то. Застряли они надолго, Маша обрадовалась, потому как сидеть в безопасном месте и всласть говорить с Даном — большое удовольствие. Она скоренько устроилась поудобнее.

— Дан, я для тебя малинки припасла, ты поешь, а потом мы можем песни петь. Ты так замечательно летел, ну просто птичка! Это мы куда попали, кто нам устроил такую коварную ловушку?

— Это ловушка не для нас, а для ситцевых слонят. Тут за лесочком Печальницы — это феи такие — тельпаны посадили, много-много. Ну а ситцевые слонята повадились их лопать. Вот тогда здесь и устроили ловушку. Печальницы слонят сачком достают и к мамам отводят.

— И нас тоже сачком?

— Угу.

Маша посмотрела на два Дановых меча, на грозный лук, на длинный кинжал и закатилась.

— Ну, как вы там? — уныло бубнил конь, которому страсть как хотелось погоститься вволю, но надо было и честь соблюсти. — Может, к хозяйкам съездить, рассказать про вас?

143

— И то дело, — ответил Дан, и, облегченно заржав, конь ускакал куда-то.

Маша уже отсмеялась, и теперь ей совсем хорошо и уютно сидеть и неторопливо вести умные и степенные разговоры.

— Знаешь, в прошлом году, когда мне было тринадцать лет — совсем молоденькая была! — (Дан мимолетно улыбается) — сидела я однажды на лавочке и смотрела на детей. И мне вдруг стало страшно: а вдруг кто-нибудь из них станет фашистом, представляешь? Такие веселые, такие славные дети... Знаешь, я на вас смотрю, вы все очень разные, и там, где я живу, все очень разные — и папа, и мама, и брат, и Ася, я с ней в школе на одной парте сижу. А сколько я ни встречала злых людей, правда, мало встречала, но все они какие-то недостойно-однообразные, и мне кажется, просто слабые или глупые. Хотелось бы мне встретить злодея до мозга костей, чтобы он зло в принципе защипал, и понять, что это такое, но никогда не приходилось.

— Будет тебе белка, будет и свисток. А потом, Маша, разве можно так о детях говорить, ты что?

— Нельзя, — соглашается Маша, подумав. — Хорошо у вас здесь, Дан, просто: черное — черное, белое — белое. А вот у нас совсем другие законы. Мне брат рассказывал легенду о сумасшедшем дьяволе — (Дан взглядом просит перевести). — Ну, это вроде Повелителя Черных болот. Так вот, однажды дьявол решил стать правильным, добрым человеком. Стал этому учиться — и с ума, бедолага, сошел, потому что убивать нельзя, но когда нужно, можно убить. И красть нельзя, но когда нужно, можно украсть.

— По-моему, Повелителю Черных болот не может прийти в голову мысль стать добрым, и черное — действительно черное, а белое...

Тут-то им на голову и упал ситцевый слоненок и отравил все дальнейшее существование в яме. Он хныкал, верещал и просился на ручки. Ситцевые слонята — известные капризули, и тяжеленькие, и держать их на руках неудобно, зато теплые и мягкие, так что худо-бедно Маша пристроилась. Тут их всех троих выловили большим сачком, и они предстали перед ясными глазами Фей-Печальниц, каковых было три: Клотильда, Матильда и Тотильда. За слоненком уже пришла его мама, большая и породистая, нежно-фиолетовая в маленький серый горошек слониха. Ей было очень неловко за своего сына и, конечно, казалось, что во всем виновато чужое дурное влияние. Она с горьким безмолвным упреком смотрела на Машу и Дана. Наконец, отвесив изящный поклон, ситцевое семейство удалилось. Дан и Маша стояли, взявшись за руки и тупо смотря перед собой. Про себя девочка твердо знала, что залыет громким смехом, как только посмотрит в сторону своего спутника. Со временем она решила поднять глаза на Печальниц.

Все три были в строгих темных платьях с маленькими белыми воротничками, строгими, достойными

(144)

рическими, с выражением непередаваемой словами особой учительской строгости и неизбывной обиды. На макушку Тотильды сел белый мотылек и стал оттуда всячески махать Маше. Маша так рассмеялась, что ей пришлось сесть в траву.

— Как ты себя ведешь со старшими! — сказала возмущенно Клотильда.

— Т-ты роняешь звание сказочника! — вскричала Тотильда.

— В наше время дети себе такого не позволяли, — подвела итог всему этому безобразию Матильда. Потом все три Печальницы переглянулись и со скрытым восторгом заявили:

— Девочка очень плохо воспитана! Мы ее оставим у себя, выучим, наконец, хорошим манерам и освободим от тлетворного влияния Проклятого рыцаря! А на тебя, Дан, мы пожалуемся в Совет Девяти! Из-за вас ситцевые слонята половину тюльпанов съели!

А потом Дан просто обалдел: он же не догадывался, с каким закаленным, опытным бойцом имеет дело! Маша перестала смеяться, как только услышала о Совете Девяти. Руки у нее вытянулись по швам, личико стало тупеньким-тупеньким, а нос — уточкой, взгляд исполнился бесконечной преданности и особой, победительной наглости (точная копия взгляда Мишки Агеева, возникающего у того к исходу четверти, когда, кровь из носа, но нужно выбить тройку по русскому языку).

— Простите нас, пожалуйста, мы больше так никогда не будем, никогда! — И чистые, крупные, как помидор, слезы покатились по щекам ее.

Печальницы впали в педагогическую нирвану. Дан молчал-молчал и вдруг как закатится!

... Маша прямо перед собой увидела Рана-вестника; он был старый и говорил сейчас тихо:

— Хей, Дан, уходи из Леса-для-всех: из болот вышли Атем и Маза.

Тотильда сильно прижала Машу к себе и раскрылась, как курица. Дан побледнел. Эльф-вестник медленно растаял в воздухе.

— Мы выпустим вас в дождь.

— Пожалуй, Данюшка, раз такое дело, придется мне здесь остаться. К тому же чувствую я в себе потребность образование пополнить, — сказал их боевой товарищ конь, и в душу Маши закралось страшное подозрение, что зря сегодня Печальницы грешат на слонят, ох, зря...

ГЛАВА 11

Все дожди и тюльпаны, а по белым стенам дома Печальниц — бесчисленные портреты ситцевых слонят. В доме пусто и гулко, как в школе во время каникул, и почему-то Маше жалко Печальниц. И входных дверей в доме много, и за каждой — свой дождь: то нудный осенний, то ливень, шумный и веселый, как тридцатилетняя молодка, а их дождь — грибной.

На малиновом углу пасутся важные дождевые облака. Дан ловко поймал за холку одно из них, и они с

Машей на него плюхнулись. Облако возмущенно хрюкнуло и стало подниматься. Сидеть на нем было удобно, как на диване. Помолчав, облако как закричит грубым голосом: «Докуда везти-то?» — так что у Маши от неожиданности тапочка свалилась, хотя она сразу почувствовала, что облако по характеру кроткое и безответное, из тех, на которых воду возят.

— Отнеси нас в долину Красных лошадей, — попросил Дан. Облако даже ворчать не стало, а полетело быстро и ровно. На Машу напала сладостная дремота, но мир внизу был так прекрасен, что она решила не спать ни за что.

— Какая она милая, эта слониха! Вот бы кофточку себе сшить такую! — Маша делает последнюю попытку поддержать светскую беседу, зевает и замолкает. Они плывут в потоках света, и широкий божий мир расстилается под ними. Свет, свет, свет...

И на сей раз не обошлось без приключений. Вдруг хор голосов: тонкие-тонкие, чистые-чистые:

— Пить хотим, пить хотим! — Нежные, сладкие, чуть слышные: — Пить, пить, пить! — И совсем низкие, страстные: — Жить хотим! Пить хотим! Жить хотим!

Облако вздрогнуло и стало снижаться. Благодатный дождь пролился на истомившуюся от жажды рощу, на траву, цветы и деревья, но доброе облако ослабло, и они приземлились на земле Красных Ташанов в полукилометре от нужной им долины.

Ташаны появились мгновенно. Засияли на солнце их алые доспехи, затрепетали на ветру белоснежные знамена, грозные и неумолимые шли они.

Доброе известное облако поглядело виновато на Машу и Дана, вдруг как перевернется через голову — и обернулось мощным саблезубым львом, и издало рык:

— Идите, идите же, я их задержу!

Когда Маша первый раз повернула голову, ташаны выпустили во льва тучу стрел. Когда Маша обернулась во второй раз, ташаны тащили к себе в пещеру сладко и звучно храпящее облако.

— Слушай, Дан, что мы такие — бросили несчастное облако на произвол судьбы! — Маша дернулась, чтобы вернуться, но Дан спокойно потащил ее дальше.

— Ты, Маша, ничего дурного не думай. Просто у них повелитель сбежал, вот они себе нового и добывают.

— Это чтобы их защищать?

— Ага, таких обидишь, пожалуй. Нет, они заботиться любят, поэтому у них долго никто не выдерживает. В прошлом году им Совет Девяти Ганса-лежебоку выделил в короли, так и тот полгода продержался и сбежал.

Они по-прежнему почти бежали, а Маша думала про себя, что теперь-то ташанам повезло, потому что облако — мягкое и покладистое создание, и к тому же еще и многоликое, поэтому о нем можно будет разнообразно заботиться. Маша совсем задумалась, споткнулась и увидела Красную долину. Долина была большой, спокойной и очень зеленой. Камень у тропинки был черным.

* Семь царик — семь болезней (чума, оспа, холера и т.п.)

145) Маша все глаза проглядела, высматривая хоть один красный цветок.

— Все, — сказал Дан строго, — сейчас заберешься на этот камень и будешь сидеть тихо и мирно. С камня не сходить. Я сейчас попробую добыть красного коня. Слышишь, Маша, сидеть и ждать!

— Ага, хитрый ты какой, Дан, ты там с лошадьми будешь разговаривать, а я тут сиди себе на драконе и трясь от страха?

— Это, Маша, не дракон. Это Неустрашимо-Непобедимый Медведь Громбальдт, Сын Ночи, Великий Пастух красных коней. Так что сиди тихо и жди. — И Дан ушел.

Камень был теплый, а медведей Маша не боялась. Она стала ждать. Ждала, ждала, ждала и вся извелась. Уже и день прошел, и звезды зажглись, а Дана все нет и нет. И вдруг во мраке засияло огромное огненное пятно. Все ближе, все ближе огненный конь; он летит, летит, как птица, пеплом становится под ним земля. Он встает на дыбы, злобно роет копытом землю, силится он сбросить всадника, растоптать, прах по ветру развеять. Он обезумел от бешенства и злобы, а Дан неистово хлещет его зеленой веткой по крутым бокам. Летит, летит огненный конь, как птица, летит он. Все ближе и ближе огненный смерч. О, красные кони, красные кони, огненная лава! Кровь молодой земли! Сейчас, сейчас они догонят всадника. Быстрее мысли летит табун, нет преград ему. Маша закричала и бросилась навстречу Дану, бросилась вперед по тропинке. Город мой, прости меня, прости! — думает жалкая, обезумевшая от страха Маша и бежит, бежит вперед, к Дану. Уже жаром пышет ей в лицо, а за спиной чует она дыхание огромного зверя. Как две ледяные звезды, глаза Громбальдта; он берет Машу своей чудовищной лапой и подбрасывает куда-то вверх...

Маша и Дан лежат в песке на земле Красных ташанов. Там, вдали — большой черный камень, узенькая тропинка, мирная долина с густой зеленой травой и чистыми ручьями. А рядом с ними — большая, видно, что смиренная, лошадь, может быть, только масть странная. Дан тяжело поднимается, шатаясь, как пьяный, добредает до ближайшего ручья, ложится в него прямо в одежде. Лежит долго, потом отряхивается, как собака.

— Ты меня просто спасла. Еще немного — и от меня бы осталась только горсть мелких камешков, и век бы мне не дожидаться здесь шума битвы. Эти лошади — кровь молодой земли, и с ними шутки плохи. Если бы ты не сошла со спины Громбальдта, то он не смог бы бросить плащ мрака — ведь Проклятые не могут пользоваться ни колдовством, ни помощью Первородных. Мы надеемся только на друзей и оружие. Одним словом, — заключил он неожиданно, — ты непослушный маленький поросенок.

Правда, в голосе Дана не было должного пафоса, а демократичная Маша хорошо относилась к поросенкам.

— Хей, Дан, — на спине огромного коня возник кры-

латый эльф-вестник. — Те, кто живет на Черных болотах, двинули на людей войска Семи цариц *, и светозарные рыцари и эльфы повернули коней на свои границы. Ведуньи-охотницы сожгли столицу Княжества Красных Цветов, но Ахим с остатками своих людей пробился к Желтому Замку Гара. Берегись, Дан, берегись! Атем и Маза все еще топчут траву. — Эльф медленно растворился в воздухе.

Дан глубоко задумался. Маша смотрела на него, и ей было смешно, потому что на носу у него сидела божья коровка. А лошадь паслась на скудной траве земли Красных ташанов.

ГЛАВА 12

Они долго мчались, не разбирая дороги, и все звонче пели птицы, все трудней становилось дышать. Наконец они проскочили границу — узенькую красную полосу и вступили на Ничью землю. Широкая дорога лежала перед ними, а кругом шумел лес.

О Ничьей земле на кухне дядюшки Грэ говорили плохо и плохо, и Маша волновалась. Теперь Лес-для-всех казался ей почти родным. Конь шел ровно, и деревья все были знакомые: все дубы да клены, все осины да тополя, все липы да березы.

— Ага, — сказал Дан, — вот они, ивы-говоруньи, вот что нам нужно! — И они спешили.

Дан быстро и решительно направился к пруду. В воздухе прошелестел тихий низкий голос:

— Здравствуй, незнакомец. Что ты хочешь от меня? Тени или воды напиться?

Голос был отрадным и прохладным. Маша сидела, как ей было велено, спиной к пруду и вся замерла.

— Сладкая у меня тень, вкусная у меня вода... — И вдруг ива громко застонала: — Ох, больно мне! Братья-деревья, деревья-сестры, путь заступите, за меня отомстите! Гибкое тело мое он ломает, ветку ломает мою молодую, полную соком зеленую ветку!

Маша побледнела, вскочила на ноги — Дан уже спешил к ней, а Маша смотрела на иву, и ей казалось, что она, бедняга, вся сжалась от боли. Потом обернулась снова — дороги не было, лес сомкнулся. Деревья потемнели. Дан посадил Машу на коня, и Маша заметила, что деревья стали сплетаться ветками. Дан громко крикнул:

— Хей, королева-береза! Прости меня! Я не хотел причинить боль иве, но мне нужна ветка! У меня не было иного выхода, иначе моя девочка погибнет — за нами по пятам идут Атем и Маза!

Береза как-то негромко, но грозно прошелестела:

— Мы на своей земле! И мы вас не звали! Что нам до твоей девочки? Теснее же сплетайте ветки, зеленые мои сестры! Пусть уходят, откуда пришли! — Королева-береза! Я должен пройти, и я пройду! Я и мечом проложил бы себе дорогу, но у меня ветка ивы и красный конь! Если ты нас добром не пропустишь, я выжгу пол-леса, королева-береза!

Все вокруг замолчало, даже лист не шелохнулся. Наконец королева-береза сказала:

— Я пропущу вас. Расступитесь, братья мои зеленые! Посмотрите, как злобно роет копытом землю красный конь! А ты, Проклятый, подойди ко мне близко!

Маша с невольным изумлением смотрела, как расплетаются ветки, медленно раздвигаются деревья, и вот снова появилась широкая-широкая дорога. Дан подошел к королеве-березе. Маша невольно зажмурилась.

— Подойди еще ближе! — прошелестела береза-королева. — Теперь довольно.

Тут Маша услышала странный, свистящий звук. Он повторился раз семь или восемь, и снова раздался тихий шелест:

— Мы открыли тебе дорогу, Дан, но знай, Проклятый, что когда бы ты ни пришел сюда, тебя здесь ждут враги.

Лесная дорога стремительно летит под копытами красного коня. Маша давится слезами, хочет и не может отвести глаза от ярких полос у Дана на лице. Ей ужасно его жалко и нестерпимо за него стыдно.

— Дан, ну что ты такой! Почему ты иве не сказал, зачем тебе эта ветка нужна! Может быть, она сама бы тебе ее отдала!

— Ну да, к примеру, кто-нибудь решил тебе палец отрезать, а перед этим долго и ласково объяснять тебе станет, почему он дошел до жизни такой. — Дан невесело улыбнулся.

Лес внезапно кончается. Теперь впереди — степь. Пышная степь, там трава скрывает коня, там цветы, цветы, цветы... Они спешили и жадно пьют холодную вкусную воду из ручья. Маше легко дышится, и она слушает, но не слышит, как Дан шепчет ей на ухо: «Берегись, Маша, берегись! Не спи, слышишь, ни в коем случае не спи!»

Маша и не собирается спать, она чувствует себя отдохнувшей и сильной, а вода такая холодная и вкусная. Они медленно плывут среди травы и цветов, полчаса, час... Все та же бесконечная степь, то же низкое небо, но где же Машино легкое дыхание? Цветы пахнут ярко и тяжело. У Маши начинают слипаться глаза, но Дан не дает ей заснуть: «Нельзя, Маша, нельзя, девочка, заснешь — сама цветком станешь!»

Конь идет ровно, неумоимо, а у Дана самого странного, немного сонного голоса, но Маше он изо всех сил не дает спать: он трясет ее за плечи, а когда глаза у нее просто сами собой закрываются, больно дергает ее за волосы. Маша вздрагивает и вскидывается, а потом снова погружается в сонное марево. Солнце печет, тихие, сладкие голоса проникают в самое сердце:

*— Ты души своей не знаешь,
Под копыта кинь ты тело,
Спи, засни, цветком ты станешь,
Голубым, прекрасным, звонким,
Хрусткий стебель сока полон,
Корни мать-земля ласкает.
Ты зачем спешишь далеко,
Неразумное дитя?*

Конечно, радостно думает Маша, скорее соскочить с коня, вырваться из этих грубых, жестоких рук, упасть на черную, благодатную землю... Маша чувствует какое-то острое блаженство: навсегда слиться с землей, пусть по ее жилам потечет темный сладкий сок и раскроется тяжелый голубой венчик, о, скорей бы, скорей бы...

Но Даша Королева, Даша Королева! В той далекой, совсем нереальной жизни Даша была соседкой по лестничной клетке. Она очень кругленькая и счастливая — у нее скоро-скоро кто-нибудь будет, может быть, мальчик, а может быть, девочка... И Маше в лицо ударяет холодный злой ветер, и она ясно видит маленькую, беспомощную, скрюченную лапку...

Теперь Маша проснулась — она то приговаривает, то кричит, то читает стихи, и молится, молится, чтобы кончилась эта страшная, эта сладкая степь, и она кончается, так же внезапно, как и началась.

Маша увидела чахлый больной лесок. Деревья — Маше боязно мимо них проезжать: кажется, что они возьмут и хлестнут ветками, но трава — трава в этом лесу неживая, каменная трава, и деревья рукотворные. Какой искусный мастер сделал их из меди, серебра и золота?

— Ну вот, — говорит Дан, — мы на земле Аметистовой Хольги, и она откроет нам дорогу к Ледяному озеру.

Они подходят к развалинам Белого замка. Все огневки живут в Белых замках.

— Господи, а зачем нам Ледяное озеро? — спрашивает Маша.

— А затем, что переплыть его невозможно, поэтому нас там никто и близко не ждет.

В мире тихо-тихо, и в комнатах тихо, но Маше кажется, что в доме гуляет злой ветер. Он и воет, он и стонет. Они входят в зал — там и сям груды драгоценных камней, прямо на полу, на охапке полусгнившей соломы сидит маленькая рыжеволосая женщина. Она даже головы не поворачивает. У нее на ладошке огромный изумруд; она целует его, она воркует над ним: «Ты мой маленький, ты мой миленький», — говорит она холодному камню. А высоко, под самым потолком летает маленькая золотая хищная птица и кричит тревожно.

— Нам нужен гребень, — говорит Дан. — Вспомни-ка, малыш, вспомни, как этих птиц подманивают.

Вот это Маша хорошо помнит: ах, Тихон Иваныч, умница Тихон Иваныч! Не зря заставлял он учить скучные, бессмысленные тексты! И теперь Маша знает, хорошо знает она, что должна говорить, и нараспев произносит она слова заклинания, а птица кружит над Машей, кружит, манит ее Машин голос, и покорно, медленно начинает она снижаться. Вот это да, думает про себя Маша, вот что значит слово заветное знать! Я ее позвала, и она сейчас мне на плечо и сядет! Маша от гордости даже на цыпочки встала. Медленно, покорно опускается золотая птица. Странно, думает Маша, что же это Дан не радуется, что же он от меня глаза прячет?

Птица села Маше на плечо, и она, бедолага, даже

не закричала, а завизжала от боли. Страшные когти мгновенно разжались, птица скатилась с Машиного плеча на пол и превратилась в деревянный гребень. Дан поднял его, подождал, пока Маша опомнится, и велел ей расчесывать волосы Хольги.

— В прошлой своей жизни Хольга огневкой была, — рассказывает Дан. — Ты же знаешь, Маша, все они без царя в голове. Вот она и повадилась на огненном коне по горам скакать. И снежные тюльпаны она топтала, и охотилась на белых барсов, а под конец, на спор с такой же шальной огневкой, увезла радуницу, одну из дочек короля Бэра, да еще и выкупала в парном молоке Черной коровы, и радунице теперь никогда не дышать горным воздухом своей родины. Только плохи шутки с королем Бэром. И года не прошло, как прислал он ей в подарок маленькую шкатулку, а в ней алмаз. С тех пор Хольга не может жить на своей земле, и забыла имя свое, и язык свой, дом ее — у подножия Синих гор. Страшным даром наделил ее Бэр: открыл он ей сокровенную душу камней. Все Хольга забыла, целыми днями сидит она, и только камни нежат ее пальцы, только их речь она слышит и понимает.

Маша надолго задумалась, а волосы расчесывались плохо.

— Зачем, зачем мы обидели иву-говорунью? Почему мы идем по этой чужой, немилрой земле? Знаешь, Дан, по-моему... Давай по Лесу снова пойдём, там ведь у нас друзья есть!

— Угу, Маша, там есть у нас друзья. Вот пусть они сначала Атема и Мазу на болота загонят. — При воспоминании об этих существах Дана передернуло — супротив них сам Ахим щенок.

— Что они, страшные очень?

— Да нет, Маза даже красавица. Ее Атем ребенком у радуниц выкрал. Говорят, ее семь лет мать-змея растила, а потом она еще сто лет в Желтом Замке Гара жила.

— Раз Маза радуница, значит она хорошая, просто околдовали ее злые люди. Слово нужно найти заветное...

— Маша, и не вздумай, с ума сошла! Нет на Черных князей слова заветного!

— А что, эти слова уже искали?

— Да кому же в голову придет таким бессмысленным делом заниматься!

— А собака бывает кусачей только от жизни собачьей! Должна же быть какая-то причина, почему они такие злые и жестокие! Может быть, их кто-нибудь обидел, обманул! Может, они чего-то самого главного в жизни не понимают!

Дан от удивления и возмущения даже онемел. Видал он глупых сказочников, но не таких же дурочек!

— А что, Атем и Маза, они сильные очень?

— Да нет, просто их звери любят, и деревья любят, и все им говорят. А у Атема песня есть зовущая... Прошлый раз мы с Валентином шли — им птицы дорогу показали, а уж на песню мы сами, как две глупые курицы, вышли...

Маша обомлела:

— И он погиб, Валентин? По-настоящему взял и погиб?

— Знаешь, почему-то я ни разу не слышал, чтобы сказочник сказал: «Не верю»... Тьфу, о чем мы с тобой говорим? Расчесывай Хольгу, расчесывай, пожалуйста!

Маша работает, молчит и думает: сказать «Я не верю» — и никогда больше Дана не увидеть, и не пить сладкую воду из ручьев Леса-для-всех никогда, и никто не найдет твой ключ в траве, а потом, в день Великой Битвы, когда мы все придем, и мертвые, и живые, и нас будет много, как воды в океане, может быть, моей одной капли не хватит, чтобы Свет победил Тьму? Маша расчесывает Хольгу и вдруг понимает, что она безумно хочет жить, и что это она, вот с ней рядом Дан сидит, большой, надежный и сильный, и что это они разные глупости думают? И ни на какую зовущую песню она и не пойдет. Маша кончила свою работу, гребень на пол упал и золотой змеей обернулся, и уполз, как не было. Лихорадочный блеск в глазах Хольги погас, волосы алым плащом тонкое тело одели, нежный румянец окрасил бледные ее щеки.

*Хольга, огневка Хольга! С черною знойной кровью,
Волосы твои пахнут пламенем и смолою,
Гоним огонь мы веткой ивы зелено-прохладной,
Нам разомкни дорогу, огненно-дымная Хольга!*

Маша пела, а Хольга смеялась, стены замка вдруг рухнули, и засияла вдали голубая дорога, и Дан с Машей полетели по ней, не оглядываясь, и снова встали стены полуразрушенного замка, а худая женщина с пустыми и светлыми глазами снова перебирала камешки.

А дорога сияла все ярче и ярче. Маше казалось, что у нее отрастают крылья, а Дан, как всегда, учил ее жизни:

— Значит так, Маша: возьми мой плащ, сейчас будет холодно. Когда мы будем пролетать над озером, я ослепну, но ты не бойся, это потом пройдет. Ты тихонько трогай коня веточкой по ушам, он тебя будет слушаться, а я тебя буду держать, чтобы не свалилась.

Холодно, очень холодно. Нестерпимое голубое сияние: вот оно, озеро. Низко и тяжело летит конь; там, внизу, свет и блеск. Но что это? Маленькая черная точка? Маша старательно вытягивает шею и смотрит во все глаза. На маленьком острове лежит камень.

— Дан, там камень. Нужно спуститься?

Дан кивает. Маша нежно трогает веточкой огненного коня, и они спускаются, ниже, еще ниже. Маша вскрикивает, коснувшись камня — какой холодный! Теперь черная громада камня превращается в пеструю гальку на ладонке ее, и они начинают подниматься.

Разве есть на свете такой холод? Мамочка, мама, все, думает про себя Маша, я не вынесу больше ни минуты, просто сейчас свалюсь и помру. Но руки Дана — как железные тиски, и она выдерживает не минуту, а целых десять. Огненный конь пронесит их над озе-

(148) ром и дальше, по голубой светящейся дороге, которая обрывается внезапно.

Уф, тепло и дождь, за спиной мрак, а впереди — роща, лужайка, речка. Они с Даном — как ни в чем не бывало. Маша залезает под дерево, а Дан на минутку зазевался, и тут конь молнией метнулся назад, и снова становится видно там, вдали, голубое сияние, а из мрака медленно и неотвратно надвигаются волки. Белые волки изо льда и тумана, несется навстречу им огненный смерч, сомкнулись, белое и алое, от болевых кличей, кажется, мир рухнет. Какая страшная, богатырская потеха! И даже в этот тихий мир, где тепло и дождь, долетает торжествующее, радостное ржание.

— Дан, а как же так? Ведь когда-нибудь это кончится? Они же его разорвут!

— Может быть, да только от нас с тобою к этому времени даже воспоминания не останется, ни в твоём мире, ни в моем. Жаль, что мы остались без лошади. Пошли.

Маше хорошо под теплым дождем. Пестрый камешек лежит в кармане камзола.

ГЛАВА 13

Вот перед ними зеленая славная лужайка. Две минуты — и они у цели: совсем рукой подать до могучего Дуба магов. А идти надо почему-то в обход, по длинной-предлинной тропинке, а там пеньки и острые камешки, и вся тропинка какая-то путаная, как заячий след. Маша в очередной раз спотыкается, Дан в очередной раз терпеливо ее поддерживает.

— Слушай, хочешь, на руках понесу?

— Ага, только давай уголок срежем! И напрямик, по лужайке... Так спать хочется.

— Это же Зеленая лужайка!

— Да, я вижу, зеленая она...

Идет Дан все равно по нелепой петляющей тропинке. Целый час идет, и сам все время спотыкается. В дубе огромное дупло, а рядом с дубом — большой островерхий серебряный обелиск. Дан довольно поспешно заталкивает Машу в дупло и сам туда забирается. Там, внутри Дуба магов, светло и огромный камин, всюду груды медвежьих и волчьих шкур, и стол накрыт, и хлеб вкусный, только все равно, судьба Машина такая — узнавать все, что не знаешь, и запоминать даже то, чего не понимаешь. Вот она сейчас поест и все спросит — и про обелиск этот странный, и про лужайку зеленую.

— Зеленая лужайка — это, Маша, очень странное место, странное и коварное. По ней никто никогда не ходит.

— А может быть, все ее боятся, боятся, а там ничего, кроме зеленой травы, и нет?

Дан терпеливо продолжает:

— Значит так, когда канжеры перерезали Серебряных эльфов и заставили их уйти за Великий океан, Светозарный рыцарь Пандер спас от канжеров двух детей, мальчика и девочку. Канжеры шли за ним по пятам, а он решил укрыть детей в дупле Дуба магов.

По тропинке Пандер никак не успевал, вот он и срезал по прямой. Посадил детей в мешок со знаком Великого Совета — и вперед. Он успел, говорят, влечь их в дупло, упал и умер.

— Дан, — говорит Маша рассудительно, — это ты малость погорячился. Светозарные рыцари — они же бессмертные!

— Над ними не властно время, но есть одна причина, по которой Светозарный рыцарь может превратиться в камень, — страх.

Маша потрясенно молчит и смотрит на лужайку. Невозможно. Светозарные рыцари — и страх... Разве не они — щит Страны блаженных? Разве не они поднимают солнце на остриях копий своих? Разве не они заставили убраться за Черные болота самих канжеров, древних крылатых чудовищ, поражающих ужасом?

*Скорее земля разлетится
на тысячи мелких кусочков,
Чем Светозарный рыцарь дорогу врагу уступит...*

Маша смотрит на обелиск и знает, что рыцарь Пандер, бессмертный Пандер, откроет глаза свои только в день Последней битвы.

Громко кричит Ран-вестник:

— Маза и Атем собрали богатую жатву и ушли на Черные болота! Охотницы выжгли Семь Красных Полей! Княжество Красных цветов пало навсегда!

Маша от радости захлопала в ладоши, потом приостановилась. Дан воспринял известие весьма сдержанно.

— Ты почему не радуешься?

— Еще не вечер, детка. Разве Ран-вестник сказал о том, что случилось с нашим другом Ахимом? Хорошо, если его прихлопнули во время штурма, а если он ушел? Ему теперь даже терять нечего!

— Какой же ты, Дан, требовательный! Ведь самое главное — что мы победили!

— Угу, — сказал Дан.

Маша догрызла яблоко и заснула. Ей снились дочерна загорелые белозубые охотницы, кони их неслись по полям красных цветов, и солнца сияли. Дан же всю ночь угрюмо просидел за столом, думая о чем-то своем.

На рассвете они пересекли границу и снова вступили на землю Леса-для-всех, хотя это был не лес вовсе, а узкая полоска песка и сплошных камней, шагов триста, не больше, а там дальше — цветущие благоуханные заросли кнелы.

Когда пошел шестой час их путешествия по камням, Маша заплакала. Голова ее кружилась от густого аромата цветов кнелы, а они шли и шли по замкнутому кругу, и вырваться нельзя. От слез она совсем устала и опустилась наземь, а Дан молча все кружил и кружил, пока не рухнул, обессиленный, рядом с девочкой на песок. Совсем Маша устала и отупела, но все равно почувствовала, что что-то здесь не так. Дан, казалось, умирал от усталости, но ведь видела она, что упал-то он как-то ловко, удобно. Только она хотела что-то спросить, как он шепнул ей беззвучно: «Замри!» — Маша и замерла.

Тут-то они и вылезли из камней, пять или шесть каких-то потешных существ. Они были похожи на гномов, и даже шелковые колпачки на них были, и чулки шелковые, и туфли с пряжками, и длинные-длинные бороды. Были они одеты в черное, шли и хихикали. Маша совсем превратилась в полешко бесчувственное. Самый маленький и самый главный, указывая на Дана, сказал:

— Накиньте же, накиньте же цепь золотую, сплетенную из девичьих невинных волос!

Тогда самый большой гномик (Маша сразу поняла, что большой и маленький гномики — враги) сказал:

— Фр-фр-фр! Стоит ли тратить золотую цепь драгоценную, чтобы ловить неживое?

Он поднял камешек и изо всех сил бросил в Дана. Дан даже не вздрогнул. Теперь Маша окончательно сосчитала гномиков: их было все-таки пять. Они двинулись по шажочку вперед и тихо переговаривались.

— Что мы нашли, умелые мои братья?

— Рубины и жемчуг, золотые сети для нашей охоты, много-много ядовитых черных агатов. Хороши из них будут и ножи, и кинжалы!

Гномики захихикали и запрыгали на месте. Самый большой гномик уже потянул за рукав Машиного камзола — и тут Дан закричал, как пружина, рванулся с земли, и засверкали два меча его, а потешные человечки обратились в шестируких крылатых чудовищ с шакальими головами. Тонко и страшно визжали они. Двух Дан прикончил сразу, остальные отпрыгнули, собрались и снова бросились: двое на Дана, а одно, огромное, на Машу. Маша побежала, упала, бросила пригоршню песка, потом тоже закричала. Последнее, что ей осталось, — камешек, подобранный на острове, пестрая галька в кармане камзола.

*Рыцарь, до срока сраженный врагом, —
Камнем холодным становится он,
Камнем холодным становится он,
Камнем холодным становится он.
Сколько зигзицей кричи, не кричи,
Сколько бессмертья водой ни лечи,
Камнем холодным становится он,
Рыцарь, до срока сраженный врагом.*

Много, много черных, серых, пестрых камней в лесу, где трактир дядюшки Грэ, потому что трактир этот — крепость, охраняющая вход в страну детских сказок. Неприступная крепость, потому что, холодные и безгласные, встают рыцари, слышав шум битвы, ибо если ты рыцарь, то долг твой сильнее смерти и любви.

Трепетал на ветру многоцветный плащ ожившего рыцаря, сверкал кривой меч его; чудовища тоскливо взвыли, с новой яростью бросились, полегли и исчезли. Проклятое место стало хлебным полем. Маша только тут рассмотрела нового своего спутника: невысокий, хрупкий, ловкий, как белка, рыцарь стоял и дышал всей грудью, потом вдруг подпрыгнул и начал бешено крутить сальто, скакать, кричать — и так довольно долго, пока не умаялся. Потом он церемонно раскланялся с Машей и, одарив белозубой улыбкой, представился:

— Меня зовут Барт-Зеленые-Глаза.

Ласковыми были его глаза и, в самом деле, как трава весной. Барт поцеловал ей руку, и Маша коснулась губами прохладного лба его — и страшно пожалела, что на ней костюм пажа, а не пышное шелковое платье. Они пошли потихоньку, солнце ласково грело, и благоухали облака кнелы. Барт и Маша шли, держась за руки, смеялись и все отставали и отставали. Летали кругом полуметровые бабочки, желтые, красные и голубые, а Барт все хохотал и все рассказывал про свой родной город, про родителей своих, про невесту свою Касю, которая умеет выводить невиданные сорта огурцов, почему-то все другое удается ей хуже, про то, что собаки в их городе едят редиску. Дан ушел далеко вперед — тут Маша с Бартом переглянулись и бегом бросились его догонять.

ГЛАВА 14

Чиста вода в ручьях, все поляны в стыдливых нарциссах, и трава зелена. Но зеленой травы зеленой глаза Барта. Лошади медленно плывут, почти не касаясь земли, а Маша хохочет и визжит; наверно, больше всего она сейчас похожа на щенка, который бежит, развевая уши по ветру. И благоухает нежно-лиловая дарцена, и клонит к земле тяжелые от цветов ветки глоринтия, и...

Маша первая увидела его; она закричала. Блеклый, ржавый урод с лицом, как лопнувшая сосиска. Потом появился второй, и оба — как две капли воды.

— Там Ахим, Ахим!

Сначала выстрелил Дан, потом Барт. «Это дэмы», — сказал Дан, и началась бешеная скачка. Куда, куда скажут они? Почему мечутся по лесу, как сумасшедшие? Их уже шестеро, этих ржавых братьев-близнецов, потом...

Они скачут, скачут, и кони загнанные храпят. Потом пешие, из последних сил они бегут по камням, колючим пескам. Вот он, шаткий мостик, а там, на маленьком голлом островке — большой камень. Зачем, зачем им туда? И те двенадцать всадников, имя которым Ахим, ранят стрелой Дана. А мостик — вот он, мостик.

— Уходи, Дан, пошевеливайся, — говорит Барт, он медленно поворачивается к всадникам лицом. Разве глаза его зелены, как трава весной? Серая сталь в глазах его, серая сталь. Дан больно тащит Машу за руку, мостик скрипит и качается. Едва ступают на землю они, как в прах рассыпается мостик, в прах. Маша оглядывается — бледно-рыжий круг сомкнулся. В Ситцевом городе собаки, говорят, едят редиску... Почему, почему не кричит он, почему не кричит? Дан хватает ее за локти и... Сейчас он разобьет, расплющит ее об этот серый камень! Маша входит в камень, как нож в масло... Нет, это торжествующе кричат те, которые Ахим... Это не ее кровь, это кровь Дана... Маша куда-то падает.

*Дэмы — отражения души Черного князя в Волшебном Зеркале Гара. Исчезают только со смертью князя.

Как глаза его зелены, зелены, как трава весной! Лес не бывает таким, не бывает, это парк. Маша тупо смотрит перед собой. Она уже кое-как помогла Дану перевязать рану. Она всегда ненавидела себя за это, всегда. Дану больно, он весь горит, а она все равно все видит: кругом дивный, ухоженный парк, ожившее поместье Ангейм. Голубые лотосы смотрятся в пруд, а луга вдаль — семицветный ковер.

— Маша, очнись, малышка, скажи мне, как ты думаешь — кто такие эти парни?

— Это Ахим, Дан, это Ахим.

— Угу, я тоже сразу понял, что это дэмы. Как только я услышал, что Ахима прошляпили, я понял, что он сделает дэмов*. Нет, Маша, ты меня слушай...

— Я слушаю, Дан. Ты понял, что он сделает дэмов. Знаешь, а может быть, Кася в Ситцевом городе уже не носит ярких юбок? Может быть, она уже седая совсем? Это, наверно, плохо, когда ты седая, а внуков у тебя нет, правда ведь, Дан?

Дан неловко поворачивается, задевает больную руку и что-то тихо, быстро и непонятно говорит сквозь зубы. А, он выбранился, понимает Маша; она смотрит на раненную руку и ее всю передергивает.

— Все дело в том, что этих тварей избыть невозможно. Их перебьешь, а через полчаса они как новенькие. И это шакалье идет по нашему следу.

— А, — говорит Маша так же тупо, — у нас такая игрушка есть, неваляшка, Ванька-встанька называется. — Про себя она думает, что когда Дан совсем умрет, он повернет коня за Великий океан; а вот с ними, с людьми, что бывает, когда они умирают? Разве глаза его зелены, как трава весной? Серая сталь — глаза его! Серая сталь...

— Соберись, девочка моя, соберись...

Маша собирается. Дан весь горит. Они с трудом дотаскиваются до какого-то издевательски резного павильона. Там их ждет накрытый стол, чистые постели и хмурая белка — доктор Брэмбус. Маша задушивается, как будет «белка» в мужском роде...

Доктор ловко перевязывает Дану руку, дает какое-то питье Маше. Ночью Дан снова не спит, и среди ночи Маша вдруг бежит в его комнату.

— Слушай, Дан, я хочу тебя спросить...

— Ну конечно, о чем?

— Если мы все-таки дойдем до Великого океана, то что будет нам наградой? Ведь если все по правилам, то должна же быть какая-то награда?

— Конечно. Великие исполняют любое твое заветное желание, если оно не нарушит равновесие мира.

— Любое, Дан? Что захочу, то и будет?

— Угу, любое.

— А ты?

— А я... знаешь, там такая трава мягкая и горько пахнет, вот я в ней лягу и буду спать целые сутки, если у меня дел неотложных не окажется.

— Да, Дан, небогатая у тебя фантазия...

— А то, — сказал Дан.

Маша закуталась потеплее в Данов плащ и чита-

ла наизусть до самого рассвета про доблестного Ваню Васильчикова. Дан очень смеялся.

— Динь-дон, госпожа, динь-дон! Доброе утро, госпожа, дон-дон! — пел и качал головой фарфоровый болванчик. Дан уже ждал ее за столом. Фарфор, серебро, скатерть, вышитая голубым и лиловым... Дан был еще бледен, но лоб и нос у него были холодные. Все кругом было резным и выведюлистым. Горячий шоколад, например, Маша пила впервые в жизни. Век бы сидела она в этом игрушечном домике, но нужно было идти, и они пошли.

Здесь лужайки, как пестрые шали, голубые и черные лебеди в зеркало прудов глядятся, здесь беседки и гроты, жаркое лето в поместье Фэрри.

Мимо них на маленькой лодке проплывает свирепая Чина, Повелительница змей. Дан даже головы не поворачивает, и Чина не смотрит на них, зато Маша глядит во все глаза. Ей-то ужасно любопытно! Чина — она черноволосая, и волосы ее отливают синевой, совсем мелкокостная, хищные узкие глаза и жадные губы. Что-то в ней есть неприятно-влекущее. Платье у нее узкое, блестящее, тяжелый фиолетовый блеск, бриллиантами сияет золотой обруч. Маша вспоминает черных ювелиров, и ее передергивает.

Наконец они разминулись. Знойное лето в поместье Фэрри, благоухает глоринтия и улыбаются нагие и стыдливые мраморные красавицы. Но Дану здесь плохо, он эту самую Фэрри не любит, а Маша ее вообще ненавидит.

— Послушай, Дан, а Фэрри добрая?

С ветки свешивается большой розовый попугай и с явным интересом прислушивается к разговору.

— Фэрри очень ценит красоту, — Дан пожимает плечами и укоризненно смотрит на Машу. Маша и сама понимает, что это нехорошо: получается, что они пришли в гости и сплетничают про хозяйку. Девочке кажется, что Фэрри похожа на Чину, и про себя она называет ее декаденткой. Вот сейчас, сейчас они войдут во дворец, где царит золотое и фиолетовое, где воздух тяжел от благоволий, где в причудливых вазах томятся белые лилии, черные розы, дымчатые ирисы. Там ковры, где нога тонет по щиколотку, огромные зеркала, мулатки-служанки, сандаловые веера и серебряные браслеты. Что это я, приостанавливает себя Маша, сроду я здесь лилий и роз не видала, — но остановиться не может, и чтобы как-то скрасить дорогу, рассказывает Дану об Уайльде, о том, как тот велел сшить нищему драгоценное рубище... «Мразь», — говорит Дан коротко, и попытка Маши растрогать Дана его крайне печальной дальнейшей судьбой не имеет успеха. Дан вообще как-то не склонен извинять ошибки и слабости. На это существуют у него две присказки: «Хорошая нога не ломается, а плохой не жалко» и «Ну да, позлодействует-позлодействует и бросит». Он становится все угрюмее и угрюмее, а Маша все щебечет и щебечет, уже просто сил никаких нет...

Жаркое лето в поместье Фэрри, зной, душистый, счастливый зной. Босоногая, загорелая Фэрри моет пол

и поет-заливается, звенят ее стеклянные сережки. Фэрри слышит Машины шаги и поднимает голову. Глаз отвести нельзя от этого спокойного и приветливого лица, тяжело простого узла русских волос.

«Моя сестра, моя полумонета,

Полуокружье...»

«И разговоры будут, как соленая вода,

Чем больше пьешь, тем больше жажда...»

— Ужасно жарко!

— Ужасно!

Там, в углу комнаты, глиняный кувшин, а в нем охапка мелких белых полевых цветов. Они пахнут просто прохладой, прохладой — и только.

Тут Фэрри увидела Дана. Тряпка шлепнулась на пол, и потеряла Фэрри дар речи.

— Здравствуй, моя прекрасная госпожа! — говорит Дан учтиво. Маша всей кожей ощущает, как он Фэрри не любит, никого не обманет учтивость, никого!

— Как же вы посмели, господин Черный Пес, как посмели! — Фэрри такая растерянная и нелепая, и Маше кажется, что она даже присела от боли, как там, у пруда — ива-говорунья. Маша смотрит то на нее, то на него и одно повторяет про себя: «Господи, как я хочу домой, как я хочу домой, как я хочу домой...»

Пахнет лавандой постельное белье, вышитое руками Фэрри. Она работающая, ничего волшебного в ее доме нет; просто она такая, что даже помидоры режет — как песню поет, спокойную, задумчивую песню... Маша устала, но ей не спится. Она встает и идет к книжной полке. Книги тяжелые, старые, их раскрываешь — и в комнате звучат негромкие голоса. Нет, конечно, и книги бывают разные. Не раз потом Маша открывала книги, которые заглушили бы горный обвал; а иногда звучат они, как прекрасная, но чужая музыка. А здесь они спокойные, негромкие, понятные до последней буквы. Но и читать она не могла. Подумала Маша, подумала — и пошла пожелать Дану спокойной ночи.

— Нет, ты мне уж скажи, пожалуйста, ответь — почему ты так не любишь бедную женщину? Чем она тебя обидела, чем?

— Ничем. Это я поступил дурно, нарушив правила этого убежища. — Дан пристроился почитать, но по Машину лицу понял, что разговор надолго; он с сожалением отложил книгу. Та вздохнула и деликатно захлопнулась.

— И что ты сделал? Нет, ты уж, пожалуйста, расскажи!

— Видишь ли, был у нас такой Черный князь — Ольдергарт, кстати, муж Чины. Жили они среди Серых скал, и со временем так расплодилось ядовитых змей, что сил никаких не стало, и мы снесли это княжество с лица земли. А Ольдергарт и Чина на крылатом змее Кане пробрались в Гару, и Ольдергарт сделал дэмов. Дэмы, Маша, это тяжело. Во-первых, их убьешь — они снова оживают и плодятся до бесконечности, а потом — они же совершенно безмозглые! И изжить их можно только одним способом — убить того, с кого они сде-

ланы. Мы, Проклятые, стали охотиться за Ольдергартом. Полгода гонялись — и ничего. И вот как-то раз я решил проведать поместье Фэрри. Тут я его, голубчика, и увидел. они с Фэрри рука об руку мирно гуляли по цветущему лугу.

— И что?

— Попал.

Маша бледнеет и говорит с ужасом:

— Дан, а если бы стрела в Фэрри, случайно? Всякие случайности бывают. Разве она кому-нибудь зло сделала? Что, в справедливой борьбе все средства хороши, да, Дан?

Маша срывается и бежит к двери, но тут же возвращается.

— Что дальше, нет, ты скажи, пожалуйста, что дальше?

Девочка вся сжимается в ожидании ответа, но про себя решает твердо раз и навсегда, что все равно она будет любить Фэрри.

— Дальше? Дальше... я был наказан духом этой земли. Взяли меня за руку, привели на одну симпатичную лужайку и превратили в статую. Бр-р... Да не переживай ты так сильно, малышка. Твоя Фэрри здесь совсем не при чем, здесь заклятье такое.

Маша пытается представить себя на месте Дана-статуи. Все чувствовать, видеть и слышать, стоять неподвижно, не помнить ни лица своей матери, ни своего детства, и остается с тобой только хруст костей да детский плач, да бешеный бег коней...

Дверь распаивается, и влетает Фэрри. У нее поднос с двумя большими уютными чашками, и молочник большой, в райских птицах, а уши у Фэрри красные от смущения. Слушать чужие разговоры стыдно, но ведь Фэрри просто боялась, что Дан что-нибудь наговорит про нее. «Хотите чаю?» — и она, не дожидаясь ответа, ставит поднос на стол. Теперь Фэрри бледнеет.

— Я тебе, Маша, не успела рассказать, но я при чем. Это я превратила твоего спутника в статую, я. Он беззаконник, зачем его только мать на свет родила, он и Проклятым стал, чтобы беззаконно творить то, что он хочет. Хорош же ваш Совет Девяти, с чистым сердцем, с чистыми руками, здорово устроились! Донельза добродетельны, зато держат при себе десяток головорезов. Тебе не страшно, Маша, до него дотрагиваться? Он же весь в крови и грязи, с головы до ног!

Маше очень страшно. С ума она сошла — так говорить о Великих? Но Машина рука только крепче сжимает смуглое запястье Дана. Дан отодвигает поднос с края стола на середину.

— Фэрри, что за неразумные речи? Зачем ты кричишь? Разве ты не знаешь, что дэмы Ольдергарта истребляли цветочных эльфов и ситцевых слонят? Они перебили полосатых ташанов и заставили их уйти за Великий океан... Здесь Ничья земля, и убежище — твоя личная прихоть. Разве я нарушил хоть один Закон-для-всех? А Ольдергарта нужно было убрать во что бы то ни стало. И речь-то шла о такой малости, как собственная шкура, трудно было удержаться от соблазна.

— Теперь он еще и улыбается! Я тебя ненавижу, Дан, — сказала Фэрри, — ненавижу!

Она сбросила поднос на пол, и на десять тысяч куточков разлетелись самоцветные райские птицы, а Маша сидела и ни о чем не думала. Она никогда не видела цветочных эльфов, она то вспоминала ситцевых слонят с их мамочками в клеточку, полоску, в горошек, а еще в цветочек, то представляла, как Фэрри беспомощно стоит, а рядом падает и бьется смертельно раненный Ольдергарт... А Дан — он становится камнем, нет, не камнем, а каменной статуей, есть какое-то отличие... И снова окружают ее ситцевые слонята. А какие они, цветочные эльфы, какие?

— Эй, малыш, — он уже собрал осколки и на всякий случай принес Маше тапки. — Очнись, я сейчас с голоду помру!

Он мягко выпроваживает ее, и Маша идет на кухню. Там Фэрри ползает на коленках и истово хлопает тряпкой. Маша садится рядом с ней прямо на мокрый пол.

— Слушай, — говорит Фэрри, — они все только и делают, что друг друга убивают. Я больше жить не хочу. Раньше я летать умела, как птица, высоко-высоко, и плавать умела, как резвая рыба, я всем была — и ветром, и травой, и эхом... Все отдала я, чтобы создать убежище, где никто никого не убивает, и первородство свое, и косы свои золотые, все, все отдала я, чтобы жить здесь, книги переписывать, и чтобы никто никого не убивал. И тут является этот Проклятый и убивает Ольдергарта на моих глазах, а потом я еще должна видеть, как он в статую превращается! И долгие пять лет знать, что он испытывает такие муки, что кровавые слезы катятся по щекам его! Маша, может быть, в твоём мире не убивают и не мучат?

Маше ее становится так жалко, так жалко, и плечи у Фэрри такие худенькие...

— Да ну их, эти мужские игры! Знаешь, давай я лучше буду завтрак готовить, а ты мне почитай! Какуюнибудь книжку с хруста-альным голосом!

— А, — говорит Фэрри, выжимая тряпку, — есть такая, это «Сон танцовщицы Мэй». Представляешь, ее много лет назад написал серебряный эльф Рон; он уже давно повернул коня за Великий океан, и народ его ушел...

Фэрри приносит книгу на кухню, и кухня наполняется ветром и звоном. Фэрри открыла книгу на той странице, где Мэй ищет свою косынку, а в кустах за ней подглядывает золотая хитрая лисица Алис, а серебряные рыбы режутся в холодном озере. Какое счастье знать, что есть существо, которое так же жадно до звуков, запахов и слов, что кто-то с восторгом и радостью слышит, что лилии — голос бога, пионы похожи на розовых купчих, а сирень — крылья ангелов. И даже не надо объяснять, кто такие ангелы, потому что Фэрри и это понимает, и Уайльда она от души жалеет. На ступеньках террасы встречают они зеленый рассвет.

Самой тайной из тайных тропинок выводит их Фэрри

из своего поместья. Драгоценный подарок дарит Фэрри Маше: розовую письменную свечу. Если сжечь письмо в пламени письменной свечи, то оно окажется в любом месте сказочного мира, хоть за Черными болотами.

И снова бесконечный лес поглощает их, холодный лес с узкими высокими хвойными деревьями.

*«Не наступай, рассвет,
Луна, помедли,
В моих слезах трава,
День мне сулит разлуку
С сестрой навек».*

Знойное лето в поместье Фэрри.

ГЛАВА 15

Эти узкие синие деревья не защищают от ветра. Полжизни можно отдать за то, чтобы посидеть у камина или, по крайней мере, прижаться к батарее. Ах, как воет ветер! Но Маша уже привыкла, пусть себе воет. И вдруг...

Маше давно кажется, что все в мире случается вдруг. Она слышит еще какой-то звук — это не ветер, это подскуливает в неизбывном горе ребенок. У него, наверное, мама потерялась!

По тропинке мчалось маленькое полосатое существо, на ходу заметая следы пушистым хвостом; его гнал ахимовский дэм. Маша рванулась и чуть не закричала, но Дан грубо закрыл ей рот ладонью.

— Молчи! Откуда здесь полосатые ташаны? Они уже оставили наш мир! Тихо!

Существо запуталось в ногах и хвосте и упало. Дэм неторопливо стал вытаскивать меч. Дан инстинктивно выстрелил; Маша подхватила полосатого ташана и побежала куда-то по кустам. Дан нагнал их. Теперь по их следу шли уже два дэма, три, пять, шесть дэмов. Гонят их, как зайцев по лесу.

— Шевелись, девочка, видишь башню?

Маша видела, только продирается пришлось сквозь шиповник. Дан прорубал путь мечом. Ташан тихонько сопел; он был теплый и тяжелый. Дан выстрелил, и самый нахальный из дэмов скатился с коня. Они успевали; уже тяжелая дверь сама распахнулась перед ними; башня как башня, только ступенек бесконечно много. Но зверушку она Дану все равно не отдаст. Ташан спит.

— Дан, — говорит Маша шепотом, — мы где?

— В башне Мирта и Лалы. Это аланы, те, что купаются в горных обвалах. Я сам их сколько раз видел. Порода у них очень редкая; их Лимбо привел в наш мир. Говорят, он их откопал в сокровенной глубине Синих гор. Когда золотая сорока Чи принесла на хвосте весть о том, что Лимбо выронил свой ключ в траву, они снова ушли, и никто не знает, куда.

Нет, нет, эти ступеньки никогда не кончатся. Накопец-то...

Огромная комната; в комнате роскошь и запусте-

ние, позолота и шелк, фарфор и черное дерево, паутина и сор. Ташан совсем все руки Маше отмотал, и Дан понес его положить на диван.

И вдруг... Маша остолбенела и ничего не поняла. На полу, рыча от бешенства, бился Дан, связанный по рукам и ногам, а на диване хохотала крыса-королева. Маша как кинет в нее тяжелую золотую статуэтку; крыса пискнула и подохла. Девочка выхватила нож и бросилась к Дану. Но чем отчаяннее старалась Маша перерезать веревку, тем прочнее становилась она, тем сильнее врезалась в тело. Дан внезапно успокоился и тихо сказал ей:

— Не плачь, малыш, это бесполезно. Подойди к окну, только осторожно. Что там?

— Дэмы Ахима.

— Много?

— Там целое ржавое море.

— Ага, теперь слушай, девочка моя, внимательно. Это конец. Дверь не выдержит и трех минут. Оставаться здесь бессмысленно. Говори волшебные слова и уходи. Скорей, ну же!

В дверь уже ломились. Маша вспомнила узкие холеные пальцы Ахима и тяжелые перстни его. Дан закрыл глаза. А если сейчас ударить его ножом, а потом выбросить камень из окна? И не найдут его дэмы, не найдут! Она перевела дыхание.

— Прости меня, Дан, я не могу, не могу, прости, прости...

— Ох, сломаешь, да сломаешь же! — капризным высоким голосом запричитала дверь. Маша поцеловала Дана и пошла к окну, распахнула решетки и неуклюже взобралась на узкий подоконник. Она зажмурилась. Сейчас дверь завопит последний раз и упадет, а она шагнет вниз. Все-таки, как же это так? Все будет, а ее больше не будет? Падать, наверное, больно... Потом она вспомнила, как ей брат рассказывал, что те, кто выбрасываются из окна, сходят с ума раньше, чем достигают земли. Еще ничего, подумала Маша и больше ничего не думала, а просто начала повторять про себя: мама моя, мамочка, мама...

Стало тихо-тихо; и минута прошла, и две, и три; к ней неслышно подошел Дан и бережно снял ее с подоконника. Маша открыла глаза. Они сели на пол; дверь распахнулась. Дэмы лежали грудами и таяли, как медузы на солнце.

— Однако, как нам, детка, повезло! Вовремя же Охотники загнали Ахима! Вставай скорей! Ноги в руки — и вперед!

Но они сидели еще долго-долго, а потом бросились вниз и снова закружили по лесу. Маша дышала и не могла насытиться, и смеялась, смеялась, смеялась! Дан был рядом, живой и теплый, только очень угрюмый.

— Ну что ты так, все же хорошо кончилось! А на кого ты сердисься?

— Да на себя, дружок, на себя! Бить бы меня и плакать не велеть! Тебя чуть не погубил и убежище угробил!

(154)

— Да, — сказала Маша, — убежище какое-то неправильное оказалось. Оно же нас вовсе не защитило! Какое-то с приветом убежище!

— Угу, особенно если учесть, что мы туда своими руками внесли оборотня, и теперь вместо убежища просто старая башня! От дождя там, может быть, можно укрыться, а от беды — нет. А потом, Маша, ты же девочка! Что это за выражение такое — убежище с приветом?

И тут Дан с глухим проклятием круто повернул назад.

— Вот я — точно с приветом. Мы должны вернуться. Маша, где-то в окрестностях башни — полосатый ташан, единственный и живой. Ведь оборотни могут принимать вид только живых существ!

И они стали искать ташана. Часов через шесть они его нашли. Дэмы привязали ташана за хвост, а у полосатых ташанов такие лапки и зубы, что век бы ему не отвязаться. Звали это существо Лайшей, и оставить его было нельзя. Пришлось нести его с собой, зато теперь Маша рассмотрела его во всех подробностях. Во-первых, она потрогала хвост. Хвост у полосатых ташанов огромный и пушистый, только крепкий и жесткий, как щетка. А вот уши у них маленькие. Лайша мертвой хваткой вцепился в Машу, так что той даже больно было. История его была проста и печальна. В то утро, когда на его народ напали дэмы Ольдергарта, Лайша задержался на работе.

— У меня родилось много новых звезд.

— Прости, что родилось?

— Новые звезды.

— Звезды?

— Что это, господин Черный Пес, твоя спутница не знает, что звезды рождаются на деревьях, там растут и зреют. И мы, Великий народ Полосатых Ташанов, своими дивными хвостами чистим звезды и выпускаем в небо, когда те становятся звонкими и крепкими.

Маша еще раз потрогала хвост.

— Я почему-то так всегда и думала, а то бесконечности какие-то, протуберанцы, взрывы там всякие! Лайша, а звезды, они так и рождаются разноцветными? А может звезда в цветочек родиться?

— Может, — кивнул Лайша, — такие звезды ситцевые слонята себе на небо вешают.

Они говорили и шли по лесу, а потом пошел белый песок, скалы белые и желтые, небо синее-синее, а потом одинокая цветущая яблоня, заблудившееся розовое облако.

— Ну, я приехал, — сказал Лайша, сочно чмокнул Машу на прощанье, быстренько вскарабкался на яблоню, веточку лапками обхватил и заснул богатырским сном. А Дан снял лук, колчан, два меча, кинжал, плащ и все под деревом бросил.

— Мы ведь тоже пришли. Пойдем, я тебя еще немножко провожу.

Неужели путешествию, такому бесконечному, вот так наступил конец? Они еще долго шли по белому песку, а в синем небе парили орлы и ослепительно

сияло белое солнце. А потом кончился белый песок; холмы и дубравы да белые церкви были перед ней. Там, впереди, лежала земля ее предков.

— Все, — сказал Дан и крепко-крепко обнял ее. — Прощай, сестренка. Я бы, кажется, раскаялся, только бы помнить твое милое лицо. Прощай навсегда. Никогда больше не ходи по Лесу-для-всех.

Он повернулся и пошел, ни разу не обернувшись. Разве можно так уходить? И Маша закричала так отчаянно и дико, что Дан стремительно обернулся к ней.

— Эй, Дан, Проклятый, господин Черный пес! Брат мой Дан, я люблю тебя! Я без тебя жить не могу! И вообще всю жизнь буду ходить по Лесу-для-всех!

Маша показала язык и побежала по зеленой траве. Бежала-бежала, а потом запела. Что печалиться ей? Пройден ее путь, и город она свой спасет, и знает, что попросить в награду. Всю дорогу пела она, пока не вышла к Великому океану. Солнце садилось в воды его, мириады бабочек несли его тяжелые волны. Маша разделась и медленно пошла к воде...

...Она очнулась в полупустом вагоне последней электрички. Сзади громко гоготала развеселая компания. Неужели ей все приснилось? Она потрясла головой, сунула руку в сумку и нащупала нежный, гладкий бочок раковины. За окном было темно, а Маше было страшно идти одной по темному лесу. Ни один оборотень не обманул бы ее, ведь с ней была раковина, но хулиганы всякие — это ведь тоже страшно! Компания сзади ей не нравилась, а Дана с ней нет...

Но на вокзале ее ждали толпа собак и Дух города с тремя астрами. Он поцеловал Маше руку, и Маша с гордостью увидела, какой он красивый. И вообще, цветы ее родного города пахли слаще сказочных цветов.

Они поднялись на второй этаж пятиэтажного дома,

и Маша своим серебряным ключом открыла дверь однокомнатной квартиры. Смуглая женщина сидела и вырезала белые цветы. Худые бедра ее были обвязаны пледом. «Мир в розовом цвете» пела с пластинки Эдит Пиаф. Женщина подняла голову и улыбнулась. У Маши внутри все лопнуло. Ей вдруг показалось, что она держит черного лебедя за крыло... Она положила раковину у порога и осторожно закрыла дверь.

ГЛАВА 16

Из письма Фэрри к Маше:

«Льет дождь, долгий-долгий, осень пришла ко мне в поместье. Вот и листья ганзелы стали голубыми, а на лугах огневки больше не топчут белые тюльпаны, и не светится перламутром светлое мое озеро. Дождь, бесконечный дождь, а сердце мое одиноко...»

Из письма Дана к Маше:

«Маша, девочка моя, ты мне снишься. Я жив и здоров.»

Из письма Маши к Дану:

«Знаешь, у меня почему-то тройки в четверти. Тихон Иванович совсем меня извел, все ворчит и ворчит. Мне подарили такое красивое платье! Слушай, Дан, ведь я так и не поняла, кто такая Та, что вырезает белые цветы, представляешь?..»

...Она поняла это, когда тихо загибалась от воспаления легких в районной больнице. Смерть подошла к ней близко-близко, Маша воочию увидела ее отвратительный оскал. И тогда пришла Та, что вырезает белые цветы, и развеяла милосердное знамя из цветов и белых листьев. Даже если бы у костлявой хватило сил откинуть белое благоуханное покрывало, ей все равно не удалось бы согнать улыбку с Машиного лица.

Андрей ПОДИСТОВ

ИЗ ЦИКЛА «СНЫ ЛОПУХОВА»

ШАОЛИНЬ

После того, как Лопухов окончил Шаолинский монастырь, покалечив во время спаррингов своих наставников-монахов и попереломав все чучела в «коридоре смерти», ему выдали свидетельство об окончании. Когда он взял в руки этот раскаленный добела «аттестат», железную плиту весом в полтонны, на ладонях его остались навеки выжженными оценки — сплошные пятерки.

— Прощайте, ребята, — сказал Лопухов тем монахам, которые смогли выйти его проводить. — Извините за то, что повредил немного монастырь...

— Ничего. Будда терпел и нам велел, — ответили монахи. — Прощай, Лопухов. Ты был лучшим нашим учеником.

Лопухов купил билет на самолет, сдал в багаж аттестат, похвальные грамоты, двухметровые нунчаки, алебарду, мечи, звездочки и, пока летел в родной Новосибирск, вспоминал наставления своего учителя:

«Не применяй без нужды приобретенное тобой в Шаолине оружие; без извинения в лоб пяткой не лупи; тому, кто в нокауте, пожелай долгих лет жизни; и до смерти никого не бей, в крайнем случае сломай ногу, руку или челюсть»...

— Да, учитель, — мысленно сказал сквозь самолетный гул Лопухов. — Я выполню ваши заветы.

Массивная дверь школы, в которой он учился, слетела с петель от страшного удара ногой. Выбежавшие на перемену классы имели несчастье видеть, как в дверном проеме появился Лопухов, бритый наголо и в черном кимоно.

— Опять этот шизоид Лопухов! — загомнил школьный люд, размазываясь по стенкам между портретами известных ученых. — Спасайся кто может!

Учителя, дрожа, заперлись в учительской и баррикадировали дверь шкафом и столами.

— Зачем, зачем я поставила ему двойку в первом классе! — рыдала его первая учительница. — Лопухов такой впечатлительный ребенок!

А директор вызывал по телефону сразу и ОМОН, и спецназ.

Но Лопухов никого без нужды трогать не собирался, особенно учителей. «Старших надо уважать!» — учили его в Шаолине.

Он только, проходя мимо, с поклоном и извиняясь, врезал ударом «Змея бьет по ушам» питекантропу Иванову из 8-го класса, который часто отбирал у него деньги, да выкинул в окно всех цеплявшего Сяву, у которого был очень крутой брат (хорошо, что этаж был первый). Выполняя наставления учителя, Лопухов не забыл пожелать своим врагам здоровья и чтоб не было переломов.

Но главной целью Лопухова был второгодник Гусев, который уже целый год пил его кровушку, обзывая, унижая при девчонках, и не раз заявлял, что он воспитает Лопухова в духе уважения к себе и своей грубой физической силе.

Конечно, класс был заперт изнутри, Гусеву уже сообщили, что Лопухов идет по его душу, как чугунный Командор, круша все на своем пути.

— Открой, Гусь! — предложил Лопухов миролюбиво (ведь нет на свете более миролюбивых монахов, чем шаолиньские). — Поговорим о смысле жизни.

— Ва-ва-ва-ва... — ответил через дверь Гусь. — Да-ва-ва-вай через дверь, Лопух...

— Что ты, — не согласился Лопухов. — Через дверь неудобно!

И жутким приемом с названием «Дракон наносит удар в нюх» разбил дверь в щепки. Раздался сдавленный вой Гусева, заваленного обломками...

— Лопухов, очнись!

Кто-то хватал его за руки, за плечи...

— Лопухов, дневник! — рявкнула классная, нависшая над ним в боевой стойке и выглядевшая страшнее всех шаолиньских монахов вместе взятых. — И когда ты, наконец, прекратишь на уроках спать! Без родителей чтоб в школе не появлялся!

ОДИН ПРОТИВ МАФИИ

Лопухов сидел в кресле и курил трубку. Профессор Мориарти с мордой Гусева переминался перед ним с ноги на ногу и бубнил: «Лопухов, ну че ты возникаешь? Не буду я больше плести преступную паутину, если договоримся... Не веришь, что ли?..»

Лопухов взял скрипку и невозмутимо заиграл «Полонез» Огиньского.

— Ну ты, Шерлок Холмс недоделанный! — начал закипать Гусев-Мориарти. — Ты Кривого с Первомайской-стрит знаешь? Он ведь тебе ноги выдернет и к ушам приделает!

Лопухов вдохновенно водил смычком.

— За мной вся мафия нашего города! — угрожающе захрипел профессор преступного мира. — Мы рэкетом все окрестные школы обложили. Давай доходами поделимся?... Ты только под нас не копай... А, Лопух?..

Лопухов убрал скрипку, и мечтательное выражение сошло с его лица. «Я-а-а!!» — страшным криком зарорал великий сыщик и врезал Мориарти ногой по квадратной челюсти. Гусев вылетел из окна сысской конторы, сделал руки самолетом и полетел вдоль Ленинстрит сообщать своим головорезам, что пора сушить лапти, — Лопухов выходит на тропу войны с организованной преступностью.

А Лопухов вздохнул и стал готовить арсенал, в котором было все, начиная от рогатки до базуки... Поверх элегантного костюма Шерлока Холмса он нацепил пулеметные ленты, в карманы напихал гранат и... открыл глаза.

Перед ним каменным сфинксом сидел Гусев. Уроки кончились, в классе никого не было... В маленьких злых глазах вечного притеснителя явственно читался приговор.

— Бить я тебя опять буду, Лопух. За то, что не уважаешь, — лениво процедил Гусев и замахнулся своим внушительным второгодническим кулаком...

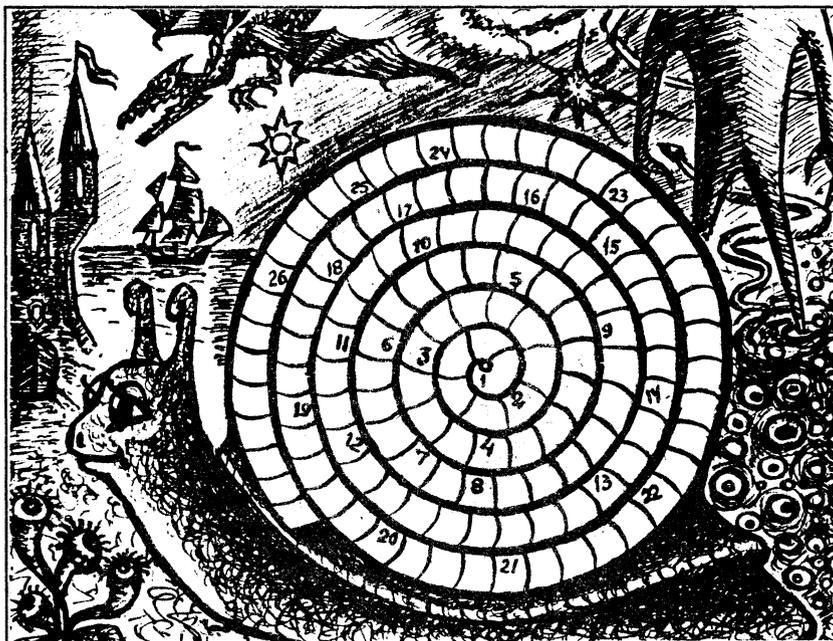
— Я-а-а!! — неожиданно для себя страшным боевым криком завопил Лопухов и врезал ногой по квадратной челюсти Гусева. Гусь выпал из-за парты с изумлением на наглой морде. Лопухов тоже удивился, что это все на самом деле, а не во сне. Но удивился не очень... В конце-то концов, рано или поздно это должно было случиться.

Ведущий рубрики Сергей КАЗАНЦЕВ

ЧАЙНВОРД «ФАНТАСТИКА»

1. Неземная принцесса — муза отечественной фантастики. 2. «Ни жизнь, ни смерть» (состояние). 3. «Живые трупы», возвращенные к жизни силой колдовства, полностью подчиненные воле хозяина. 4. Очень популярный, благодаря кинематографу, персонаж А.Беляева. 5. Наш человек в Арканаре. 6. Один из участников полета «из пушки на Луну». 7. Противник бесстрашного Рикки-Тикки-Тави. 8. Странник, встреча с которым в корне изменила размеренную и упорядоченную жизнь достойного Бильбо Бэггинса. 9. Многоликий и неуловимый злодей, громче всех смеющийся над своими мрачными шутками. 10. Термин, введенный И.М.Росоховатским для обозначения «человека искусственного». 11. Железнодорожная станция-призрак в окрестностях Старогорска. 12. В астрономии — граница дня и ночи, в фантастике — железный супермен. 13. «Это был не сон. Я действительно превратился в слона!» (фамилия персонажа). 14. «Черный, как сама тьма», пещерный житель, любитель игры в загадки, участник которой, его гость, получает шанс не быть съеденным. 15. Доктор-вивисектор, растерзанный в конце концов своими неблагодарными подопытными, так и не захотевшими «образумиться». 16. Очень умный, но и кро-

вожрый зверо-человек, выведенный уже современным экспериментатором. 17. Паразит на шее трудового народа, сатирически обрисованный В.В.Маяковским и братьями Стругацкими. 18. Наша мирная подводная лодка, с которой лучше не связываться. 19. Фамилия автора записки, заканчивающейся словами: «Возвращайтесь на Саулу и делайте свое дело, а я уж доделаю свое. У меня еще целая обойма. Иду. Прощайте. Ваш С.» 20. Зеркальное отражение слова,

обозначающего «инфернальную сущность», способную вселиться в тело и сознание человека. 21. Персонаж, который вполне мог бы, подобно герою одной из песен В.Высоцкого, сказать о себе: «Мне чуждо это «Я» мое второе!» 22. Лучшее место во Вселенной, по мнению героя рассказа Г.Диксона. 23. Один из двенадцати, еще до рождения помеченный знаком, напоминающим русскую букву «Ж» или японский иероглиф «тридцать». 24. Знаменитый капитан подводного плавания. 25. Планета, на которой Р.Шекли разместил свою «Цивилизацию Статуса». 26. Героиня греческого мифа, чьим именем назван астрономический объект, прославленный в хрестоматийном произведении отечественной фантастики.

Составил Александр СУТОРИХИН, Екатеринбург

ОТВЕТЫ на кроссчайнворд «Космический» (№5-6)

1 (по горизонтали). «Квант». 1 (по вертикали). Купер. 2. «Титан». 3. Рюмин. 4. Исаев. 5. Вин. 6. Аллен. 7. «Аэлита». 8. «Астерикс». 9. Скотт. 10. «Мечта» 11. Армстронг. 12. Грег. 13. Ганимед (спутник Юпитера). 14. «Джотто». 15. Олимп (на Марсе, около 30 км). 16. «Пионер». 17. Рукавишников. 18. Вейц. 19. Цандер. 20. «Радуга». 21. «Атлас». 22. Смеловка. 23. «Алуэтт». 24. Тюратам. 25. Макаров. 26. «Викинг». 27. Годдард. 28. «Джемини». 29. Иванов. 30. «Вероника». 31 (по горизонтали). «Союз». 31 (по вертикали). Стил. 32. «Зонд». 33. Линд. 34. Нереида. 35. «Ариабхата». 36. Артемьев. 37. «Вояджер». 38. Резник. 39. Климук. 40. Кибальчич. 41. «Чибис». 42. Седдон. 43. Нордунг. 44. Гироскоп. 45. «Просперо». 46 (по горизонтали). Леер. 46 (по вертикали). Леда (спутник Юпитера). 47. «Алмаз». 48 (по горизонтали). Рош. 48 (по вертикали). Рея. 49. «...шаг». 50. Янг. 51. Надир. 52. Райд. 53. Джанибеков. 54. «Вега». 55. «Ариан». 56. Нельсон. 57. Неделин. 58. Небо. 59. Оберт. 60. «Тор». 61. Радио. 62 (по горизонтали). Корона. 62 (по вертикали). Карман. 63. «Астрон». 64. Ньютон.

Ведущий рубрики
Максим ШИШКИН

ПРИШЕЛЬЦЫ НА УРАЛЕ: ЕСТЬ КОНТАКТ?

Рисунки автора

Сегодня тема НЛО стала не очень актуальной, тем не менее сообщения о странных явлениях продолжают поступать в уфологические группы. Среди них наиболее интересны так называемые «контакты с пришельцами». Причина повышенного интереса проста: контактные ситуации довольно редки, да и не каждый решится рассказать об этом в силу высокой странности происходящего.

Не будем пересказывать давно на шумевшие публикации, а отправимся по наиболее «горячим» следам «пришельцев» в Свердловской области. Контактные ситуации, о которых пойдет речь, были исследованы Екатеринбургской группой по изучению НЛО «Поиск» совместно со специалистами в области психиатрии и признаны реальными. Вот первый пример. Этот случай произошел в конце мая 1991 года в небольшом поселке Исток, что под Екатеринбургом. Рассказывает К.Т.

«Легла спать в одиннадцатом часу и где-то до двух часов ночи не могла уснуть. Дверь в спальню была открыта. В «большой» комнате муж смотрел по телевизору хоккей. Начала засыпать, как вдруг услышала скрип открывающейся входной двери и шаги. Решила проверить, кто же это мог быть. Убедилась и удивилась, что никого нет. Заглянула в «большую» комнату: муж, сидя ко мне спиной, продолжал смотреть хоккей. Снова легла спать. В очередной раз засыпая, опять услышала шаги, которые направлялись к туалету. Подумала — муж, но когда они проследовали дальше — усомнилась в этом, и тут меня взял испуг. Глаза все это время были закрыты. Рядом, у стенки, спокойно спала дочь. Этот некто зашел в спальню, обошел кровать и встал рядом. Сразу начало сводить тело, выпрямились руки, ноги. Голову повернуло к стене, где спала дочь. «Как бы с ней ничего не случилось», — думала я тогда. Затем почувствовала, как чьи-то руки, очутившиеся под моей спиной, начали поднимать меня над кроватью. Все это время пыталась крикнуть, но ничего не получалось. Сделала еще несколько попыток: послышался стон. Тут же этот

«кто-то» резко убрал руки. Мое тело расслабилось, и я упала на кровать. Тогда глаза были еще закрыты. Затем шаги удалились к дверям спальни и остановились. Минут пять я лежала с закрытыми глазами, после чего резко, почувствовав чей-то взгляд, открыла их. Из-за спинки кровати мне не удалось ничего рассмотреть. Прошло еще около пяти минут, пока я решила сесть, и, поднявшись, увидела в дверях белый круг

диаметром сантиметров пятнадцать. Рядом стояло некое существо ростом чуть более метра. Это был маленький мужчина с большой головой, которая по пропорциям не соответствовала телу (рис. 1). На голове «шапка» белого цвета, очень напоминающая мусульманскую чалму по своим очертаниям. Мое внимание привлекло лицо, особенно большие, с длинными ресницами и чернотой внутри глаза. Подумала: «Какие красивые глаза» (рис. 2). И тут он сделал шаг в середину круга, загордив его собой, после чего все пропало. Некоторое время я сидела на кровати, меня сильно трясло от страха, но необходимо было проверить, все ли в порядке в других комнатах. Входные двери были закрыты. Заглянула в комнату к мужу: телевизор выключен, сам он, видимо, уснул. Дочь спала спокойно. Всю ночь я не могла уснуть, думала о происшедшем. На следующую ночь боялась спать. Казалось, что от стены идут какие-то лучи. Так прошли вторые сутки, а я не сомкнула глаз».

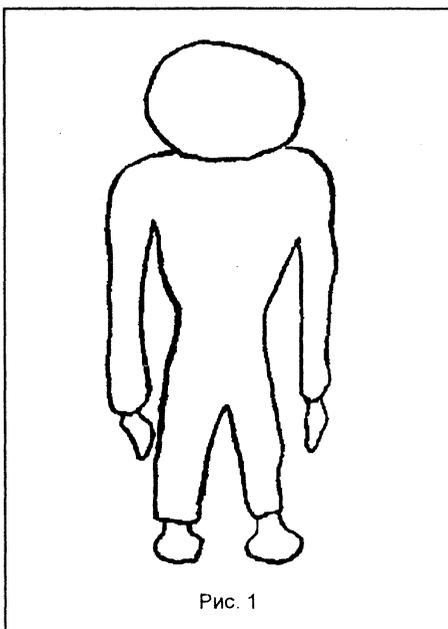

Рис. 1

Это — наиболее яркое происшествие в ту летнюю ночь. Ведь как оказалось при расследовании этого случая, которое проводил наш сотрудник С. Вохмин, одновременно в других квартирах того же подъезда слышались необычные щелчки, странные шаги (причем наутро закрытые с вечера двери оказались открытыми, а все шпингалеты на окнах подняты вверх), на улице же наблюдали НЛО желтого цвета и с тремя лучами...

Принимая во внимание «Первое Правило Исследователей Непознанного»: относиться ко всему с подозрени-

ем, — мы не можем точно установить связь между наблюдением НЛО и явлением загадочного существа в квартире К.Т. Прошли те времена, когда «уфологи» могли как угодно связывать между собой и интерпретировать по своему совершенно разные события. Конечно, очень легко приписать «странные» щелчки в одной квартире явление неизвестного существа в другой, а затем «списать» все это на инопланетян, по примеру древних, объясняющих различные природные явления «яростью богов». Это все грубо, и научная уфология считает преждевременными подобные «логические» операции.

Но вернемся к контактам. Очень интересным представляется случай, произошедший с С. в октябре 1992 года. Этим случаем занимался А. Протасевич, наш коллега из г. Красноуфимска. Так что же произошло в ту ночь?

На дворе стояла теплая золотая осень. Ночной Екатеринбург мирно посапывал, погрузилось в глубокую дрему и общежитие Свердловского инженерно-педагогического института, что на Эльмаше.

С. лег спать около двух часов ночи, жена уже спала. В четвертом часу он проснулся и лежал на спине минуты три-четыре с открытыми глазами. Никаких дурных предчувствий не было, на душе было спокойно. В комнату слегка струился свет от уличных фонарей. Вдруг справа над головой услышал какой-то шум. Повернулся — и... увидел летящую белую массу со шлейфом, которая появилась как бы из стены. Когда масса резко остановилась прямо перед лицом, то взору предстало объемное изображение девушки лет 20-25. Однако знакомка проявилась только до пояса, далее силуэт размыто обрывался. Гостья зависла в воздухе вертикально над С., в полуметре от его лица. Она состояла вся из белой массы, причем абсолютно прозрачной:

сквозь нее хорошо просматривался рисунок на ковре. Облаченная в ночную рубашку с длинными рукавами, она пристально смотрела на С. черными, как уголь, глазами; резко контрастировавшие с остальной белизной, они излучали какой-то злой и неживой свет. С. не успел опомниться, как белая рука молниеносно схватила его за правое запястье и медленно потянула к себе. Прикосновения он не чувствовал, ощущал только общее давление. С. особого страха перед знакомкой не испытывал, но почувствовал неладное и попытался вырвать свою руку. Попытка не увенчалась успехом...

Неимоверная сила утягивала С. в стену, до которой оставалось 20-30 сантиметров. Вдруг его локоть прошел сквозь сетку кровати. Еще немного, и прости-прощай белый свет, жена, друзья и любимый институт. Тогда, не выдержав, С. издал пронзительный вопль. Облик гостьи

мгновенно изменился, ее лицо и волосы позаимствовали очертания спящей рядом жены. С. оторопел — «жена» тянула его за руку. «Нет, это не моя жена! А где моя? Вроде, была слева...» — пронеслось в мозгу у С. Он схватил свою, все еще не успевшую проснуться жену за руку и снова, чтобы хоть как-то воспротивиться ночной гостье, закричал. Незнакомка ослабила хватку, и локоть вышел из сетки.

И тут С. как бы снова проснулся и открыл глаза — ничего нет, все пропало. Жена проснулась, начала спрашивать, почему кричал. С. сказал, что тут творится что-то странное. На это жена лишь посоветовала ему снова заснуть, а то уже время позднее, но сон у С. как рукой сняло.

Походив по комнате, С. снова лег. Хотел было укрыться одеялом, откинутым в угол кровати, да не тут-то было. Потянул на себя, но ленивое одеяло никак не хотело сдвинуться с места. Оно сопротивлялось с неимоверной силой, а затем даже стало тащить руку в угол. Жена мирно дремала.

«Наваждение какое-то! Прямо мурашки по коже!» — с возмущением, подумал С. Делать нечего, пришлось встать. Пошел курить. После того, как вернулся, снова лег. Одеяло на этот раз уже не сопротивлялось, но чувство тревоги мешало заснуть. Чтобы прогнать страх, выругал про себя ночной визит знакомки. Реакция была мгновенной: мощный удар, как бы здоровенной доской, со всей силы обрушился на стол. От удара стоявшая на столе электрическая плитка подпрыгнула на несколько сантиметров и тут же с грохотом опустилась обратно. Не успевшая еще толком заснуть жена вновь встрепенулась. Из всей этой истории она слышала только крики мужа, а сейчас вот этот удар — «прощальный привет» ночной гостьи.

Больше ничего странного в эту ночь не происходило. Спал за окном ночной город, мириады звездочек подмигивали далеким светом...

Как отнестись к этим описанным событиям? Серьезные исследователи контактных ситуаций взяли за правило не делать поспешных выводов из этого исходного, хотя и экстраординарного материала. Необходимо его проанализировать...

Случайно ли то, что все таинственные явления, приведенные в этой статье, происходили «далеко за полночь», а их очевидцы либо только проснулись, либо собрались спать, уставшие от мирских проблем и со «слипающимися» от недосыпания глазами? В это время человеку, очень уставшему за день, может померещиться все, что угодно. Таким образом, нельзя исключить, что в рассказах людей, столкнувшихся с этими явлениями, иногда могут описываться их сновидения, а у людей с рас-

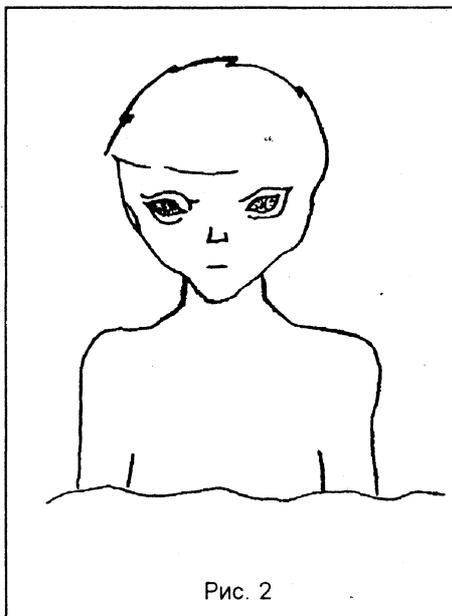

Рис. 2

строенной психикой это может быть плодом их большого воображения, галлюцинацией.

Но случаются такие «сны» и наяву. Рассказывает А.М.Токпесева из г.Ревды, пенсионерка. После пережитого она пришла в клуб, организованный екатеринбургскими уфологами, где и рассказала о происшедших с ней событиях.

Первая половина июня 1990 г. «Это было в первой половине дня. Поехала я в магазин. На остановке увидела много маленьких людей и троих «взрослых», они быстро вошли в автобус, и меня какая-то сила толкает за ними. В автобусе рядом оказались «необычные» две женщины и один мужчина. Он был выше женщин и слегка склонял голову под крышей автобуса. Кроме того, вижу, что в автобусе сидят и стоят очень много людей разного роста, и все они громко разговаривают между собой, но говор их — как на ускоренной пластинке: речь на высоких нотах, понять я ничего не могла. Но чувствую, что эти люди «не настоящие», «не земные», лишь создается видимость их присутствия. Запах в автобусе был, как при наэлектризованном воздухе, пахло будто озон. Лица людей были видны как сквозь сетку. Одна высокая женщина стояла ко мне спиной, другая в поворот. Волосы у них пышные, глаза голубые.

Мужчина был в темной одежде. Его голова и часть туловища (от груди до колен) были словно в тумане или облачке. На груди красовалась восьмиконечная светлая звезда (рис. 3).

Я достала абонемент, передала его женщине, она закопостировала, протянула руку ко мне, но не приблизилась — *абонемент вылетел из ее руки* и, переворачиваясь, горизонтально пролетел к моей руке, которой я держалась за поручень. Глаза у этой женщины улыбались, а губы нет. В глазах были светящиеся точки, которые *вращались на месте*.

Вдруг я почувствовала, что кто-то задел меня за пле-

чо, но не рукой, а будто плотным, сжатым воздухом. Я повернула голову: *на плече лежала темная узкая рука*. Мужчина стал поднимать ее кверху, вслед за рукой и я поднимала взгляд. Лица его я не видела, т.к. *голова его была в дымке*. Мне стало жутко, я чуть не закричала. Он вдруг стал быстро крестить меня рукой, и я успокоилась, стала на него смотреть. Я начала говорить что-то вслух, но произнесла только несколько слов, а потом говорила мысленно. Я его разглядывала. Мысленно спросила, где его лицо. В это

время на месте его рта приподнялась «вуаль», и он пошевелил углами губ. После этого опять стал крестить меня. Потом я глазами встретилась с женщиной и не могла оторвать от нее взгляд: она притягивала меня своими огоньками в зрачках.

Другая женщина подтолкнула меня и развернула на 180 градусов. Я была в это время спокойна. Они на вид были молоды: если сравнивать с «земными», то лет по шестнадцать. Уверена: людей с такой внешностью на Земле нет. Автобус подошел к остановке «Почта», мне нужно было ехать до следующей остановки. Автобус тормозит, и они, не прикасаясь ко мне, поворачивают мою голову в сторону от выхода. Они выходят, а я изо всех сил стараюсь повернуть голову в их сторону, и мне это с трудом, но удается.

Они были в серебристых комбинезонах и босиком, без обуви. Я удивилась, что их ноги не грязные. Все вышли на тротуар. Маленькие человечки тоже все очень быстро выбежали с писком и побежали по тротуару в сторону почты. А большие повернулись лицом ко мне, как бы провозжая, а я стояла на задней площадке автобуса и смотрела на них. С тех пор я ни на один день не забываю эту историю...».

Померещилось? Как бы то ни было, этот случай также представляется неординарным. Интересный вопрос встает ребром в ряду других: почему никто больше не видел загадочных «неземлян»?

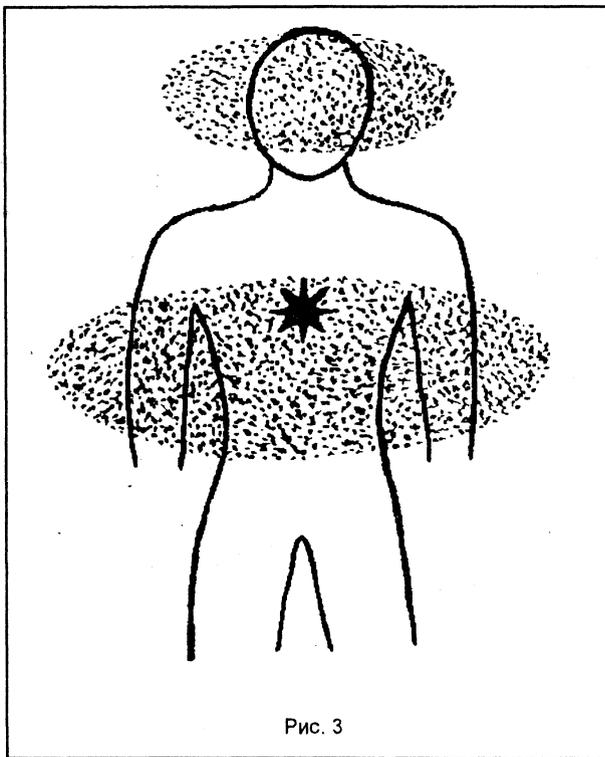

Рис. 3

Окончание в следующем номере

Юрий Сытников, Леонид Злоказов

«МУЗЫКИ ГРОХОТ, СВЕЧ БЛИСТАНЬЕ...»

Наверно все так было и в Екатеринбурге 28 декабря 1874 года — на первом новогоднем балу в Общественном Собрании, как и у Пушкина в «Евгении Онегине»:

Прийти мог каждый, кто был в состоянии запла- тить за вход. Разумеется, это не касалось членов Собрания, имевших годовые билеты.

А началось все обыденно. Сидели как-то вмес- те несколько ека- теринбургских именитых жите- лей и говорили о том, о сем. Косну- лись досужего времени, мол, в других городах есть уже общес- твенные клубы, а мы, как всегда, отстаем. Тут же и набросали черно- вика Устава, потом отправили его по инстанциям. Так в декабре 1873 года появились в Ека- теринбурге Об- щественное Собрание, или как тогда говорили, Клуб. И решено было ежегодно в день его откры- тия — 28 декабря устраивать горожанам новогод- ний бал.

У колыбели новорожденного стояли представи- тели славных екатеринбургских фамилий: Балан- дины, Дедюхины, Дрозжиловы, Рязановы, Козицы- ны, Тарасовы, Харитоновы, Поклевские-Козелл... И каждый что-то «положил на зубок» новорожден- ному. Одни — деньги, другие — мебель. Ну, а Клав- дия Аникиевна Баландина предоставила под Со- брание весь второй и часть первого этажа своего дома. Он — дом — стоит и по сей час, почти в пер- воначальном виде на углу перекрестка улиц Либ- кнехта и Первомайской. Раньше они назывались со- ответственно Вознесенский проспект и Клубная улица. Горожане помнят это здание, как бывший ТЮЗ. Сейчас в нем — театральный институт.

Любопытно то, что одно Собрание в городе к

тому времени уже было — аж с ноября 1858 года. Называлось оно Благородным и допускались в него, как правило, «особы», принадлежащие к образован- ному сословию». Неофициально оно еще называ- лось — «дворянским».

Так что новое Собрание было в пику ему — об- щественным. Аристократические условия и здесь никого не сдерживали, люди вели себя сво-

бодно, скучать не приходилось. И участников Об- щественного Со- брания бывало в несколько раз больше, чем в Со- брании Благород- ном.

Ежегодно уч- редители выбира- ли старшин Со- брания, как бы директорат, кото- рый руководил Собранием в тече- ние года. Выбира- лись самые раз- ные люди. Так, в

1889-м старшинами были: помощник исправника уездного полицейского управления подполковник Р.А. Гернгросс, член окружного суда, коллежский асессор М.К. Кетов, младший врач управления уездного воинского начальника, тоже коллежский асессор А.В. Ожегов, преподаватель истории и географии реального училища Н.А. Орлов, инженер-поручик, производитель работ и заведующий во- инскими зданиями управления уездного воинско- го начальника, член Комитета Благотворительно- го общества И.Л. Фальковский и председатель уезд- ного по крестьянским делам присутствия Н.С. Щербачев.

Таким же, если можно так сказать, разношер- стным был и состав самого Собрания: чиновники и военные, купцы и учителя... Следует добавить, что ежегодное количество одиночных членских биле- тов составляло примерно половину или чуть боль- ше числа билетов семейных. Это сколько же сва-

Здание бывшего Общественного собрания. С фото 1930-х годов.

деб было сыграно после знакомства в Собрании!..

Новшество так понравилось, что решили вместе проводить и летнее время. В 1878 году Собрание арендовало дачу г-жи А.П. Мерной, позже — городского головы И.К. Симанова. Дача стояла на берегу городского пруда между нынешними стадионом «Динамо» и мельзаводом. Тогда еще не было ни мельницы (она появилась в 1884 году), ни, понятно, стадиона.

В дни гуляний над прудом разносились звуки музыки. Оркестр во всю старался оправдать затраченные на него средства. (Эта сумма, к слову сказать, составила в том году 6601 р. 30 к., а общие затраты на содержание дома, служащих и буфета — 3517 р. 93 к.).

Но собрания летние были ничто по сравнению с зимними. Зимой и народу больше, и к дому ближе. Опять же зимнее время больше располагает к знаменитой русской хандре. Одно дело сидеть зимним вечером дома и при мерцании свечи считать тараканов на стене и совсем другое — в освещенном канделябрами-помещении участвовать в очередном дне Собрания.

Поначалу Собрание было открыто для гг. членов четыре раза в неделю, а с 1885

года — ежедневно: открылся зал, пристроенный к дому Собрания. Помещения не пустовали: читальную комнату заполняли книгочеи, в биллиардной толпились азартные игроки и зрители, а о картежниках и говорить нечего — так уходили в свои черви и пики, что пересаживали разрешенное время и вынуждены были платить повышающийся с каждым часом штраф. Азарт!

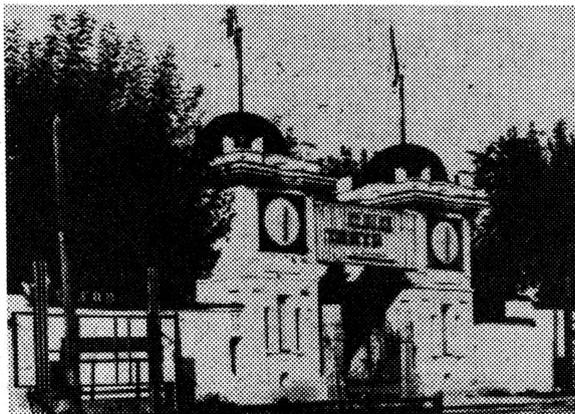
А зал? Зал пустовал только глубокой ночью. Давались концерты местных любителей и гастролеров, обеды по поводу чего-то или в честь кого-то. «...8 Декабря был дан обед в зале Общественного собрания... строителям железной дороги Екатеринбург-Тюмень...» — писала «Екатеринбургская Неделя» в 1885 году. Кроме того, зал сдавали в аренду для устройства концертов и спектаклей, и бесплатно — местным благотворительным учреждениям.

Но 28 декабря каждого года зал был главным действующим лицом.

«Оркестр музыки», естественно бальной, старается во всю. Выдвывая колени и прищелкивая каблуками, несутся в танце военные. Стараясь не отстать от них, и подражая им во всем, торопятся гражданские. Дамы плавно подметают паркет шлейфами платьев. Сидящие и стоящие у стен аплодируют общим любимцам и удачливым танцорам. Смех, шум, гам... Приветственные клики.. Взрывы хохота.. Робкие знакомства... Признания в любви.. Тосты заплетающимися уже языками... Все разрешалось в Собрании.

Кроме одного. В 4 Устава предписывалось: «Никакие разговоры в предосуждение веры, правительства, или начальства: никакие оскорбительные рассуждения, вовлекающие в ссору или клонящиеся к личности, равно и запрещенные правительством игры в Собрании сем терпимы быть не могут». Короче, каждый сверчок знай свой шесток!

Иногда балы были, если можно так сказать, тематическими: то объявлялся «ситцевый» бал, и все дамы, и девицы переживали - чье же платье окажется самым-самым, то бал «пудрэ» — и опять все в волнении — чей парик самый замысловатый. Переживания и волнения бывали не напрасны. Лучшее удостоивалось значи-

Сад-театр им. И. Вайнера (бывш. сад Общественного собрания).
С фото 1930-х годов.

тельного приза, например золотые часы — для мужчин, или драгоценная брошь — для дам. Знай наших!

Однако, увеселениями Собрание не ограничивалось. Бывали образовательные концерты, бывали и духовные. Как только в 1897 году в городском театре (теперь к/т «Октябрь»), прошли первые сеансы кинематографа, их повторение в том же месяце увидели члены Собрания в зале и в саду (к тому времени у Собрания уже был собственный сад).

В том же 1897-м в Собрании начали давать общие обеды. Конечно, не наши «комплексные». Например, в воскресенье, 2 ноября нагулявшие аппетит могли получить обед по следующему меню:

«1. Суп прентаньер (с пирожками). 2. Филе. 3. Осетрина разварная. 4. Жареное: тетерева, рябчики. 5. Пирожное: пломбир. Кофе и чай».

И все это за 1 р. 25 к.

Выборные старшины с согласия Собрания зарабатывали как могли: обеды, концерты, спектакли, гулянья в саду летом, каток — зимой... В конце 1906 года был поднят вопрос о покупке усадебного места г-жи Злоказовой для расширения сада Собрания.

Покупка состоялась в январе 1908. Газета «Уральский Край» не замедлила оповестить екатеринбуржцев: «... Общественным собранием приобретена громадная площадь усадьбы г. Злоказовой и в текущем же году будет приступлено к переустройству клубного сада по новейшему образцу... против входа в сад, который перенесется напротив концертного зала Обухова (теперь музыкальное училище им. П. Чайковского), будет разбита широкая аллея, в конце которой выстроится эстрада для музыкантов...»

Все так и было выполнено. Кроме того, за счет переноса летней террасы был увеличен зал и сцена — почти на четыре метра в глубину и два — в ширину. Руководил работами известный в городе подрядчик Г.А. Голландский, который одновременно возводил и новый городской театр (теперь театр оперы и балета им. А. Луначарского).

Число членов Собрания в первые годы держалось в пределах 300-500 человек.

Бывали приливы и отливы: в год открытия, 1873, было 332 члена, а через пятнадцать лет, в 188 году, стало почему-то 272. Но вот на 1913 год продали 344 семейных и 229 одиночных членских билета, т.е. в общем — 573. Год для Собрания оказался очень тесным. И тогда «... В общем собрании членов Общественного Собрания 21 и 22 декабря решено, ввиду тесноты, сделать пристрой для расширения клуба... предполагается по Вознесенскому проспекту...» (газета «Зауральский Край» 24 декабря 1913 года).

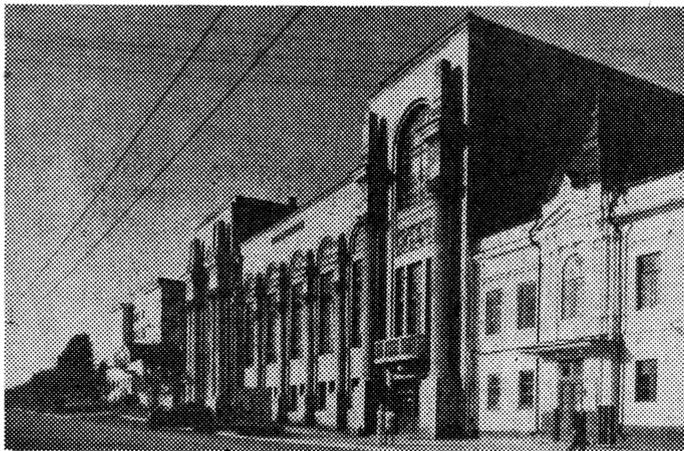
Как в воду глядели — на 1914 год было продано уже 694 членских билета!

А 14 мая 1915 года состоялась закладка нового здания — пристрой. Главным фасадом оно располагалось вдоль Вознесенского проспекта и обещало стать украшением не только улицы, но и города.

Время катилось своим чередом. Множились события, которые сначала нарушили устоявшуюся жизнь Общественного Собрания, а затем и прекратили ее — война и революция. Постепенно таяли ряды, а в конце февраля 1918 года постановлением местного Совета Екатеринбургское Общественное Собрание было закрыто. Через месяц с небольшим «Уральская Жизнь» сообщила, что «... Достройка бывш. Общественного собрания поручена архитектору гражданину Лебединскому». В том же апреле газета оповестила горожан об открытии в помещении бывшего Общественного Собрания Клуба большевиков. Еще через полмесяца; «... Исполнительный Комитет постановил приостановить все работы по достройке здания бывшего Общественного собрания...»

А в конце июля того же 1918 года в город вошли белые. Ненадолго все вернулось на круги своя:

начались прерванные распоряжениями Советской власти работы и заботы. Не отставало от других и возобновившееся Общественное Собрание. Правда, это была уже бледная копия прошлого. Все какое-то лихорадочное, вызывающее. Видимо, таково было время. Строительство нового здания продолжили, и к началу 1919 года

Филармония (бывш. новое здание Общественного собрания).

С фото 1950-х годов.

вечерне закончили. Спешно начали отделочные работы. Торопились. Как будто чувствовали, что старые порядки вернулись не надолго. Лепные работы пришлось прервать — власть переменялась.

Теперь распоряжалась новая власть. Здание постепенно с толком было достроено. В 1827 году в нем открыли Деловой Клуб. А почти через десять лет — 29 сентября 1936 года — Филармонию.

В городе трудно найти человека, который бы не знал этого здания, или сквера на улице Первомайской против музыкального училища. До некоторых пор он носил имя Л. Вайнера и официально именовался садом. Ну, и само здание Общественного Собрания...

За три составляющих и являются памятью об Общественном собрании города Екатеринбурга. Приятной и грустной памятью.

Динара ХУСАИНОВА

ЛАГЕРЬ «ГОВОРЯЩАЯ ВОДА»

Рисунки А.Кая

Это все повторяется каждый год, по несколько раз за лето. Три часа ночи, плацкартный вагон. Я перехожу из купе в купе: «Подъем, скоро приедем. Народ, растолкайте еще раз девчонок, они в том конце вагона». На нашей станции поезд стоит всего минуту. Конечно, машинист предупрежден, что будет высаживаться группа детей, но все-таки...

Потом будет пустой перрон, освещенный единственным фонарем, торопливая переключка. Старшие ребята и встречающие на перроне проводники заберут сумки у слабых. Будет дорога через лес, размытая дождями и такая же привычная, как дорога от ближайшей автобусной остановки до дома. Я иду последней, слегка подгоняя отстающих. Группа сильно растянулась по дороге, но я знаю, что до тех, кто идет впереди, уже доносятся барабанный бой и непривычные их слуху песни. Пока непривычные. Песни на языке индейцев народа лакота.

Последний этап пути — переправа по бревну через бурлящий ручей. На другом берегу ребят встречают инструкторы, уведут к костру, вокруг которого стоят индейские шатры — типи. В типи тоже горит огонь, и подсвеченные изнутри, они кажутся гигантскими светильниками с разноцветными абажурами. Проводники, освободившись от чужих сумок и рюкзачков, скрываются в окружающей лагерь темноте. Их ждут палатки административного лагеря, который индейцы называют «агентством». Я же пока побуду тут. Вместе с ребятами попью чаю и съем пару бутербродов, передам инструкторам

привезенные из города заказы. Сейчас ребят разведут по типи, познакомят с их новым домом и уложат спать. Постепенно костры в шатрах догорят, и удивительные лесные ночники угаснут. Инструкторы снова соберутся у костра: поделиться свежими впечатлениями и обсудить планы на завтрашний день.

Дождавшись рассвета, я уйду в агентство, найду свой спальник и тоже лягу — теперь я не понадоблюсь по крайней мере до вечера.

А вечером — большое типи, в котором каким-то чудом помещаются все: ребята, старейшины (инструкторы), старшие воины (ребята-игротехники) и стажеры. В очаге ярко горит огонь. По кругу, из рук в руки передается большая раковина с тлеющим сухим шалфеем, и все сидящие в типи омывают лицо и руки его очищающим дымом. Потом по кругу пойдет орлиное перо. Взяв его в руки и направив к небу, чтобы сказанные слова были услышаны Вакан Танкой, живущим высоко над гро-

зовой тучей, каждый будет рассказывать о себе: кто он, почему приехал в лагерь и чему он хочет научиться здесь. Кто-то просто хочет отдохнуть, побыть на природе. Кто-то много читал об индейцах и захотел пожить их жизнью. А кого-то интересует духовный мир этого народа, их обряды и жизнь в единении с окружающим миром. Вот перо пришло ко мне.

— Индейцы лакота зовут меня Кола Танка, что означает — Большой Друг. Я белая, но люди этого племени — мои друзья, и я пытаюсь помочь им жить в мире с другими бледнолицыми людьми... Хау.

Почему я здесь? Почему не на Хоббитских Игрищах, не за компьютером в вычислительном центре, не дома с книжкой на диване? Началось все это в 90-м году, со статьи в журнале «Уральский следопыт», в которой рассказывалось об общине индеанистов на Алтае. И с нашей поездки туда. Продолжение — вот оно, летний детский профильный игровой (и прочая, и прочая, и прочая) лагерь «Говорящая Вода». Три десятка детишек, удивленно впитывающих необычную обстановку. Они наяву, а не в мечтах попали в мир любимых книг и приключенческих фильмов. Чем все это кончится? В идеале — новым поколением, умеющим жить в мире с окружающей природой и не теряющимся перед лицом стихий. Но тогда, может быть, все это и не кончится. Потому что будет кому проводить лагерь — этот или другой — после нас.

Сегодня в типично допоздн будут звучать песни. И подлинными индейскими — под барабан, и об индейцах — под гитару. А с утра в лагере начнется повседневная жизнь. Ребята будут учиться стрелять из лука, метать копья и томагавки. Они сошьют себе индейские костюмы и научатся вышивать бисером. Узнают, с помощью каких растений можно прожить, оказавшись в лесу без продуктов. На собственном опыте разберутся, какие дрова дают жаркий и ровный огонь в очаге, какие рассыпают вокруг искры, прожигающие одеяла и спальные, а какие застилают глаза едким дымом. Они будут играть в те же игры, в которые играли их ровесники-индейцы, разучивать индейские песни и слушать предания о великих подвигах и о трагедии индейского народа. И еще они научатся тому, что нельзя не только втыкать ножи и топоры в живое дерево, но и Мать-Землю не должно тревожить боевым железом.

А я опять поеду в город — получать недополученное, докупать недостающее. И не только ткань, бисер или продукты, но и пиротехнику. Потому что в середине смены зазвучат в горах отдаленные взрывы и выстрелы, и на землю лакота придут бледнолицые. Кем они будут — золотоискателями или дезертирами из армии Соединенных Штатов, рейнджерами или поселенцами, — определяет сценарий, который меняется от смены к смене. Общее одно — индейцам придется отстаивать свои земли. Хотя начало обычно бывает мирным. Бледнолицые приходят на праздник, приносят подарки...

Из дневника участника:

«С утра в становище шли приготовления к свадьбе. У главного костра что-то готовили, здесь же разучивали свадебные песни. Все прихорашивались, приводили в порядок одежду (некоторые ее все еще не дошили), подвязывали перья. Акацита с черной полосой на левой щеке гоняли парней наводить порядок в лагере.

В полдень пришел жених, Большой Белый Охотник. Он принес в подарок томагавки для воинов рода. Охотника усадили у костра, на почетном месте. С ним появился Черный Джо, тоже с подарками, и испросил разрешения привести на праздник женщин и детей из агентства. «Они очень любят индейцев, — сказал он, — и хотели бы поближе познакомиться с их обычаями». Старейшины разрешили.

Потом пришли и рейнджеры. Они принесли боченок Сладкой Земли (халва — сленг лагеря «Говорящая Вода») и объявили, что закончили строительство дома для Охотника и его жены и на днях отправляются дальше, в земли кроу. Их тоже пригласили на свадьбу.

Так что вскоре у костра толпилась масса народу. То звучал барабан, то банджо Горького Сиропа. Белые из агентства рассматривали одежду, заглядывали в шатры. Рейнджеры хохотали, пели и всем предлагали хлебнуть «огненной воды». Воины сторонились их».

Праздник растянется на весь вечер. Будут на этом празднике и игры, и соревнования юных воинов. Будет конкурс, на котором молодые скво покажут свое умение находить выход из самых запутанных ситуаций. А к чаепитию девочки торжественно вынесут торт, приготовленный их искусными руками. Предводитель рейнджеров поклянется в вечной дружбе с народом лакота, и старейшины разрешат им поселиться на землях племени. Будет заключен мирный договор, и голоса бледнолицых смешаются с голосами краснокожих, когда у костра зазвучат песни.

Но, как оно и происходило в конце прошлого века, договоры нарушаются, и на земли лакота приходит война. В этой смене война началась с того, что «подвыпивший» солдат полез в драку с индейцем, был бит, связан и доставлен к своим товарищам в форт.

Из дневника участника:

«Нам навстречу вышел сам полковник.

— Билли! — воскликнул он, увидев связанного. — Опять надрался. Ну-ка, заберите его, — кивнул он своим людям, и двое, подхватив нетвердо стоящего на ногах драчуна, уволокли его в форт.

— Великий вождь, — улыбаясь обратился к Маката полковник, — мы приносим извинения за поведение нашего человека. Он будет наказан.

Полковник еще продолжал что-то говорить, но мы заметили, что Бродящий не слушает его, а смотрит в сторону склона, где возле непонятного сооружения, накрытого тряпьем, копошились солдаты. Бродящий подошел к ним и, не обращая внимания на попытку солдата помешать ему, откинул одеяло. Под ним виднелись связанные в треногу жерди, с которых свисала веревка, уходящая в глубокую яму. Мрачный Бродящий повернулся к полковнику. А тот,

кивнув своим солдатам, уже отступал к дверям форта. В бойницах показались стволы ружей. Макада потянул из-за пояса томагавк. Но у нас-то оружия не было. Да мы, честно говоря, не сразу сообразили, что к чему.

— Белые люди нарушили свое слово и начали искать желтый металл в земле лакота. — Бродящий смотрел на полковника. Тот, видя, что только у двух наших воинов есть оружие, нагло шагнул вперед.

— Полковник дал слово, полковник взял слово — он хозяин своему слову. И пусть краснокожие убираются, если хотят остаться в живых. Хотя... Хороший индеец — мертвый индеец. — Он повернулся к двери и небрежно махнул рукой. — Пли.

Загрохотали выстрелы. Бойницы заволкло дымом.

— Уходим в лес, — крикнул Макада, прыгая за ближайшее дерево.

Мы бросились в кусты. Я еще видел, как Бродящий, перескочив поваленное дерево, метнул в полковника томагавк. Но топор вонзился в стену рядом с дверью, а из форта полетели дымящиеся коробочки с Большим Громом (динамит — сленг лагеря «Говорящая Вода»). Но когда раздались взрывы, мы были уже далеко. Стрельба стихла, и тогда Макада поднял томагавк и издал боевой клич. Это значило, что воины выходят на тропу войны».

Бледнолицые совершают ночные набеги на лагерь, и его жителям приходится выставлять дозоры. Юные индейцы учатся разбирать чужие следы на лесных тропах и скрывать свои. Завязываются перестрелки, и бледнолицые-игротехники, с трудом ушедшие от погони, возвращаются в агентство измотанными, ободравшимися в кустах, изжаленными крапивой, а то и мокрыми — опять кто-то свалился в ручей на переправе. А из игрового лагеря доносится барабанный бой и военные песни индейцев. Там молодым воинам даются индейские имена, говорящие об их первых подвигах на военной тропе, вручаются первые перья.

В последний день смены индейцы возьмут форт штурмом. «Оставшиеся в живых» бледнолицые рассеются по лесам, спасаясь от погони... В стойбище снова будет праздник, будут индейские песни и танцы, соревнования по стрельбе из лука и метанию томагавков, игры. А вечером — последний костер. Снова пойдут по кругу раковина с шалфеем и орлиное перо, и ребята расскажут о том, чему они научились, что им больше всего понравилось, что они хотят увидеть в лагере в следующем году.

Утром, когда я поведу ребят на электричку, провозить их выйдут не только старейшины-инструкто-

ры: Бродящий по Лесам, Макада, Большой Белый Охотник, Ташунка, Хитрый Жук, Злая Лиса и Птица, — но и бледнолицые-игротехники: Горький Сироп, Сержант, Хикс, Хадсон, проводник-кроу Билли... Некоторые из них поедут в город вместе с нами, отдохнуть между сменами. И будут разговоры:

— А как я тебя копьём...

— Хочешь, покажу — как?! (Полы кожаной куртки Сержанта пробиты в двух местах, навывлет. Чуть бы в сторону...)

— А я, когда Горький Сироп со стрелой вывалился, думал — вправду убил... Говорил мне Бродящий: «Не затачивай стрелы»...

— Вы в пяти метрах от меня прошли, я в крапиву тогда упал.

— Мы не думали, что в крапиве...

— А Гризли говорил, что на следующий год, может быть, будут лошади...

А оставшиеся в лагере уже повалились спать. Немного придя в себя, они соберутся в одном из шатров или у костра в агентстве, будут обсуждать удачу и неудачу смены, планировать следующую. Потому что через два дня я привезу новую группу. И вновь нужно будет быть мудрыми учителями или негодьями, помогать юным индейцам привыкнуть к лесной жизни и понять ее, отработать драки, метко стрелять поверх голов, падать со стен форта и кувиркаться под градом стрел. Игра? Работа.

Наверное, можно было бы рассказать еще о многом. О том, как на скальных отрогах хребта Караташ появились Скала Индейца и «священное» дерево. Или о том, как ребята-игротехники по окончании лагеря почти на руках выносили грузовик со снаряжением по разбитой непогодой таежной дороге. (Это сейчас они вспоминают об этом с улыбками!) О том, что и посреди зимы дети, побывавшие летом в лагере, пишут письма, собираются на сборы и слеты, приходят в школу, в которой мы работаем, приезжают из других городов...

Если вы хотите услышать, что же еще происходило в нашем лагере, посмотреть фотографии и отснятые видеокассеты, принять участие в одной из смен следующим летом — пишите! Мы — это творческое объединение «Росстань». Нам помогают проводить лагерь детская общественная организация «Пионеры Башкирии», Комитет по делам молодежи и республиканский Обком профсоюзов. Инструкторами приезжают индейцы из разных городов России: Москвы, Санкт-Петербурга, Тюмени, Новосибирска. Наш адрес: 450005, Уфа-5, а/я 351.

И пусть вечно стоит лагерь «Говорящая Вода». Хау!

